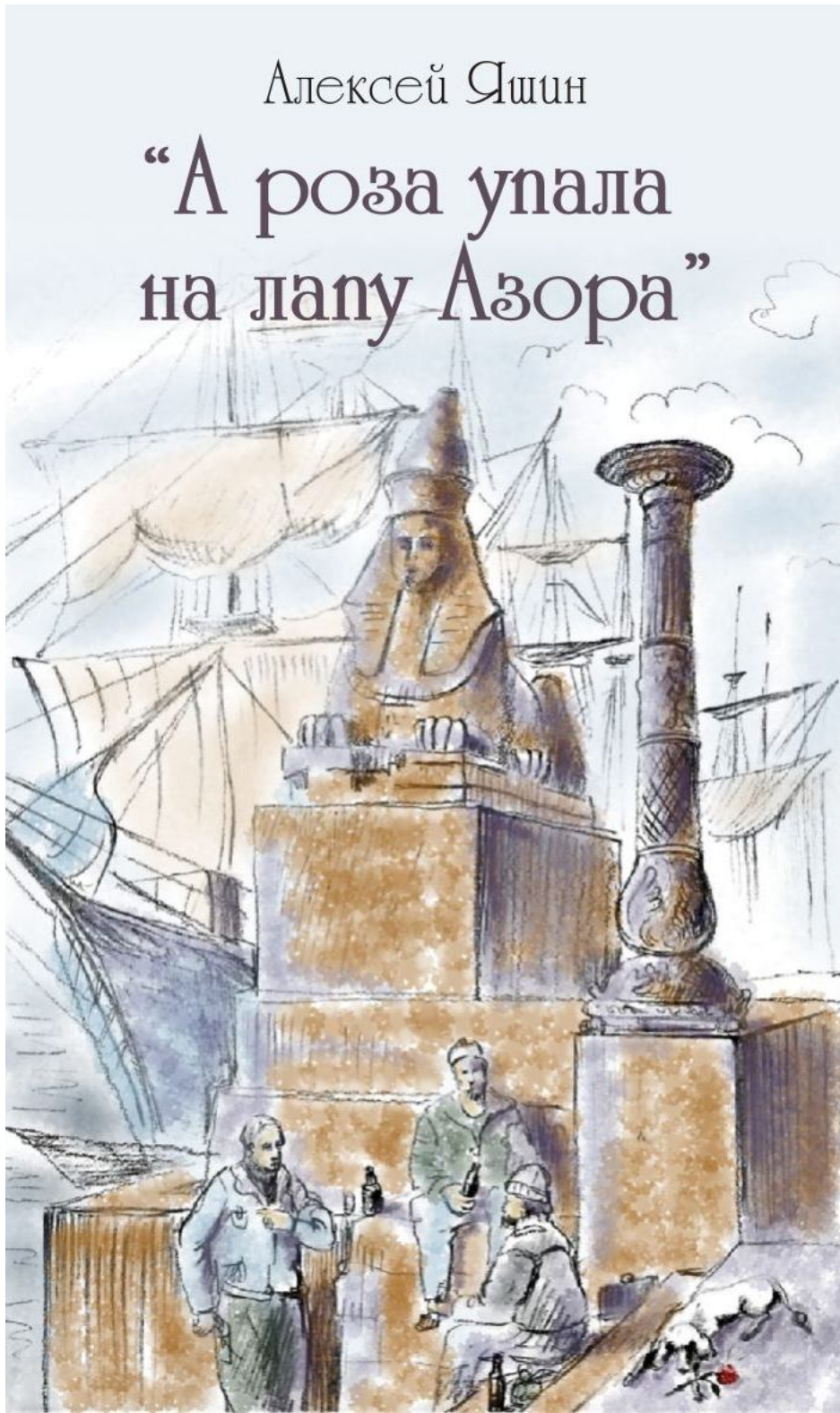

Алексей Яшин

“А роза упала
на лапу Азора”

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЕКСЕЙ ЯШИН

**«А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ
АЗОРА»**

ТРИОЛЕТЫ В ПРОЗЕ

Санкт-Петербург
Издательство «Центр современной
литературы и книги на Васильевском»
2025

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. «А роза упала на лапу Азора»: Триолеты в прозе (новая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— Санкт-Петербург: Издательство «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2025.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-94422-197-1

...Наш гипотетический читатель острым своим взором непременно заметит: книги рассказов наблюдательного и словоохотливого — на бумаге, а в жизни молчуна — Николая Андреевича чередуются с романами и повестями без упоминания такого в названии. Автора и самого заинтересовала такая «череполюсица» в им же сочиняемых литературных опусах. И додумался-таки: обычный физиологический, в том числе физиологии мышления, регламент — смена рода занятий даже в пределах одного ремесла. Словом, как в том давнем пролеткультовском, вошедшем в фольклор: «Попашешь, попашешь, попишешь стихи». Новеллы, здесь в триолетной форме, есть те же стихи в прозе, в которых «пишущая душа» расслабляется от дисциплины активного, оперативного мышления и полностью отдается во власть творческого подсознания. И вот оно-то напропалую режет правду-матку, понимаемую как литературное отображение жизни в себе и вокруг себя и именно в тех ее перипетиях, что автор полагает небезынтересными все для того же гипотетического читателя, что ныне на вес золота... Думается, что и эту, четырнадцатую по счету, книгу рассказов Николая Андреевича кто-то на досуге полистает... а иной и прочтает.

Иллюстрация на обложке Олеси Янгол (Юрмала, Латвия).

© Яшин Алексей Афанасьевич,
текст, макет книги, 2025

ОТ АВТОРА: ВСЕ БЫ ТЫ ЗНАЛ, ДА НЕ ВСЕ БЫ ВРАЛ

♦ «Не совершь, красиво не расскажешь», — говорит командарм Семен Михайлович Буденный неуловимым юным героям в одноименном фильме. Действительно, мысль изреченная есть ложь (классик сказал) по определению, но ложь груба, поэтому для благозвучности ее и следует сгладить выдумкой. Это можно понять как шутку, но в то же время и задуматься: ведь красота оборотов речи приятнее на слух ложится, нежели голая правда?

Но вот что интересно: свободный рассказ-новелла, то есть не стесненный рамками всевозможных самоограничений, взятых из американского диалекта английского языка всяких политкорректностей и толерантностей (толерастий), оглядок «как бы чего не вышло» и так далее, есть прямая работа подсознания — кладовой фенотипической памяти и фабрики творческого мышления, — а она, глубинная память человека, обладает тем уникальным свойством, что не хранит воспоминаний негативного характера. Как, например, человек не помнит зачастую некогда испытанную физическую и душевную боль. А раз так, то свободный рассказ волею доминирующего в творчестве подсознания и получается несколько «сглаженным». Резюме к прамбуле: святая, неосознанная ложь во спасение творческой свободы человека в наше суконно-цинковое, бездуховно-судорожное, извращенческо-педерастическое (это у них на Западе) и пр. время активной фазы империалистической глобализации вполне оправдана.

Итак, остановимся на сказанном, дабы и далее многостранично не растекаться мыслию по древу (познания?): даже описывая сугубый факт прошлого и настоящего, следует держать в уме — это как де-

лая арифметическую операцию в том же уме — все равно не поверят. Ибо давно сказано мудрым человеком: никакая фантазия не в силах сравниться с тем, что порой преподносит нам реальная жизнь. И мы, мысленно благословясь, не станем в своих новеллах бессмысленно фантазировать, а если и приукрасим слегка действительно бывшее, то здесь претензии к нашему хитро, но спасительно для нас же, устроенному подсознанию. Круг замкнулся, а мы хитрованно из него вывернулись...

К великому сожалению, именно сейчас в полной мере сбывается определение существа-человека, данное великим провидцем Ф. М. Достоевским, что-де человек есть существо на двух ногах и неблагодарное. А неблагодарность имеет самое прямое отношение... если не к идее сочинения этой книги, то несомненно к уменьшению объемов новелл вдвое — по отношению почти ко всем предыдущим «сборникам рассказов Николая Андреевича». Действительно, «среднелистовой» размер произведений условного малого жанра, то есть рассказов, новелл, фельетонов, пейзажных «зарисовок» и так далее, вплоть до совершенно нового по терминологии названия *высказы*, что недавно ввел в обиход мой добрый приятель, почти одноклассник по Литинституту, поэт из Щекина, что рядом с Тулой, Валерий Кулешов, достаточно разнится. У Николая Семеновича Лескова замечательные его рассказы порой достигают размера небольшой повести. Уже не говорим о Федоре Михайловиче, у которого названные рассказами «Скверный анекдот» и «Вечный муж» простираются на шесть десятков и сто пятьдесят (!) книжных страниц... соответственно.

Нас же Борис Михайлович Зубавин, писатель фронтового поколения, первый главный редактор возобновленного «Нашего современника», в семинаре которого в Литинституте имел честь состоять, на основании своего немалого жизненного, писательского

и редакторского опыта наставлял придерживаться размера рассказа «не больше авторского листа, но лучше поменьше, где-то под двадцать машинописных листов, — поучал он, — понятно дело, через два интервала». И добавлял многозначительно: «Тогда у редактора, журнального или издательского, особой охоты вычеркивать не образуется».

◆ Вот послушался доброго седовласого Бориса Михайловича и забот себе особых не знал... вплоть до середины двухтысячных, когда в «стратегии и тактике» литературных журналов, альманахов и коллективных сборников произошло что-то навроде виртуального картельного сговора. Это как прошлой осенью с взлетевшими в два-три-четыре раза, причем по всей стране, ценами на куриные яйца. Дескать, рублишко к доллару-молодцу упал, импортные петухи-производители кусаться по цене стали! Так и редакторы журналов и альманахов, составители сборников «к датам и событиям» (про юмористов-фельетонистов не ведаю — эти жанры ныне в забросе) в един радостный голос — в «один клик на компе», как сейчас говорят — забастовали перед своими авторами: «Друг! Конечно не залежится — опубликуем в лучшем виде, но — ни единой страницы больше червонца!» — «А как же, пардон, качество литературное? Стиль там всякий, мастерство наработанное на бесплатной литературной же ниве, актуальность, а?» — «Ха-ха, приятель! Не в век великой русской литературы живешь, да и время основательной советской, увы, сгинуло в небытие. Словом — десять и баста!» И что за напасть такая?

С ужасом вспомнил: сам ведь тоже почти двадцать лет являюсь главредом «толстого» литжурнала. Конечно, до полной уравниловки «десять и баста» еще не дошел, ориентируюсь на имена и содержание по старинке, но... вот формирую очередной номер «Приокских зорь», а глаза уже замыливаются сами

по себе, на автопилоте, порой начинают, а именно невольно вспоминается веселая советская инженерная молодость. Послужишь трудовень в «почтовом ящике», порисуешь вволю на пришипленном к доске кульмана листе ватмана всякие штучки-дрючки к очередному «изделию», вывалишься веселой компанией на бодрящий морозец и — в сторону знакомой «стекляшки». А к нехитрой закуске добродетельная буфетчица *тетя Маша* разливает по стаканам молдавский портвешок, который по инженерному индексу «грамм-градус-копейка» высоко стоит!

Аналогия же здесь полная: редактор-составитель тоже всюю пользуется схожим индексом «количество (в страницах) — качество (не до того, Федя, не до того) — типографские расходы (в лучшем случае подачи, а то и вовсе за счет авторов)». Надеемся, все понятно и никого особо не обидели.

Поскольку же пишу «книгами» исключительно для виртуального творческого самовыражения, то с читателями, надеюсь, пока еще реальными, общаюсь через публикации отдельных рассказов-новелл из этих книг. А значит и мне пришла пора перейти на «десюнчики», что и делаю в этой книге. Как говорится, «держишься за авось, пока не сорвалось», а на нынешнем американо-нижегородском: твой челендж в кликах встретит миллионы просмотров...

Но причем здесь неблагодарность, которую Федор Михайлович устами своего персонажа ставит в красный угол характера человека? — А при том, что в описанной выше ситуации писатель — издатель (смотри поэтические беседы таковых у Лермонтова и Маяковского) оба они обладают этим неместным качеством-перевертышем в отношении друг к другу, а именно: скрепя добрым в своем содержании сердцем, редактор-издатель грубо «половинит» нежную музу сочинителя; последний же ворчит на редактора, не желая вникать в его сложности...

◆ А раз речь пошла о перевертышах, то и решили мы, ничтоже сумняшеся, в качестве названия книги взять нетленный шедевр Афанасия Афанасьевича Фета: «*А роза упала на лапу Азора*». И если выше мы, мысленно пыхтя и иссушая мозговые извилины, изворачиваясь не хуже ужа в руках, обосновывали переход к десятистраничным новеллам, то сейчас переходим к «фактуре перевертыша»: почему и зачем так их следует сочинять, чтобы, во-первых, и книгу можно было читать от конца ее к началу (это как на арабском и иврите), и — это уже сверхзадача сочинителя! — и каждую новеллу листать тоже с конца ее. Ни много, ни мало.

Зачем такой клинический изыск? — Опять же по «желанию широких масс трудящихся», в смысле гипотетических читателей. Сейчас не читают в традиционном понимании этого действия, а извлекают информацию, то есть информация вместо знания, а вместо слова — цифра... особенно в конвертируемых дензнаках. Желательно чтобы она размещалась крупными буквами на одной стороне листика А5 лощеной бумажки, что унылые ребята в оранжевой униформе раздают у входов в магазины с залежалым товаром. Точно такое же отношение выработалось по отношению к книге, коль скоро она попала в руки. Самое печальное — не только у глупышей-тинейджеров, кешбэкистых парнишей, но и у большинства людей старших поколений, у которых с советских времен сохранились полки, шкафы, даже стеллажи с «полными собраниями сочинений». Не голословно говорю, но по жизненным наблюдениям.

Если еще четверть века назад можно было услышать уверение «прочту от корки до корки», причем этим фразеологизмом ошарашенный подарочной книгой благодарил ее автора, то сейчас в ходу устойчивый уже мнемоним «полистать книжку». Вот

и с телеэкрана реклама идет: вайтластая $90 \times 60 \times 90$ блондинка полулежит на диванчике и рассуждает вслух: «Чем заняться? — Дэну (своему трахателю) позвонить или журналчик (глянцевый) полистать?» Причем листают произвольно: по-европейски и по-арабски, начиная «от корки», с середины, вообще с произвольной страницы. Особо изящно — если глядеть со стороны — такое перелистывание смотрится у женщин детородного возраста. Держа раскрытую книгу в левой руке, несколько согнутой в локте и на расстоянии поболее рекомендуемых в начальной школе двадцати пяти сантиметров, что свойственно редко читающим, она — обычно блондинка или стриженная шатенка, брюнетки обычно заняты хлопотами по домашнему хозяйству — смотрит на книжный текст слегка искоса, ибо легкая косинка, естественная или искусственная, украшает женщину, волнует мужчин, особенно матерых, у которых от вожделения даже сизеют носы... Правой же рукой, чайно-церемонно отставив мизинец, указательным пальчиком с хорошим маникюром листает странички справа-слева-вдругорядь справа — снова слева, особо на них изящно-косоватый взгляд не задерживая.

Мужики же берут в руки книгу в минуты душевной хандры: выпить хочется, и бутылочка грузинского «Асканели» припрятана в кладовке, но гаишники опять снизили планку промилле-контроля. Поэтому взял в комнате сына с полки первую попавшуюся книжку, прилег с ней на диван, раскрыл — что-то знакомое с первых строк, посмотрел на обложку: ба-а! «Хождение по мукам», том первый советского издательства «Просвещение»... И от нахлынувших воспоминаний прикрыл глаза, а книга стукотно из руки на пол свалилась. Вспомнился десятый класс и одноклассница Ленка, с которой накануне уговорились у нее дома (родители и бабка на даче земледельничают) готовиться к экзамену, освеще-

жить содержание главных книг обоих Толстых — «Войны и мира» и «Хождений...». Начитались на славу: почти до выпускного вечера Ленка сама не своя ходила, тайком календарик вынимала из кармашка, все что-то высчитывала, беззвучно шевеля губами. Слава богу, обошлось.

Потом и вовсе задремал. Снился граф Толстой, который советский. Третьим в их компанию за бутылкой ноль-семь «Асканели» затесался Телегин — из романа. Только к ужину разбудила его дородная Елена Филипповна.

...Но добил телефонный звонок из столицы — от научного коллеги в академическом звании и солидном авторитете. Поблагодарил за присланную новую книгу, в смысле художественную, и подробно, с профессорской сановитостью и остепененной основательностью, поучительностью лекционного оратора разъяснил как он читает книги: «Беру ее, голубушку, читаю первые несколько страниц, затем с конца столько же и в середине наугад. После чего с начала до конца, как говорится от корки до корки, неторопливо перелистываю книгу, порой задерживаясь на заинтересовавших эпизодах...».

Здесь уже не удержался, не хуже того читателя «Хождений по мукам» вспомнил о непатриотической квадратной бутылке «Джонни Уокера», давно ждавшей своего часа. Благо частнособственническим авто не обременен, молодцов-гаишников не опасуюсь. И уже после первой — под патриотичный огурчик — твердо решил: укорочу-ка я язык Николаю Андреяновичу — это раз, а два — так запишу его рассказы, чтобы читать их можно было в любом перелистывании страниц. Словом, «ворона летела, собака на хвосту сидела».

Понятно дело, не в прямом, нынешнем суконно-цинково-цифровом, смысле надо понимать, что любую новеллу Николай Андреянович так расскажет,

чтобы можно было по буквам одинаково прочитать с начала до конца и с конца до начала — как сказку Афанасия Афанасьевича. Кстати, самого, как человека любознательного, заинтересовало: а можно ли с помощью этой компьютерной цифрофрении в такой взаимообратной грамматике и синтаксисе десятистраничный рассказ соорудить? В университете заседаю в диссертационном совете по кибернетике, потому и обратился к одному из коллег, большому спецу по программированию — объяснил возникшую доуку. Тот сообразил, согласно кивнул головой, попросил время на прикидочное раздумье. А к следующему заседанию совета выдал результат: «Понадобится тебе, Афанасьич, плюс-минус в восемьдесят-девяносто процентов следующее: сектор узких специалистов-лингвистов с консультантами-профессорами по филологическим наукам; за большие деньги нанять тройку-пятерку постановщиков задач, роту программистов опытных. Прикупить в их полное распоряжение с полсотни тысяч компов* высокой производительности, работающих в режиме параллельных вычислений, и... обеспечить всю эту ораву полуторагодовой зарплатой. *Достойной*, как сейчас в телерекламе вещают. Успехов!»

Ни у виртуального Андреяныча, тем более у реального Афанасьича, таких «бабок» нет. Потому и обойдемся условными новеллами-перевертышами. Как говорится, клиент всегда прав — он же читатель творений безгонорарного сочинителя.

◆ И прав он абсолютно! Писатель — он, конечно, горьковский инженер человеческих душ, но все же витает в эмпиреях, характеры сочиняет всякие, осторожно критику наводит... словом, далековат от

---

* Где-то рядом с Братской ГЭС, ударной стройкой советских времен, то есть с дешевой электроэнергией, по сообщениям СМИ трудится коллектив изготовителей криптовалюты, у которого задействовано 25 тысяч компьютеров... — Прим. авт.

общенародной скучной жизни. А вот читатель и есть народ, хорошо понимает сегодняшнюю жизнь. Она же такова нынешняя, что следует во всем осторожным быть. Много всяких ограничений, запретов, штрафных установлений от власти. Оно и правильно; либералы, агенты западного империализма-сатанизма, за четверть века сбили с панталыку доверчивый наш народ, а теперь их духовные хозяева и вовсе руками бывших братьев-хохлов воевать Россию начали. Законы же военного времени должны быть настраиваемыми по определению!

Соответственно и литератор-сочинитель обязан основательно попридержаться — для общего блага! — полет своей фантазии, а значит и значительно сузить тематику своих жизне- и прочих описаний. Да и народная мудрость вторит: в мор намрутся, в войну нагутся. То есть чего не знаешь очевидцем, то и не берись писать об этом.

К чему мы это? — А к тому, что всякое сужение тематики по принципу Архимеда «где-то убыло, а где и прибыло» неизменно усиливает акцент на психологизм характеров и обстоятельств. Отчасти и Эзопов язык стимулирует. Это как в советской литературе с ее ограничениями... впрочем, также обоснованными, во многом и на пользу ей пошедшими. Коль скоро же до всяких психологизмов дело дошло, то их даже полезно «с конца читать». Опять же выкрутились.

...Господь наш Вседержитель! И не заметил, вольнолюбиво расписавшись, что уже цифру «10» на этом листе поставил. Значит пора с вводными пояснениями шабашить, раз накрепко решил «десюнчиками» ограничиваться. Ведь даже в советских «идеологических предисловиях» к редким изданиям в русском переводе «классово чуждых» авторов — навряде Камю, Сартра, Кафки — таковые не превышали

1/10 от объема книги.* У нас «идеология» попроще будет, поэтому и завершим наши чистосердечные пояснения, перейдем собственно к новеллам, размер которых вызовет поощрительную улыбку на лице редактора журнала, не утомит читателя, а нам-то как хорошо? — не надо сюжет и композицию накручивать, всякие там характеры выписывать до медального блеска... Лучше как у Бальмонта:

Обожаю невозможность,
В чем есть свойство тех, в ком тонкость,
А возможности желанны
Только тем, кто глуп.

И еще одна *nota bene*: новеллы в этой книге игриво названы «триолетами в прозе». Напомним, триолет есть восьмистишие, в котором четвертый и седьмой стихи (строки) повторяют первый, а восьмой повторяет второй. От тройного повторения первой строки и французское название: *tripe* — это числительное «три» по-русски. У нас в книге также три рассказчика, а поскольку они для каждой из десяти заданных (автором) тем высказывают свое видение ее, то и получается триолет... в прозе.

...Кстати, все рассказанное в этой книге взято из сугубой реальности, так или иначе коснувшейся автора.

---

* Пример: в «Избранном» Альбера Камю (М., «Прогресс», 1969), при общем объеме 543 страницы, предисловие С. Великовского составляет 45 страниц. Хотя и иной, но все же десюнчик! — Прим. авт.

Триолет воспоминаний о встречах

«А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»

◆ «А ро-о-за упа-а-ла на ла-а-пу Азора», — напевал профессор Скородумов на мотив песни Сольвейг из «Пер Гюнта» Грига. Уроженец Европейской России, Игорь Васильевич почему-то питал приязнь к мелодиям северных композиторов: финна Сибелиуса и норвежца Грига, И предков у него, коренного русака из крестьян, из тех краев по определению быть не могло. Всяко бывает. Сейчас вот рекомендовано студентов их университета из Африки, заглаза конечно, называть не неграми, но афроамериканцами, хотя бы те кроме своего Габона с Камеруном, а ныне России, других стран не видели...

Мурлыкал же печальную, но успокаивающую мелодию по той созвучной причине, что «разведка из главного корпуса» донесла: хотят всучить ему блатного аспиранта на остепенение, причем с фамилией, отдаленно напоминающей норвежскую: Лаксельев. Не дожидаясь вызова к проректору для «дружеской» беседы, Скородумов работал на опережение: сочинял пространную служебную записку о непрофильности темы своих научных упражнений спецификации, или как там оно казенно именуется? — специальности их университетского диссертационного совета по биологическим наукам... и всех остальных в подлунном мире тоже.

Завершив обоснование округлой своей подписью, Игорь Васильевич полюбовался — это в век-то сплошного компьютерного набора, даже в любовных признаниях и предсмертных записках! — ладно исписанным паркеровскими чернилами листом и положил его в папочку «долгих дел». Взглянул на настенные часы, что висели над входной в его кабинетик дверью, присвистнул: уже двенадцать! Со вре-

мен Ломоносовской академии, подчинявшейся всеобщему в Питере «адмиральскому часу», уже под три сотни без малого лет все отечественные вузы обеденный перерыв начинают по этому табелю. «Ба-абах!» — изобразил шутейно Скородумов пушечный выстрел на равелине Петропавловской крепости, тут же пожалев, что в «гастрономическом» отделе шкафчика уже неделю как нет ничего гостевого — бутылочки генеральского, он же профессорский, чаю. Соболезнующе усмехнулся сам себе при мысленном произнесении слова «генеральского»: это только при царе профессор имел чин действительного статского советника, то есть генерал-майора... Не зря же Сталин, чтивший императорские русские традиции, в войну одел всех медицинских профессоров в генеральские мундиры! Здесь Игорь Васильевич и вовсе задумался: а ведь он-то двойной доктор наук и имеет два ученых звания профессора — чем черт не шутит: может и на тайного советника при Николашке-царе потянул бы?

Неопределенно хмыкнув, профессор Скородумов вновь мимолетно вспомнил о досадливом кандидате в его аспиранты. Лет пять назад, составив «джентльменский набор» для профессора его ранга, то есть десяток защищенных докторов и двадцать кандидатов, Игорь Васильевич полностью охладел к возне с аспирантами и докторантами: пустое все это, только время отнимают! Проще потратить немного мозгов и времени и самому за пару недель диссер состряпать из своих побочных материалов, чем вдалбливать в голову очередного интернет-солипсита, обычно из блатных по линии университетской администрации, самые очевидные истины. Да-а, то ли дело было в его инженерную если не молодость, то уж во всяком случае во время вступления во взрослую основательность. Заулыбался, присел на кабинетный свой диванчик, откинул высокоученую голову на спинку,

прикрыл глаза — и потекли воспоминания, воспоминания... во-о... задремал безо всякой причины, без усталости то есть, без наркомовской или адмиралтейской стопки, да и ночью прошедшей честно отдал Морфею конституционно закрепленные восемь часов. А просыпаться посреди сна — у него и в заводе не было такого... то есть слегка трансформированная им же телереклама: «Если чаще чем три раза *встает* за ночь — на хрен афалаза», — не для него озвучивается на *тэвэ* круглосуточно.

♦ Вот он, Игорь Скородумов — уже с десятилетним опытом инженерной работы в трижды орденоносном научно-производственном объединении «Меткость», во всех отечественных и натовских военных кругах почтительно именуемом «фирмой академика Гусакова»... То есть согласно условной таблицы о рангах по должности соответствует капитану. Еще шаг — и перейдет в эквивалент старшего офицера. Ускорить же это святое дело Игорь (отчество еще не положено) решил защитой кандидатской диссертации, хотя бы в оборонпроме середины восьмидесятих годов — это дерзость. Тогда имели вольность себе позволить степени лишь начальники «ближнего круга» — к руководителю организации; в «Меткости» же академик Гусаков с легким юмором несколько садистского характера так озвучивал свое отношение к «*вчѣным степеням*» подчиненных: «А вот пусть этот многомудрый *N*. лет двадцать... лучше тридцать попадет у *меня*, станет начальником отдела... лучше отделения, получит в составе коллектива госпремию, сдаст свое изделие в серийное производство — тогда пусть и защищает диссертацию по каким хошь наукам. Даже по филологическим. Ха-ха-ха!»

Но главный инженер, у которого, как председателя первичной организации на «Меткости» Научного общества радиотехники имени А. С. Попова, Игорь

являлся ученым секретарем, то есть и вел все бумажные дела «первички», подписал ему разрешение на защиту. Имел такое право от Гусакова, который являлся ракетчиком и в радиотехнические дела не вникал.

...Вот диссер вчерне готов. И место защиты закреплено: входящий в десятку первых солидный московский институт, куда Игорь проторил дорожку, бывая там в командировках по теме своей работы в «Меткости». Понравился он тамошнему «холодному» профессору* Андрею Сергеевичу, привезя для знакомства столь редкостный в горбачевскую «борьбу с трезвостью» презент — бутылку «Экстры», купленную по талону на две таких емкости в месяц. Так матерый зубр от педагогики стал номинальным научным руководителем Игоря. Номинальным по той причине, что, побеседовав с провинциальным парнем за гостевой «Экстрой», резюмировал: «Голова у тебя правильно мыслит, в нужном направлении. Ученого же учить — только портить. Сам справишься, без подсказок. Так что соедини в связный текст материалы своих статей в журналах и приезжай с готовой диссертацией. Ее-то вместе просмотрим, коррективы внесем и — на защиту!».

Сказано — сделано. К июню третьего года безалкогольной горбачевщины Игорь пошабшил. Позвонил Андрею Сергеевичу. Состоялся многозначительный разговор.

— Андрей Сергеевич? Здравствуйте. Могу я подъехать с черновиком работы? Это Скородумов беспокоит.

— А-а, дружище! Ты вовремя подгадал. Моя благоверная в командировку на четыре дня вчера в

---

* То есть не имеющий докторской степени, кандидат, получивший аттестат профессора «за выслугу лет» на педагогическом поприще, имеющий защищенных аспирантов.— Прим. авт.

Ярославль укатила. И сын сказал (Игорь уже знал, что сын Андрея Сергеевича по ведомству Лубянки служит), что несколько дней его не будет. И у меня экзамен следующий только через неделю. Так что завтра утром прибывай, квартира в нашем распоряжении. Денька три посидим, поработает, обсудим все неясности и недоработки. Жду на факультете!

— Э-э, Андрей Сергеевич, дополнительные «тома» взять? Парочка талонных имеется...

— Возьми, почитаем. Впрочем, завтра к полудню в магазин специализированный, что во дворе ма-тушкиного дома, обещали фуру с ней подогнать. У нас ведь без талонов, так что, ха-ха-ха, дополним собрание сочинений!

◆ Оформив командировку — всегда есть дежурная причина: согласование и увязка по совместной с институтом разработке,— Игорь остаток трудодня и весь дополуночный вечер перечитывал черновик диссертации, внося правки и дописывая связки между параграфами и главами. А в пять утра уже в пешем порядке — транспорт еще не ходил — торопился успеть на первую электричку до столицы. Хорошо, что тащится она почти четыре часа: досматривал ночные сны на жестковатом сиденье. Вышел из суматошного, тряского железнодорожного сна только на остановке Весенняя — вдали виднелся городок Климовск: кучка пятиэтажек вокруг военного предприятия, с которого некогда взял старт в стремительный карьерный бег академик Гусаков.

В оставшиеся до прибытия на Каланчевку полчаса Игорь заново пересмотрел листки с вопросами, заготовленными для Андрея Сергеевича. Настроение от раннеутренней бодрости и все же расслабляющего вагонного сна сменилось легкой паникой. Усмехнулся: вроде как со времен институтских экзаменов грех такой за ним не водился.

С Андреем Сергеевичем он столкнулся в фа-

культетском коридоре, не доходя до преподавательской, где имел свой стол уважаемый «холодный» профессор.

— Ага, Игорь сын Васильевич, отметь у секретарши командировку и айда на выход, пока мне какую-нибудь пакость Борис Федорович, декан наш разлюбезный, не вчинил. Молодец, что большой портфель захватил: звонил сейчас матери — фуру уже разгружают, ей в окно видно. Значит такая диспозиция: сейчас дуем в сторону Новодевичьего, к маме, она обед уже приготовила. Затем на само Новодевичье сходим; у меня пропуск туда есть — родственник наш покоится. Поэтому все мои знакомые просят туда сводить — именитые могилы посмотреть. Потом затаримся и ко мне на Фестивальную, это около Речного вокзала. Эх и поработаем на славу! Да, у тебя с деньгами как, не разорю? А то нам сегодня все в разные концы добираться, только на такси и успеваем! Просто я свою зарплату на сберкнижку перечисляю, а на хоздела супруга свою дифференцирует, так сказать.

Родительское гнездо, где сейчас в квартире проживала мать Андрея Сергеевича, бодрая старушка в окончании восьмого десятка, с незамужней племянницей (ее дома не оказалось), располагалось в некогда знаменитом Доме красных командиров, о чем сообщала гипсовая лепнина над входом в стесанном углу здания. Обедали по летнему времени крошкой и превосходной жареной курицей, по-московски сдабривая ее чесночным соусом, — под замечательный портвейн треста Узбекистонвиноси, десяток бутылок ноль-семь которого Андрей Сергеевич позавчера привез из Ташкента, куда был командирован по линии общесоюзного Минвуза в составе инспекторской бригады в тамошний технический вуз.

Вторую бутылку, не жадничая, не допили и отравились в ближний Новодевичий монастырь, на

кладбище которого Андрей Сергеевич провел экскурсию мимо наиболее значимых мест упокоения. Особенно Игорь заинтересовался памятником на могиле жены Сталина: в коробе из стекла, явно пуленепробиваемого. «Хулиганы-антисталинисты нос и пальцы на кистях рук постоянно отбивали», — пояснил Андрей Сергеевич.

После скорбного вернисажа вернулись во двор краснокомандирского дома, уже заполнившийся народом. Где-то с час, беседуя на антиалкогольные темы, отстояли в очереди, затарились, так что еле замок объемистого портфеля защелкнулся, «Столичной» и потом долго ехали в такси до улицы Фестивальной. Перед домом Андрея Сергеевича зашли на небольшой, квартальный рынок и купили пару кило порезанного и замаринованного шашлычного мяса.

♦ Зайдя в квартиру, Андрей Сергеевич с порога предложил для начала, с уличной июньской жары, освежиться парой стопок благоприобретенной, а содержимое портфеля чемоданного типа, что по моде семидесятых годов, Игорь переложил в холодильник. Водку научный руководитель, как тот сам пояснил, дома пил только из отцовской фронтальной рюмки, свернутой и спаянной из баночной жести лендлизированной тушенки «второй фронт» — с хорошо сохранившимся лаковым рисунком-этикеткой: стада коров пасутся на аргентинском плато.

Пополудненное, садящееся в мегаполисную смоговую дымку солнце все увереннее затопляло через оконные стекла жаркими лучами кухню стандартной пятиэтажки. Андрей Сергеевич, разоблачившись до футболки-безрукавки, ловко управлялся с цилиндрической электрошашлычницей — последним писком моды столичной кухни. Игорь, тоже в расстегнутой до пупа легкой летней рубашке, насаживал на шампуры, далее вставляемые между двумя соосными цилиндрами кухонного прибора, куски мяса,

чередую их с порезанными кружками фиолетового краснодарского лука и помидор. Процесс приготовления шашлыка дважды прерывался на сиюминутные действия: пропустить по единой, закусив Игорем же порезанным сервелатом, купленным им в магазинчике на том же ближнем рынке.

Под готовое квазикавказское блюдо открыли вторую, уже слегка запотевшую в холодильнике. Между началом этой второй и окончанием третьей, слегка морозящей пиццевод, Андрей Сергеевич рассказал свою полную биографию: про отца, красного командира РККА*, про супругу, работающую инженером в главке по части моторостроения... Само собой разумеется и про сына-чекиста, которому, ввиду занятости по службе, все недосуг жениться. В лицах и повадках обрисовал всех своих недругов на кафедре, факультете и вообще в дважды орденоносном институте, занявшем своими корпусами несколько кварталов по обе стороны Волоколамского шоссе. Из горячего рассказа своего научного зид-наставника Игорь сделал вывод: в вузах все живут если не по принципу Гоббса *homo homine lupus est***, то во всяком случае по пословице: комолая корова хоть шишкою да боднет.

— Да-а, ты эти самые, как их? кандидатские экзамены уже сдал?

— Немецкий сдал. Который по специальности — так вы же у меня его принимали зимой. Помните — в «стекляшке» за станцией «Сокол»; еще буфетчица к нам примоталась, дескать, почто принесенный с собой коньяк, интеллигенция растакая, распиваете? Не положено со своим!

— Да-да, помню. У меня еще вопросы возник-

---

* Рабоче-крестьянская красная армия. Так Советская Армия называлась в 1920—40-е годы.— Прим. авт.

** Человек человеку волк (лат.).— Прим. авт.

ли... впрочем, вот отдохнем, а потом над диссертацией поработаем. Вспомним и эти вопросы.

— Конечно. А философию наша соискательская группа осенью, в сентябре будет сдавать.

— Философию? Так ты подгадай, чтобы к Кузьмичу попасть. Небось, в главном корпусе, когда на командировочную печать ставишь или в сектор аспирантуры заходишь, обратил внимание: по паркету дедок ходит в кирзовых сапогах, сатиновой рубаше под затерханной пиджачишкой, в брюках сатиновых неглаженных, а?

— А как же, видел разок на втором, ректорском этаже. Наверное, столяр или плотник шел по починочным своим делам?

— Да нет, это и есть Степан Кузьмич. Человек с ба-а-льшим именем в философии. Конечно, доктор наук, профессор, всевозможный заслуженный и почетный.

— Чтож так оригинальничает?

— Не знаю, наверное так ему нравится. Все привыкли. Но дело не в этом. Исхитрись на экзамене к нему пристроиться. И как начнешь отвечать на первый же вопрос по билету, так постарайся, что называется по контексту, слово «баран» ввернуть. Например, вроде как в сердцах назови империалистов американскими баранами.

— Зачем? А если он за оскорбление примет, меня фигурально по шеям, а по делу в ведомость неуд?

— Да ты меня слушай! Он в ежовщину по доносу коллег по кафедре на отсидку угодил. Отсидел всего несколько лет, а затем на поселение где-то на Алтае. Поскольку же до филфака МГУ окончил сельхозтехникум по животноводству, то устроился работать на тамошнюю опытную сельхозстанцию по селекции овец. Да таких баранов соорудил, что медаль ВДНХ'а золотую получил! Такую защитательскую теорию по этому делу сочинил, что потом, уже

в Москву вернувшись, переругался со всеми светилками в части барановодства: нашими и забугорными. И стоит ему услышать про баранов, так про все забывает и начинает свою теорию излагать. Вот и на экзамене: ты ему про барана, а он тебе лекцию на полчаса и пятерку за успешно сданный экзамен. Учись, кандидат в кандидаты наук!

— Понял, не дурак. Однако скоро полночь. Как вы?

— Приустал я что-то, прилягу. И ты иди в комнату сына.

Как и положено молодому организму, тот у Игоря несколько перевозбудился, но скорее от суматошного дня, чем от солидной дозы выпитого. Здесь-то более-менее нормально: растянутая почти на весь световой день, она, доза, не утомила этот самый крепкий организм.

Выключил верхний свет, затеплил торшер, включил на малую громкость переносной приемник «Океан» (у самого дома такой же исправно второй десяток лет служит), повертел ручкой настройки, нашел музыкальную станцию на коротких волнах, вроде как польскую, прикрыл глаза и... возбуждение улетучилось, затяжной хмель вступил в свои права — захололо. Сон случился бессюжетный.

♦ Организм диссертанта, не уловив через ушные раковины звона утреннего будильника, немного поколебался и решил что сегодня выходной. Поэтому только в половине девятого Игорь проснулся — и то по причине несколько недовольного покашливания Андрея Сергеевича, появившегося в проеме двери.

— Однако разоспался ты, а ведь дело не ждет!

— Да-да, конечно. Сейчас умоюсь и папку с черновиками принесу. Где будем заниматься?

— На кухне, конечно. Уже поставил сковородку — вчерашний шашлык разогреть. Сейчас освежимся, а там видно будет. Как говорится, делу вре-

мя, потехе час. А мы наоборот все сделаем. Оверлог, как супруга говорит, когда за швейную машинку садится.

Прошедший день в памяти Игоря отложился сумбурно. Через равные интервалы времени, вроде как на автопилоте, доставались из холодильника запотевшие бутылки «Столичной», которые после опорожнения педантичный педагог Андрей Сергеевич ставил в ряд к кухонной стенке. Где-то пополудни он обнаружил себя и научного руководителя в ресторане Речного вокзала, что неподалеку от Фестивальной улицы. Закусывали каким-то вкусным блюдом с обилием восточных пряностей, ради которого Андрей Сергеевич и привез сюда на автобусе Игоря.

Перебой в воспоминаниях — затем снова они на кухне. Закусывают вчерашним холодным шашлыком, колбасой и домашнего изготовления паштетом, что обнаружился на задке средней полки холодильника. Темы беседы он так и не мог вспомнить: что-то об институтских интригах на кафедре и в деканате.

После ресторации на берегу Москвы-реки Андрей Сергеевич с пару часиков вздремнул. Игорь тож. Поэтому к ночному сну они отошли уже заполночь. Но вот что точно отложилось в его памяти — песен они не пели. Хозяин спервоначалу предупредил: «Дом у нас ведомственный, то есть в трех подъездах из пяти квартиры заселены *нашими*. Мне особенно, хм-м, повезло: сверху над нами институтский парторг расположился, снизу — профорг наш факультетский. По бокам в нашем и соседних подъездах кого только из начальствующих нет! — режимник, замначальника первого отдела, двое заведующих кафедрами, начальница учебного отдела... с ума сойти и не перекреститься.

Времена сам знаешь какие: друг за другом шпионят, чуть что — готов донос. Как в тридцать седьмом!».

Только сейчас Игорь сообразил, почему, несмотря на июньскую жару, Андрей Сергеевич не делает попыток форточку открыть, тем более растворить кухонное окно.

...И был день третий. Игорь запомнил: что сотворил в оный Всевышний? Но они с Андреем Сергеевичем с утра грустно распили последнюю «Столичную»... но здесь педагог внезапно повеселел, метнулся в коридор, чем-то вдалеке пошумел и вернулся с ноль-семь-бутылкой крепленой массандровской мадеры.

— Надо же — вспомнил! Ведь два с половиной года прошло, как в кладовке спрятал от супруги. А потому запомнил, что с ней — не с женой, а с бутылкой — вернулся на бровях, с банкета после защиты на нашем факультете, а мадерцу на дорожку всем по бутылку защитившийся аспирант, не мой, от счастья вручал.

К вечеру третьего дня общения со своим научным руководителем Игорь, торопясь на семичасовую электричку, что шла побыстрее остальных за счет более редких остановок, разбудил Андрея Сергеевича, второй раз за день прикорнувшего от усталости на часок. В прихожей он поменял домашние тапочки на свою обувь, взял с пола тощий портфель, который папка с диссертацией так и не покинула ни на единую минуту.

— До свидания, Андрей Сергеевич! Жаль, что не успели черновик посм...

— Зато отдохнули на славу! Парень ты умный... словом, чего ее смотреть-то? Давай оформляй вчистую, а к концу года и на защиту, благословясь.

На том и расстались.

...Через пару недель в дверь кабинетика Игоря Васильевича вежливо постучали. На его «входите» в растворившуюся по этикету просителей на две трети дверь вошел молодой человек: на вид ботаник, но с

голосом уверенным. Назвал свою фамилию: Лаксельев. Из состоявшейся беседы, без околичностей и лицемерия, выяснилось: он не аспирант, а соискатель из родной «Меткости», не из блатных, главное — с готовым диссером по медтехнике, ибо работает в отделе, совмещающем разработку лазерной аппаратуры для «изделий» и на благо медицины. Получив «добро» от маститого профессора на виртуальное научное руководство, Володя Лаксельев искренне поблагодарил и попросил принять знакомства ради символический презент — вынул из дипломата нечто в пакете, дипломатично же поставил в уголок диванчика.

После ухода понравившегося ему соискателя Игорь Васильевич вынул из пакета большую, квадратную, главное — литровую бутылку очень качественного виски-бурбона из штата Кентукки «*Jim Beam*». Уважал профессор напитки из недружественных стран. Восхитился и в четверть голоса запел: «Нет у революции начала, нет у революции конца...». Это как у Азора, на лапу которого роза упала. Чего только в жизни не случается?

ЧЕГО ТОЛЬКО В ЖИЗНИ НЕ СЛУЧАЕТСЯ?

♦ Николай Андреевич, доцент ракетного факультета, по нынешнему мухослонопревращению института местного госуниверситета, выслушал как-то веселый рассказ своего давнего приятеля, профессора Скородумова с биофака, то есть института, с которым они ранее трудились в оружейном НПО «Меткость», о совпадениях в жизни. Даже разделенных временем и в разных государствах, то есть в Советском Союзе и в нынешней России. Выслушал и усмехнулся: чего только в жизни не случается? И в свою очередь, алаверды по-кавказски, поведал о еще более странном, исторической важности совпадении.

В самом начале своей инженерной карьеры, еще не выйдя из статуса молодого специалиста, послан был Николай — как далеко ему до Андреяновича! — в пустышную командировку в Калининград: из числа тех, в которые время от времени почти что нарочито посылают свежееперенных инженеров — чтобы привыкали к мобильности и не засиживались на своих стульях. Словом, на тамошнем небольшом заводе сверить ведомость на заказанное лабораторное оборудование совершенно мирного профиля, передать гарантийное письмо и в тот же день назад.

Истинно не зря молодых инженеров натаскивают на сообразительность в пустышных пока командировках! Иначе почему Николай, сев в столице в поезд до Калининграда, несколько удивился: летом, в самый сезон перемещения советских граждан по стране, тем более в направлении Балтийского моря с его песчаными пляжами, то есть в места курортные, а в вагоне не более десятка пассажиров?! Это-то он зорко отметил, проходя к своему месту в плацкартном вагоне. И дородная, опытная проводница, повертев в руке на входе его билет с местом назначения, как-то со смыслом посмотрела на симпатичного парня. И все же не утерпела, когда поезд тронулся и пришло время разносить постельные принадлежности:

— А что ты, молодой человек, едучи до Калининграда, на наш долгоиграющий поезд билет-то взял?

— Да-а, в кассе спросил и мне дали. А почему долгоиграющий?

— А потому, что в отличие от прямых от Москвы до Калининграда, что через Белоруссию и Литву идут, наш в полтора раза дольше тащится, со всеми остановками и круголесит по всей Прибалтике!

— Так кто же на нем, в смысле на вашем поезде, тогда ездит?

— Он как электричка междугородная: на одной

станции войдут, дождутся своей и выйдут. В этом смысле удобен для жителей нескольких областей. И для прибалтов тоже. Летом, как сейчас, даже грибки-ягодники, рыболовы, а зимой охотники частые наши пассажиры. Долгих-то, навроде тебя, почти и не бывает. Поэтому и вагона-ресторана нет, пустовать будет. И по той же причине летом купейных вагонов нет, не говоря уже о мягких — их и зимой в состав не подцепляют. Сейчас вот от Москвы подалее отъедем, начнет народ садиться и сходить. Ну-у, парень, в следующий раз на наш номер билет не бери. Сейчас же, как говорится, не в свои сани не садись, а севши, долго катись, ха-ха-ха!

Отсутствие вагона-ресторана особо не огорчило: словно предчувствуя его конфузию с долгоиграющим поездом, дома ему основательно затарили дорожную сумку на ремне через плечо. Однако чем заняться? Всего лишь второй час пополудни — сон дневной и горячей молитвой не выпросишь у кого следует. Застелил барскую нижнюю полку вперед по движению состава, переобулся в домашние тапочки, полуприлег, облокотившись локтем правой руки на подушку, вынул из сумки взятую в дорогу книгу — на днях купленный «Подросток» Достоевского, прикрутил до минимально различимой громкости ручку поездной трансляции и продолжил уже начатое чтение «самого загадочного романа нашего великого писателя и знатока души человеческой», — как вспомнил он слова учительницы литературы Марии Ивановны, у которой Николка-паровоз (его школьное прозвище — по имени детского персонажа из книги «Бронепоезд 14-69» советского классика Всеволода Иванова) ходил в круглых отличниках.

Приятное чтение, тихая музыка из подпотолочного динамика, лучи еще высокого солнца не тревожат глаза, скользя мимо окошка по движению поезда с востока на запад. А теплый ветерок, проникающий свер-

ху, через щелку слегка спущенного оконного стекла, приятно щекочет лоб и щеки. Кр-расота! В таком малолюдстве и долгоиграющий поезд не докучает.

◆ От полного спокойствия тела и души, ритмического постукивания колес на стыках рельс даже посреди ясного летнего дня потянуло в дремоту. Но ее в самом начале прервало вежливое, нарочито-предупредительное покашливание. Николай раздвинул веки и поднял глаза в сторону вагонного коридора: напротив его условного купе-отсека стоял очень даже ладно сложенный, несмотря на угадываемый возраст в середине шестого десятка и седовато-пепельные, слегка вьющиеся волосы, в усах, мужчина среднего роста.

— Извиняюсь, молодой человек, не беспокою?

Уверенный, но в то же время учтивый баритон сразу выдавал в нем воспитанного человека, а выправка, умело подправленная парикмахером прическа, усы и этакая ладность даже в облегченной летней одежде сразу напомнили Николаю знакомых им военных отставников из числа старших офицеров... но не генералов! Не сообразившись с ответом, Николай неопределенно слегка наклонил голову вправо, в сторону купе. Незнакомец, истолковав это как приглашение к знакомству, подобрел лицом.

— Видите ли, я услышал нечаянно ваш с проводницей разговор, то есть ехать вам еще долго. Я же специально сажусь на него — самый прямой, без пересадок, путь до Себежа — это городок на стыке Псковской области, Белоруссии и Латвии...

— Да вы присаживайтесь.

— Ну и хорошо. А то и вам, и мне, как обитателям зоопарка, ха-ха, скучновато поодиночке версты под ногами мерить в своих отсеках. Минутку, вещички свои сюда перекину. Постель-то я не брал, к полуночи на выход.

Через минуту-другую незнакомец, а теперь уже и

знакомец Евгений Игнатьевич (представившись в ответ, Николай попросил звать его по имени и на «ты»), устроился за столиком напротив и без церемоний предложил пообедать.

— Так получилось, что супруга с внуком неделю назад в Себеж убыла к своим родичам — она оттуда родом, а у меня отпуск только с сегодняшнего дня. Поэтому все эти дни холостяковал, кухонные дела не поддерживал: утром чай с бутербродами, обедал в учрежденческой столовой, вечером пельмени или в заведение «с подачей» с друзьями-приятелями завернем. Сегодня с графика сбился, обойдись лишь утренним чаем. Но по дороге на вокзал в гастроном зашел, затарился для себежских — вот целиковую сумку набил.

Глядя как Евгений Игнатьевич ловко нарезает полтавскую колбасу, ноздреватый сыр и полубуханку «бородинского», открывает банки со шпротами и консервированными кальмарами, Николай заикнулся было о своем «тормозке», но тот только рукой махнул:

— Тебе еще долго ехать, пригодится. Если не сложно, дойди до проводницы, попроси тарелочку и пару стаканчиков. А когда она чай сварганит — пусть несет сюда сразу пяток. Грешен, уважаю чаевничать.

Когда Николай вернулся с посудой (проводница поощряющее кивнула головой на его просьбу), то во главе купейного столика горделиво, кареглазо поглядывала бутылка армянского пятизвездочного. Чего-чего, а здесь у Николая алаверды не имелось... Малоопытен еще в командировочных делах.

Первыми полпромилле* чокнулись за знакомство. Узнав за закуской откуда жительство его молодой

---

* Гаишники здесь ни при чем; в инженерных кругах советского времени (традиция идет от царевых инженеров с кокардами на фуражках) так называется винная доза в пятьдесят миллилитров. Легко сообразить почему... — Прим. авт.

собеседник, Евгений Игнатьевич мотнул головой, дескать, приходилось по служебным делам в вашем славном городе бывать. Николай уже знал из своего, пока не великого, но все же жизненного опыта, что не всегда следует расспрашивать военных людей о чем-либо, касающемся их занятий. Да он и сам в своей «Меткости» давал подписку о неразглашении всего и вся, чем он по эту сторону проходных занимается. В том же, что новый его знакомый военной косточки — уже не сомневался: даже синтаксис его речи отдавал чем-то дисциплинарным. Но долго гадать не пришлось. Что разрешено, то и иной «голубой мундир» сам расскажет, будучи в отставке...

◆ Это Николай знал по своему неродному дядьке Лазарю Федоровичу — мужу старшей сестры своего отца Андреяна, служившего в НКВД.

— Смотрю, нынешнее молодое поколение не утратило интереса к серьезной литературе, что бы там зануды всякие на радио и телевидении не верещали, мол, джинсы целью жизни своей сделали! — кивнул Евгений Игнатьевич на книгу Достоевского, что лежала на заправленной постели соседа обок Николая, зорко углядев фамилию автора и название.

— Джинсы джинсами, — повел плечами Николай, — а книги книгами. И почти все мои коллеги по инженерной работе, вообще знакомые, читают: кто регулярно, а иные время от времени. Так, наверное, и раньше было, да? Отец мой на флоте в войну служил, так у него даже библиотечка небольшая собралась. Правда, у флота своя специфика.

— Да-да, и в войну читали, разумеется. Я, собственно говоря, не в общем о чтении, а Достоевского имею в виду. Читать Федора Михайловича в охотку, в дороге как вот ты, Николай? — это уже иной уровень творческого мышления. Вот про войну вспомнил, так я добавлю неожиданное: порой и в плену читают и на литературные темы говорят.

— А вы, э-э-э как бы это ска...

— Да нет, бог миловал пленом и всем с этим связанным. Опять же по роду своей службы я на передовой не бывал. Имею в виду в нашем плену. Общался по этому роду службы с таким вот читателем Достоевского... пожалуй, не менее в мире известном чем автор «Преступления и наказания» — Фридрихом Вильгельмом фон Паулюсом!

— Ничего себе? — воскликнул Николай, — и-и, как судьба свела?

— Да просто в жизни часто самое невероятное случается: шарик-то земной все же конечные размеры имеет. Меня призвали в начале сорок второго, возраст подошел, со второго курса иныза — я из Сибири родом, а узнав что немецкий изучал, то сразу отправили в шестимесячную скороспелую школу военных переводчиков, а из нее в Красногорск, где и начал службу в тамошнем управлении лагерями немецких военнопленных; там, в числе прочих, содержались старшие офицеры. Когда Паулюс в один и тот же день — последний в январе сорок третьего года — получил с прорвавшимся самолетом фельдмаршальский жезл и сдался в плен со всем штабом Шестой армии вермахта, то через некоторое время я увидел его в *нашем* лагере. И не только увидел — меня определили в переводчики персонально к нему. Хотя фельдмаршал отчасти понимал по-русски и говорил, но определенный протокол в отношении почетного пленника лагерному начальству было сверху велено соблюдать.

— Слышал, что он и в академии Генштаба преподавал?

— Знаешь, как-то мимо меня это прошло. Я ведь в том лагере только до конца сорок четвертого служил, потом в другое место перевели. А так проживал Паулюс с таким военным комфортом, отменно. Денщика его прежнего сохранили. По лаге-

рю ходил в полной своей форме, с погонами, с орденами. А когда в штаб вызывали — кто-то по его немецкую душу из высшего начальства прибывал, — то и палочкой своей маршальской помахивал. Вроде как даже не из общего офицерского котла питался, но — это по разговорам, а там кто знает? Когда я из лагеря отбывал, он уже вступил в антифашистский Союз немецких офицеров. С его-то авторитетом! Не жалко и допайка с усиленным питанием, гм-м. Когда ко мне пригляделся, то стал иногда разговаривать не только по официальным делам. В лагере даже небольшая библиотека немецких книг имелась, так Паулюс денщика туда посылал, наказывал Достоевского книги брать для него. И ко мне парутройку раз обращался: что-то ему подвохом переводчика на немецкий казалось. Я разъяснял по мере своего понимания. Раз как-то о семье своей говорил с тревогой — все же в плен сдался?

Когда уезжал из лагеря — перевели... впрочем, об этом сейчас еще не пришло время говорить, попрощались с ним почти как давно знакомые люди. «Может после войны доведется увидеться», — показанному сказал, а Паулюс неопределенно кивнул головой.

...Николай — а пропустили уже по второй, — несколько возбудившись, уже приготовился в тему рассказать визави о Лазаре Федоровиче и его схожей встрече с высоким чином из военнопленных поведать, но Евгений Игнатьевич, догадавшись о будоражащем Николая желании, вежливо попрिдержал его легким жестом руки.

— Земля, Николай, еще меньше размерами, что человек привык думать. Иначе откуда берется повторение и без того маловероятных событий? Вот и ровно двадцать лет назад от сегодняшнего времени, тоже летом пятьдесят четвертого года, командировали меня из Магдебурга, где тогда служил в штабе

ГСВГ* при политотделе, в Дрезден — вот как тебя сейчас в бывший Кенигсберг, что называется туда и обратно. По части возвращения вывезенных в Союз картин Дрезденской галереи. Каким-то образом наш политотдел здесь был задействован. За два дня управился, на третий с утра отметил командировку и держу курс на вокзал. Не торопясь, гуляюче иду, время еще в запасе, поравнялся с двухэтажным особнячком под черепичной крышей с вывеской *Volkspolizei***, боковым зрением вижу выходящего из здания высокого худощавого немца, в штатском, с папкой под мышкой. И вдруг слышу от него явно в мою сторону: «Герр капитан (меня только что к майору представили, а вообще до полковника дослужился)! Вот мы с вами и в званиях сравнялись так сказать. Рад вас снова увидеть». Смотрю — батюшки! Фридрих Вильгельм собственной персоной! Обняться не обнялись, но поручкались как давние знакомцы. Присели на скамейку в палисаднике полицейского участка, поговорили чуток. Оказывается, вернулся он из советского плена всего год назад, то есть отбыл у нас десять лет. Родом из ближних мест, поселился в Дрездене, помогли кому надо устроиться в полицию инспектором с капитанским жалованьем. Уже скоро половина седьмого десятка, но в ГДР пенсия за фельдмаршалство не положена. Повспоминали, распрощались душевно. А через три года Паулос скончался. Вот так-то.

◆ Выпили по третьей.

— Чувствую, Николай, порываешься что-то рассказать на ту же тему, не ошибаюсь?

— Угадали, Евгений Игнатьевич. Вот мой дядька Лазарь Федорович свел, так сказать, тесное зна-

---

* Группа советских войск в Германии (военн.) — Прим. авт.

** Народная полиция (нем.).— Прим. авт.

комство если не с фельдмаршалом, так с генерал-полковником вермахта Отто фон Ляшем...

— Да? Ну всего лишь на чин меньше чем у Паулуса. Главное, тоже в плен сдался вместе с гарнизоном Кенигсберга. Надо же какие у нас с твоим дядькой совпадения! И при каких обстоятельствах свиделись?

— Почти как у вас: в лагере для военнопленных.

...И далее Николай, не очень разговорчивый в жизни, но коньяк придал языку свободу, поведал собеседнику эпизод из многосложной жизни Лазаря Федоровича, проживавшего в их городе под одной крышей с родительским семейством Николая — но в отдельном полудоме на косолученской заводской окраине. Зазвал Николаево семейство в среднерусский город и построил им полудом о трех комнатах, с кухней, верандой и кладовкой, да еще половина садово-огородного участка с уже плодоносящими яблонями, грушей и кустами крыжовника и черноплодки, сам Лазарь, когда пришла им пора уезжать из Заполярья. Там до старости не задерживаются. Лазарь из тех же калужских старообрядцев-поповцев, что и Андреян, отец Николая, поэтому по принятой у них семейной родственности стремился иметь рядом не чужих соседей.

Сам он, по въевшейся служебной привычке, особо не касался своей почти двадцатилетней службы в НКВД. Поэтому о жизненных перипетиях своего дядьки Николай, хотя бы и в отрывках, составил представление из рассказов отца и редких ремарок Лазаря навроде: «Эх, хорошо по сегодняшнему морозцу по паре стопок «Столичной» пропустить (разговор с отцом, Николай рядом сидит)! Помнится, фон Ляш, мой подопечный, выпьет по-немецки, то есть допелем, глотками стаканчик водки, зажмурится, скажет — русский немного знал,— дескать, хороша *ваша* водка! не то что *наш* армейский шнапс...».

В самом окончании войны Лазарь Федорович, главноуполномоченный по фуражированию конницы (а это двадцать полков!) войск НКВД, получил неожиданное для него, сугубого хозяйственника, назначение: начальником лагеря для высоких чинов из немецких военнопленных. Приказы не обсуждаются: прощай родное ХОЗУ*! Хлопотную должность подсластили полковничьими погонами. Уделил ему пяток минут сам Лаврентий Павлович, отметил хорошо поставленное дело с фуражом, особенно сейчас, когда коннице много дел с зачисткой. Посоветовал на новом месте быть отчасти дипломатом: «В мирное время они нам пригодятся. Можешь с собой кого-нибудь из своих взять. Ступай!»

Больше всего Лазарь, с его незлобивой натурой хозяйственного крестьянина, опасался, особенно с середины тридцатых годов, когда получил первое командирское звание, попасть на лагерную службу. Но бывший господь-бог миловал: очень в калужском, затем в ленинградском ХОЗУ присмотрелся мужицки основательный и деятельный по части обустройства служебного быта Лазарь. А там и долгая война; снабжение фронтовых войск наркомвнудела тем более нуждалось в таких людях. И вот тебе поворот в характере службы!

Но только прибыв на место назначения, прихватив с собой трех лейтенантов, которых давно держал при себе, двое так и вовсе из одной с ним деревни родом, ознакомившись с делами и порядками, сообразил: врагов и недоброжелателей по своему мирному характеру не имел; значит, наоборот, кто-то из бывших его начальников из ХОЗУ НКВД, чем-то по мелочи обязанный Лазарю, решил по-армейски отблагодарить: завершить войну полковником и дол-

---

* Хозяйственное управление (здесь ведомства НКВД).—
Прим. авт.

жность непыльную отхватить. Тем более «из рук» самого Берии. Мир не без добрых людей, даже в их ведомстве, сентиментальностью не славящемся... Но — не думай быть взяточником, думай быть отдатчиком, как мать Лазаря поговаривала со староверческой наставительностью.

Сдававший Лазарю дела временный начальник только что организованного лагеря скоренько разъяснил ему специфику учреждения. «Впрочем,— добавил он после официальной части,— охрана и отныне твои, Лазарь Федорович, подчиненные офицеры уже попривыкли к здешним порядкам: кого в строгости держать, а иным и поблажки делать. Да, самое главное: сюда постоянно будут наезжать разные чины, так сказать, политбеседы с сидельцами проводить, а которые посерьезнее — из СМЕРШ'а и других ведомств,— могут и с собой кого надо забрать. С вновь поступающими будет заниматься майор Веденяпин, с которым ты уже знаком. Это его епархия. Словом, кто чем станет заниматься — не вмешивайся. Твое дело административное, общий порядок... ну и ответственность за все. Как говорится, щеки надувай, упаси бог, если какой дурачок сбежать попробует, но более всего за охраной, солдатами и сержантами, смотри, чтобы самогоновкой из соседнего городка не баловались. Война скоро пошабашит, но дисциплину никто не отменял».

Хотя лагерная служба была Лазарю в диковинку, тем более отличная от гулаговской, о которой по долголетнему пребыванию в этом наркомате достаточно, хотя бы и со стороны, знал, но по привычке скоро. Главное, как посмотреть на дело, а Лазарь на все в своей жизни смотрел с воспитанной крестьянской основательностью. Вот и лагерь этот своеобразный он воспринял, вернее создал как живую картинку в голове, хозяйством с тесным размещением множества людей, причем вчерашних — а может и

нынешних? — врагов, которых нужно охранять, кормить и относиться к ним, соблюдая определенную «табель о рангах». Рассуждая по-крестьянски, поменял в охраняемом стаде овец на... здесь он задумался: волков? — громко сказано, нет, скорее всего на... но здесь размышления его прервал четкий по-военному стук в кабинетную дверь. Вошедший затем незнакомый офицер отрапортовал о доставке военнопленного высокого звания, положил для подписи документ «доставил — принял» и отдельно засургученный пакет, добавив: «Здесь, товарищ полковник, особые распоряжения в части содержания вновь доставленного военнопленного».

С интересом прочитал содержимое пакета, где лаконично, по-военному сообщалось, что бывший комендант Кенигсберга, генерал-полковник Отто фон Ляш, как сдавшийся с гарнизоном, имеет статус почетного военнопленного с правом ношения мундира и наград, содержания в отдельном помещении, хождения по территории лагеря и так далее. Особым пунктом значилось, что завтракать и ужинать фон Ляш должен в общей столовой военнопленных, но обедать с начальником лагеря. Как-то насчет совместного обеда, отойдя от военного штиля, было написано несколько витиевато, что Лазарь своим проницательным, хитроватым деревенским умом понял правильно: обедать с водкой!..

— Вот давай, Николай, и мы по четвертой, предпоследней, примем за такие далекие и своеобразные воспоминания. Будешь постарше, что, увы, неизбежно, начнешь понимать, что человек живет объединением настоящего и прошедшего в воспоминаниях. Так сказать, от прошлого к настоящему, а далее к будущему, которое в чем-то замыкается на прошлое.

— Согласен, Евгений Игнатьевич, уже ощущаю такую временную связь на своем молодом организме.

— Это ты хорошо про организм сказал,— рас-

смеялся Евгений Игнатьевич,— за него и будем здоровы! Вообще-то времени у нас предостаточно. Тебе спать рано, мне выходить тоже. Может еще о ком вспомним?

МОЖЕТ ЕЩЕ О КОМ ВСПОМНИМ?

◆ Свыше сорока зданий Тулуповского университета, построенные в годы предвоенных сталинских пятилеток и далее в пятидесятые-шестидесятые годы, расположились преимущественно по правую сторону городского проспекта, имели разбивку на две группы: южную, во главе с главным корпусом, и северную (проспект пролегал строго по курсу норд-зюйд). Между ними кмостилась параллельная проспекту коротенькая улица. И на ней, не подчиненной университетскому уставу и всем гражданско-административным законам, касающимся «защиты учащейся молодежи от дурных привычек», как раз и расположилось заведение — кафешка с игривым названием «Наливай-ка!» — устоявшееся место регулярных, в пятничные дни, встреч давних приятелей: профессора Скородумова с биофака, доцента-ракетчика с военно-технического факультета Николая Андреяновича и литератора Андрея Матвеевича Бурцева, писателя-прозаика и главного редактора литературного журнала «Срединная Россия».

На очередной такой встрече Николай Андреянович и Игорь Васильевич Скородумов в каком-то случайном контексте рассказали писателю — учись, пионер, сюжеты бесплатные подхватывать! — истории, некогда случившиеся с ними в молодости, суть которых сводилась к повторяемости в житейском времени и пространстве чем-то схожих ситуаций. Что-то навреде дежа вю, но не в запутавшейся памяти, а наяву. Может и «наш славный сочинитель и редактор» тоже припомнит похожее?

— Отчего же не вспомнить? Вся жизнь нынешняя есть такое дежа вю. И далеко ходить-бродить в памяти не требуется. Вот на днях разговаривал с давним своим знакомцем — раньше и вовсе почти в приятелях состояли, но затем чиновником средней руки в нашем губернском минкульте стал, потому и снизил, осторожности ради, градус свойства до «простого знакомого». Я его понимаю, не обижаюсь ни капельки. Вот и в недавнюю случайную встречу в областной библиотеке, где ихняя министерша со своим причтом с творческой общественностью плановую беседу «для галочки» проводила, пристал я к нему: все же хоть на какое-нибудь мизерное финансирование на мой журнал можно рассчитывать? Или даже заикаться не стоит? Поначалу казенно, опасливо косясь на своих коллег, отвечал в том смысле, что-де администрация их министерство не очень радуется финансированием; опять же обстановку нынешнюю сам прекрасно понимаешь... Но после окончания мероприятия — идти нам по проспекту до недалеких наших домов (встреча с министершей вечером состоялась, трудовень уже обнулится) в одну сторону — уговорил зайти на полчаса в почти приличную кафешку... Словом, за парой коньячных рюмок несколько потерял Юрок бдительность и прямым текстом, мол, если бы ты хоть каким-нибудь помощником депутата числился, а еще лучше входил в общественный совет при администрации области, даже города, то хотя и со скрипом, но вопрос можно было решить. А так ты для власти, для минкульта нашего вроде как человек с улицы, то есть не свой, а значит от тебя всего что угодно можно ждать, ибо в твоих руках самое опасное оружие — независимое печатное слово. Так что, друг Андрей, живи спокойно, издавай свой журнал и предпринимай усилия в части обретения общественно значимого имени. Тогда и «стучись» в нашу министерскую дверь по части фи-

нансирования. Конечно, даже при таком статусе на большой каравай рот не разевай, но все же... курочка по зернышку!

— Подойди поближе, да поклонись пониже, — рассмеялся Игорь Васильевич, сам издававший на общественных началах естественно-философский журнал «Феномены разума. XXI век», — а ты не подумал, письменный ты наш, что за копеечную эту подачку тебе придется вместо вольнолюбивого журнала, с основным критерием отбора материала — степень таланта, издавать полуказенный «культурный вестник администрации», в котором придется публиковать авторов с опусами, отдающими старинным верноподданничеством и всячески восхваляющими трудовые подвиги чиновников всякого ранга. Ладно, давай свои аналогии.

♦ Бурцев учился в Литературном институте, который в советское время подчинялся Союзу писателей СССР, на заочном отделении, поскольку, как и более половины заочников того времени, уже имел высшее образование — закончил в родном Тулуповске истфак пединститута. Более того, к концу шестидесятых — началу семидесятых годов в «Школе Горького» сложилась уникальная, единственная в своем роде (как и сам Литинститут был единственным в мире*) ситуация. Если в обычном вузе, включая специальные заочные институты по экономике, юстиции, педагогике и еще чему-то, основным является очное обучение, а вечернее и тем более заочное — дополнительным, то в писательском вузе все наоборот (?). То есть на заочное отделение поступали уже в чем-то проявившие себя в писательском деле люди со всей страны в возрасте под тридцать лет, зачастую уже с дипломами о «вышке»,

---

* Нечто похожее имело место быть в ГДР, но, разумеется, не в тех масштабах значимости. — Прим. авт.

как тот же Бурцев, даже с кандидатскими степенями, особенно из врачей, попадались! И именно эти заочники в дальнейшем перенимали эстафету «имен» в советской литературе. Очное же отделение, в разы меньшее по численности, делилось на две части: соотечественники, в основном вчерашние школьники, зачастую из «Москвы и ее окрестностей», которых по умолчанию готовили в редакторы и прочие издательские труженики, и иностранцы — в основном из соцстран и азиатских государств. Почему-то много было эфиопов... может по родству крови с Пушкиным? Кстати говоря, посланцы «горных арыков», то есть начинающие таланты из южных советских социалистических республик, официально направляемые по линии Союза писателей, тоже входили в первую группу. Но не в редкость и сами, без направлений, поступали на заочное отделение.

Другое выраженное отличие Литинститута — две месячные сессии в году: чтобы побольше лекций, занятий в творческих семинарах, общения друг с другом и вообще вхождения в литературный мир. На то она и Москва с ее издательствами и редакциями литературных журналов.

На что уж сами опытные в жизни, много чего повидавшие Игорь Васильевич и Николай Андреевич, но с интересом нескрываемым слушали разошедшегося после третьей стопки в «Наливай-ке!» своего приятеля-писателя. С какими только носителями громких имен ему не пришлось встретиться в Литинституте!

— Вот вы, други мои, вне всякого сомнения в школе, кажется в пятом классе, учили историю Древней Греции по учебнику автора с таинственной фамилией *А. А. Тахо-Годи*. И наверняка того же автора «Мифы Древней Греции» по внеклассному чтению с интересом нескрываемым от корки до корки перелистывали. А вот у нас Аза Алибековна вела

курс античной литературы, наизусть читая по-древнегречески целые страницы из «Одиссеи» и «Илиады»! И неподалеку, на Тверском бульваре, встречали ее, гуляющую со своим мужем, самым выдающимся русским, советским философом двадцатого века Алексеем Федоровичем Лосевым. Все авторы литературоведческих книг и учебников того времени, Еремин, Артамонов и другие, читали нам лекции. Молодой еще Костя Кедров, которого наши девушки ласково звали заглаза Сказкой, увлекал своих слушателей неординарным взглядом на русский фольклор. Кстати говоря, сейчас он печатает свои замечательные стихи в моей «Срединной России», а на исходе советской эпохи издал уникальную книгу*. И руководители семинаров, что от первого до последнего шестого курса наставляли нас в части литературного творчества,— сплошь весь цвет тогдашней советской прозы, поэзии, драматургии и критики. Все те, кого вы тогда читали...

Сделали перерыв, по четвертой, ямщицкой-отвальной приняли, готовясь вскорости покинуть гостеприимную «Наливай-ку!». На закуску же оставили дорассказ Андрея Матвеевича.

— Но еще больше знаменитостей мы встречали в литинститутском общежитии, из окон которого совсем вблизи Останкинская телебашня видна. И если под здание института на Тверском бульваре Горький выбрал скромный по размерам родовой дом Герцена, то общежитие поражает монументальностью сталинского ампира. Не зря же в восьмидесятом, олимпийском году его временно перевели в разряд гостиниц для иностранных делегаций. А нас, прибывших на весеннюю сессию, разместили в другой, настоящей гостинице на ВДНХ. Один же этаж общаги зани-

---

* Кедров К. А. Поэтический космос / Предисл. Вл. Гусева.— М.: Советский писатель, 1989.— 480 с.— Прим. авт.

мала еще одна гостиница — ведомственная Союза писателей для наезжающих в столицу писателей «с именами». А здесь уже и всех остальных классиков советской литературы, что не в столице живут, за шесть лет повидал. Иных и на студенческих этажах, даже в соседних комнатах, если такой знаменитый к своим землякам заходит... Войдешь к таким соседям, ну-у, например, у самих гости, так стаканá не хватает для комплекта, а у них самих веселье: зашел к землякам-курянам Тряпкин, известный тогда поэт. А в другой раз и в другой комнате застанешь не менее известного казахского поэта Олжаса Сулейменова, члена ЦК комсомола Казахстана и автора нашумевшей книги «Аз и Я» — чуть ли не о родстве древних русичей и половцев, предков казахов...

— Кто же ректором вашего славного заведения тогда состоял? Тоже «с именем»? — перебил Скородумов.

— Не то слово «с именем»! Владимир Федорович Пименов, человек в столичном мире известнейший. При Сталине и вовсе как главным смотрящим по столичным театрам был. Давайте еще по сто грамм в баре возьмем, а я дорасскажу. Тем более, что именно с Пименовым и связана история совпадений, с которых и начал свое повествование.

♦ Поскольку заочников много, а число преподавателей в Литинституте, учебных аудиторий в Доме Герцена и одноэтажной пристройке и койко-мест в роскошном общежитии ограничено, то весенние и осенние сессии растягиваются по курсам на целый квартал каждая. На начавшемся втором курсе, на котором состоял Бурцев, ему — курсу и Андрею — повезло: их сессия выпала с первого по тридцатое сентября. В то замечательное время «золотых семидесятых» погоды не оглядывались на всякие изобретения империалистов навроде озоновых дыр в атмосфере и глобальных потеплений, поэтому сен-

тябрь выдался традиционно теплым, солнечным, бездождливым, с сизой дымкой и паутинками по утрам, с устойчивым приятным запашком портвейна «три семерки» по вечерам. Словом, природа взяла месячный отгул после жаркого лета и перед осенним ненастьем, завершающимся морозами и снегопадами. Живи да радуйся! Девушек и портвешок не забывай, но и о лекциях, зачетах и экзаменах помни! Как средневековые немецкие бурши пели:

*Эй, трактирщик старина!
Дай-ка лучшего вина.
И крамбамбули* стакан —
Доннер-веттер! Кто не пьян?*

— но не манкировали и учением. Иначе откуда в Европе во все времена, исключая нынешние, бралась такая прорва высоколобых философов и ученых, гениальных изобретателей и, конечно, писателей и поэтов, что впоследствии заполнили томами своей классики книжные шкафы и стеллажи в домах и библиотеках всего мира, соответственно?

...В такой вот распрекрасный день — с дымкой, паутинками, а запах портвешка ближе к вечеру, когда в общагу вернутся — второй курс сдавал экзамен по античной литературе все той же легендарной Азе Алибековне Тахо-Годи. Кто сдал или мандражирует, еще не решился в корпус войти, расположились под сенью уставших от лета тополей на двух рядах *vis-à-vis* садовых скамеек, что расставлены торцами к пьедесталу памятника Александру Ивановичу Герцену. Тот как бы из своего лондонского издалика снисходительно посматривает на молодую литературную поросль, а она, поросль, особенно из

---

* Крамбамбули — сорт крепкого немецкого ликера, что гнали и настаивали в ганзейских вольных городах.— Прим. авт.

числа успешно отэкзаменовавшихся, мечтательно рассуждает о светлом будущем, немислимых гонорарах в столичных журналах и издательствах, завистливо язвит по адресу нынешних звезд поэтических эстрад и подмостков; прозаиков, уже издавших трехтомники и интригующих в различных приемных — от партийных до совписовских — о грядущем ПСС* «хотя» бы в шести-восьми томах...

Со стороны Твербуля вошел на институтскую территорию, огороженную чугунным решетчатым забором, сам ректор Пименов. Путь в корпус по дорожке, посыпанной битым кирпичом, мимо памятника и посредине рядов скамеек. На разнорыльные «Здравствуйте / Добрый день, Владимир Федорович!» ответил добродушным четверть-наклоном головы, попутно с легким недоумением отметив про себя, что врач-психиатр и кандидат меднаук Кирюшин удивительно трезв. Продолжил недалекий свой путь до парадного входа в бывшую барскую городскую усадьбу, столь приглянувшуюся в свое время Алексею Максимовичу.

И Кирюшин, о чем-то дискутировавший с кагебэшным старлеем Каменевым, отметил про себя ректорский интерес к своей скромной персоне. А Каменев расхохотался: «Видать, Владимир Федорович наемни на сон грядущий «Голос Америки» слушал, или дружки из партверхов сообщили о вчерашнем препровождении в Кащенку очередного диссидента околослитературного». Кирюшин усмехнулся, мол, было дело. А дело в том, что сам ученый психиатр с гордостью говорил, мрл, он один из немногих в стране, кто включен в черный список невъездных в западные царства-государства. И охотно пояснял: являясь завотделом скорой психиатрической помощи, по долгу этой службы пригля-

---

* Полное собрание сочинений.— Прим. авт.

нулся Лубянке. И когда эти ребята едут на квартиру потерявшего всякую осторожность диссидента, то обязательно прихватывают его — для освидетельствования и рекомендации срочной психиатрической услуги. «Впрочем, — пояснял Кирюшин, — здесь обычный спектакль, всех устраивающий: диссидент нарочито идет на скандал, попадает в дурку, вражеские «голоса» начинают галдеж, а через месяцик того отпускают восвояси на историческую родину. Впрочем, долетает только до Вены, а оттуда в Нью-Йорк или Мюнхен: работать в «Голосе Америки» или «*Deutsche Welle*». Остается общественно виноватым один Кирюшин...

Кстати, ни до, ни после Андрей Бурцев не встречал человека с *абсолютной* памятью, одновременно постоянно «под градусом». Сам он усмехался: надо же свою фамилию оправдывать! Увы, возможно вследствие такого оправдания Кирюшин не надолго пережил окончание им института.

♦ Проводив глазами шествие ректора и выслушав диалог Кирюшина с Каменевым, народ на скамейках вернулся к неиссякаемой теме: плохо скрываемая зависть к пробившимся на страницы толстых литжурналов счастливым, тем более к рвущимся в современные классики советской литературы. Но это недоброе чувство, понятно дело, не распространялось на писателей старших поколений: «фронтовиков», «деревенщиков», «шестидесятников», даже относительно молодых «интеллектуалов» навроде Андрея Битова со сподвижниками.

Особенно болезненно тему везучих выдвигенцев воспринимали поэты, по природе своей, говоря словами Маяковского, «горлопаны и главари». Когда же им на их поэтических семинарах седовласые наставники рекомендовали не слишком торопиться в живые классики, то они ссылались на самого сейчас везучего Евтушенко, на его слова: «*До тридцати*

поэтом быть почетно, но срам крошечный после тридцати». Наставники усмехались...

Среди сидящих на скамейках перед памятником Герцену, самому значимому дореволюционному диссиденту, из числа уже сдавших экзамен Азе Алибековне преобладали прозаики: Кирюшин с Каменевым, сам Андрей Бурцев и пара девиц: Галия Нигматуллина из Челябинска и айсорка, то есть ассирийка, Джульетта Ивановна Бит-Каплан из Кутаиси, Среди же мандражирующих, напротив, значились одни поэты, люди вольнолюбивые, науками филологическими манкирующие. Поэтому скоро вырисовалась злободневная тема, их волнующая: от всезнающих москвичей и намеков молодых институтских преподавателей-ассистентов шел устойчивый слух: ЦК ВЛКСМ — с благожелательным поощрением товарищей со Старой площади — в принципе решил вопрос об издании первого в стране поэтического журнала «комсомольского формата». Даже предполагаемое название «Садовое кольцо» в этих слухах фигурировало. И уточнялось: несмотря на явно столичное название, журнал будет всесоюзным.

Поэты литинститутские, как и все в стране жаждущие грядущей известности, не скрывали радости: специальный поэтический журнал — это вам не скромный раздел поэзии в литжурналах, тем более в оглавлениях значащихся после прозы, и, конечно, не «подвал» газеты! Гадали, судили и рядили о возможном главном редакторе. Не собираясь делить шкуру неубитого медведя, все же сходились на двух вариантах: либо кто-то из аксакалов поэтического слова возьмет в свои руки новорожденное поэтическое дитя, но больше склонялись к разумному: раз журнал «комсомольский», то и возглавить его разумно будет кому-то из нынешних властителей поэтических дум. Здесь проще: Евтушенко или Роберт

Рождественский, особого выбора нет... даже скорее первый более подходит...

В это время оживленную дискуссию перебило восклицание подошедшего с «четверкой» от Тахо-Годи московского латыша Валдиса Круминьша: «Смотри, ребята, никак сам Евтушенка припожаловал!» Действительно, из притормозившей напротив решетчатого забора черной «волги» вышел легко узнаваемый властитель тех самых дум. С ловкостью бывалого здесь человека обогнул по левой дорожке памятник и скамейки с сидельцами, стремительно пробежал ступеньки и вошел в дверь дома Герцена.

Притихший от столь неожиданного совпадения, что-де легок на помине, народ на скамейках озадачился. Валдис, как сын потомственных дипломатов, еще с довоенной лимитрофной Латвийской республики, даже проникательно предположил, что Литинститут войдет в число соучредителей поэтического журнала. Соколики поэтические совсем заблагодаруствовали — это почти что *свой*, литинститутовский журнал! Даже смелости прибавилось — дружной компанией отправились в низенькую пристройку вымучивать из себя соображения об античной литературе, держа в головах, чтобы не забыть, имена Гесиода, Эхила, Еврипида и Сенеки с Горацием...

Сдавшие же экзамен преимущественные прозаики дожидались своих друзей, чтобы всем коллективом отправиться в традиционную пивную «Серебряная ладья», что по другую сторону улицы Герцена, за зданием Моссовета. Но первоначально они дождались выскочившего из двери Евтушенко, еще более стремительно, с неопределенным выражением лица, прошагавшего на выход и севшего в «волгу», которая тотчас сорвалась с места и исчезла из обзора озадаченных скамеечных сидельцев. Каменев даже время пребывания его засек: восемнадцать минут. Чекистская привычка.

◆ По всей видимости сам Пименов санкционировал в воспитательных целях для будущих властителей дум и инженеров человеческих душ разглашение содержания столь короткой беседы, иначе почему уже вечером того дня в общезжитии ее жарко обсуждали?

Как находящийся на пике всесоюзной славы, наш поэт сразу взял быка за рога, объяснил ректору ситуацию с поэтическим журналом и имеющим место быть конкретному предложению ему стать главным редактором. Но — непереносимое условие: высшее литературное образование. Тем более, что ранее два курса Литинститута он проучился. И нельзя ли — для общего блага поощрения молодых дарований — так сказать, экстерном получить диплом? На это добрейший Владимир Федорович ответил, что рад видеть *нашего* бывшего студента, решившего вернуться в Дом Герцена и продолжить успешную учебу: ввиду занятости, конечно, заочную. Дескать, будете приходить к нам в сессии, сдавать зачеты и экзамены, писать и защищать рефераты, посещать творческий семинар. Ну-у и в положенное время, через четыре годика составите из своих стихов дипломную работу, которую, вне всякого сомнения, успешно защитите.

— Ха-ха-ха! Ну, Матвеич, и уморил своим рассказом. Прямо как у Герцена: «Былое и думы». Но что-то я никогда о таком поэтическом журнале не слышал.

— И немудрено, Васильич. Поэты — народ склонный, нетерпимый к чужой славе. Вот воспользовались конфузом с нашим Евгением и похерили затею с журналом. По принципу чисто нашенскому: если не я, то лучше и не быть самому предмету.

— Вещь обычная, — вставил свое слово Николай Андреянович, — блудливая свекровь и невестке не верит, как народная мудрость гласит. Однако по-

ра и нам покинуть это славное заведение. Совпадения совпадениями, но иные здесь, а те далече, или какова псу кормля, такова его ловля. Все же почему Евтушенко не доучился в *твоем*, Матвейч, Литинституте?

— А Евгений-то наш по молодости, да собственно и сейчас, большой любитель эпатажа на грани фола. Вот в пятьдесят седьмом году и вступился публично за роман Дудинцева «Не хлебом единым», заклеявленном «партией и правительством». За то и был отчислен. Ну-у, мужики, — по домам!

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

◆ Профессор Скородумов к адмиральскому обеденному часу повеселел: ровно без четверти двенадцать оторвался от бумажного листа с проставленным в верхнем правом углу номером страницы 285, отложил паркер, уже под два десятка лет не подводивший его, и глубоко, удовлетворенно вздохнул. Было отчего: дописана предпоследняя глава новой монографии, пока что с рабочим названием «Директивная цифровизация мышления человека как патология». Усмехнулся: пора к окончанию книги откорректировать ее название, в частности, нелепое словечко «цифровизация» заменить авторским термином «цифрофрения» — от словосочетания: *цифра* + (шизо)френия. Очень Игорь Васильевич гордился своим нововведением в великий и могучий русский язык — это как Достоевский, возможно рисуясь, говорил что изобретенное им слово «штушевался» для него значительнее чем написанные романы... повести и рассказы тем более.

Для разминки встал с креслица, сделал пару упражнений с размахом рук, памятным по школьным и студенческим физкультурным урокам, зашагал по диагонали скромного своего кабинета. Задев при развороте правым плечом угол книжного шкафа, произвольно вспомнил, что студентки-индианки их факультета, особенно первокурсницы, не привыкшие еще к новой жизни, при встрече профессора в узком коридоре учебного корпуса все норвят обогнуть его с правого плеча. Оно и понятно: у них перенятое с бывшей метрополии левостороннее движение. Но вот почему в телесериалах (супруга смотрит по вечерам, потому и ему на глаза порой кадры их попадают) все персонажи, от бывших братков до нынешних ан-

гелоподобных «владельцев заводов, газет и пароходов», явно санкционированно от режиссеров пишут левой рукой? Прямо какой-то левый уклон в мозгах...

Опять же патология, так нынешняя европейская онлайнкин сексопатология! Тьфу, хватит лохматить! — к терапевту! как в своем студенческом кругу в далекие молодые годы говорили. А сейчас чем хуже, тем лучше... кому надо, кукловодам.

«Чего-то и меня налево повело», — самоизвиняюще подумал Игорь Васильевич, действительно взяв левый курс на шкафчик с хозяйственной полкой. А здесь и минутная стрелка на настенных часах побраталась с часовой: адмиральский час свершился, так что профессору пришлось его спешно догонять обеденной стопкой добротного пятизвездочного армянского — не из тех, что гонят в бывших подмосковных колхозах, но гарантированного изготовления на Ереванском коньячном заводе.

Однако самый сладостный момент, когда душистый продукт дружественной по СНГ страны докатился до желудка, а вкусовые рецепторы ротовой полости восторженно оповестили по нейронной сети весь организм о наступлении адмиральского часа, испортила... ну кто кроме женщины может напаковать? словом, в дверь вежливо постучала, а затем на недовольное «входите» на пороге объявилась ихней кафедры старшая лаборантка, почтенная Анна Кирилловна:

— Игорь Васильевич! Вы давеча насчет папочек пластиковых спрашивали, так сегодня с утра Тоня за канцтоварами в главный корпус ходила. Вот пяток возьмите.

Поблагодарив лаборантку-хозяйку, профессор сделал вид, что не замечает ее демонстративно приносящийся нос. Бабы они и есть бабы... Впрочем полиэтиленовые папочки ему, как эстету в части письменных принадлежностей, понравились: благо-

родного сине-стального цвета. В такие приятно вставлять свеженарисованные главы новой книги... как сегодняшнюю. И хотя благодушное настроение частично вернулось, но в голове завертелись настороженные слова латинской перевозданной мудрости. Даже замурлыкал на мотив гимна советской пионерии: «Тимео данаос...», то есть бойся данайцев, дары приносящих.

◆ Инженер-конструктор первой категории, то есть высшего нена начальственного чина, Игорь Скородумов, трудившийся в НПО «Меткость», задумал на середине четвертого десятка лет своей еще условно молодой жизни стать кандидатом наук: для престижа, роста в должности, а главное для удовлетворения своей склонности к исследовательской работе. Среди прочих околодиссертационных забот теперь «числился» за ним реферат по философии — для сдачи кандидатского экзамена по одноименной дисциплине.

Конечно, он бы и сам за несколько послерабочих вечеров, прихватив и субботний день, в охотку написал эти рекомендуемые двадцать-двадцать пять страниц, тем более, что институтский курс этой науки из головы не выветрился — и уважал он дисциплину мудрости человечества. Будучи же начинающим библиофилом, регулярно приобретал в самом большом в городе книжном магазине на улице Первого Мая тома также недавно начавшей выходить серии «Философское наследие». В основном откладывал серьезное чтение «на потом», но каждую вновь купленную книгу с интересом пролистывал, а иногда за чтением заинтересовавшихся мест и вовсе весь вечер проводил... особенно если после трудодня заходил с друзьями-коллегам в пивную «Лабиринт», что в Центральном парке.

Тем более, что тему реферата выбрал близкую к роду своих занятий: о диалектике творческого процесса в современной исследовательской деятельности.

Перо же Игорь имел легкое и быстрое, философскую терминологию понимал без толковых словарей; что уж здесь говорить о научно-технической? Смущало его требование сдавать реферат в отпечатанном на машинке виде. Впрочем и здесь без особых хлопот можно обойтись: на то и машбюро в «Меткости», где его жаловала за хорошо читаемый почерк и шоколадку к Восьмому марта и на Новый год машинописная дама Алевтина Сергеевна, которой — одной из десятка трудившихся в большой комнате, со стенами и потолком выложенными пенопластовыми плитками-звукогасителями — Игорь обычно сдавал для исполнения заявки на изобретения и статьи для открытых журналов (для закрытых ведомственных в соседней комнате располагалось секретное машбюро). Поскольку он прекрасно знал, со слов той же разговорчивой Алевтины Сергеевны, с которой ездил на одном служебном автобусе «в лес», что профессиональные машинистки печатают «на автомате», то есть натюкала слово, перевела глаза на следующее, а предыдущее напрочь из памяти изгнала, значит смело можно рукопись реферата отдать ей, назвав статьей для журнала.

...Все-то хорошо складывается, кабы черт не попутал, в смысле — данная человеку от природы охранительная лень. Лень — это не порок, а умеренное качество экономии ресурсов энергии организма. Что-то в подобном роде прочел он некогда в книжке «Опытов» Мишеля Монтеня дореволюционного издания, купленной «с зарплаты» в городской «Буккниге». Десять лет как закончились студенческие годы, но настроение и антураж этих веселых времен не хотят отпускать его: друзья-приятели почти все оттуда, словечки и дурашливые присказки — словно и сейчас из корпуса после лекций вышел. И также по-студенчески в воскресенье с утречка сам-трое по пивку, далее «в стекляшке» по портвешку. А если

зарплата накануне, то ближе к вечеру и в «седьмой учебный корпус» института, то есть в ресторан «Юность», что соседствует с уже настоящими учебными корпусами. Конечно же, сохранилось и самое сакраментальное: студент полагает день потерянным напрочь, если хоть в мелочи не «наколет» (обманет — это слишком грубо, неэстетично...) кого-либо из преподавателей. Это во всем мире еще от средневековых буршей идет.

Проще говоря: все эти рефераты, как и сами кандидатские экзамены, суцкая профанация, все одно что «пиво на вино» пить в известной присказке, а вот «вино на пиво — это диво». А раз пошла такая пьянка, то сам бог велел подсунуть уже готовый вариант на схожую тему, коль скоро подвернется таковой, конечно в напечатанном виде. Тем более — не имей сто рублей, а имей сто друзей. А такого и искать долго не придется.

◆ Еще на третьем курсе его дружок и одноклассник, только из другой группы их потока и специальности, Серега Степанушкин познакомил его со своей бывшей одноклассницей Наташей, теперь трудившейся в пединституте лаборанткой на кафедре философии и заочно учившейся на филфаке же МГУ. Почему заочно при совсем недурственной голове и полковнике отце, заместителе начальника среднеспециального пограничного училища, имевшего тогда место быть в их городе? — сама Наталья объяснила в первое же знакомство. А оно состоялось по причине купленной Игорем с Серегой бутылки ноль-семь диковинного португальского портвейна, в тот год наводнившего все винные магазины страны — явно в оплату за поставку советской нефти.

Распить «порто экс Оппорто»* в каком-либо дво-

---

* Оппорто (*Opporto*) — самоназвание Португалии.— Прим. авт.

ре на лавочке Сереге, как интеллигенту во втором поколении, сыну главного агронома области, воспитание не позволяло. Он и предложил зайти, тем более со столь изысканным напитком, к давней школьной знакомой, живущей в пяти минутах ходьбы от места, где они задумались.

За смакованием импортного портвейша хозяйка, явно со слов отца, большого книгодея, собравшего солидную домашнюю библиотеку, и объяснила свою «заочку» в МГУ: «Медицину, технику, математику и все остальные серьезные знания, конечно же, надо постигать очной учебой. Философия же не терпит столичной суеты и многолюдства. К тому же у меня зрительная память намного лучше слуховой. Потому и учусь на заочном».

...За прошедшие с того знакомства годы Наташа закончила университет, должность лаборантки поменяла на ассистента, затем защитила в *alma mater* диссертацию, а сейчас Наталья Андреевна солидная доцентша. Не менялось только одно — место работы, все та же кафедра философии пединститута. И традиция раз-другой в год заходить с Сергеем — заодно и с ним увидиться, коль скоро инженерную службу они несли на разных предприятиях и в разных районах города — к Наталье. Только прихватываемая с собой бутылка раз от раза менялась — каков очередной завоз в страну импортных напитков в расчетах за нефть и газ; случался редкий даже для Европы, знаменитый датский вишневым ликер «Черри-кери», шотландское виски «Клуб-99», под Новый год раз «выбросили» розовое венгерское шампанское «Мадам Помпадур». По принципиальной установке партии и правительства все эти изыски продавались народу по себестоимости, то есть самую чуточку побольше чем за отечественный продукт.

Книголюб Игорь после каждого такого визита уносил для прочтения — с обязательным, конечно,

возвратом — что-либо редкостное из роскошной домашней библиотеки хозяйки; обычно дореволюционного издания тома Шопенгауэра, Ницше, брошюрные издания Фрейда двадцатых годов. А затем и вовсе благодетельствовала, дав переписать библиотечные карточки на несколько десятков старых изданий авторов, которых еще на заре советской власти достославная комиссия Луначарского — Крупской сочла ненужными для ознакомления строителям социализма, затем и коммунизма... Пояснила, что в солидных библиотеках, навряд ли их областной, все эти книги имеются, никто их официально «не запрещал», но просто они не включены в общедоступные библиотечные каталоги. Однако если посетитель предъявлял карточку с названием и каталожным шифром такой книги, то заказ «спускали» в подвальное книгохранилище, а дежурная библиотечарша равнодушно выдавала затребованное, но с условием пользования им в читальном зале, в котором Игорь и «прописался», отрывая половину субботнего дня от более веселых занятий и докучливых домашних дел.

А с некоторых пор Наталья зачастила в МГУ, явно намереваясь со временем поднять свой статус обретением докторской степени. В один из традиционных визитов к ней сам-трое с Серегой и пузатенькой бутылочкой коньяка «Плиска» (западный импорт на сей раз подвел: стояло жаркое лето в Европе, сезонный спад заказов на нефть и газ!) Наталья, посмеиваясь, поведала, что аспиранты-философы в МГУ открыли свой «свечной заводик». Устроившись для подработки ночными сторожами в издательскую службу университета, скоренько наладили тиражирование редкостных старых или современных западных, на русском языке, книг, имевшихся «не для всех» в университетской и кафедральных библиотеках. Как раз отдел оперативной печати приобрел полдесятка высокопроизводительных английских ксероксов-ризо-

графов. И обновил полуавтоматическую микролинию изготовления твердых переплетов.

Ночная смена выдавала на горá до полусотни томиков в синем ледериновом переплете и с золотым тиснением имени автора на обложке и ее торце. От госиздатовской не отличишь! По цене «угла» (как говорил Собакевич в «Мертвых душах»), то есть четвертного, книги разлетались по столице и ее окрестностям как горячие пирожки у торговки на вокзальной площади...

Так в скромной пока домашней библиотечке Игоря, ощутило срезав семейный бюджет, появились такие самопальные тома Фрейда, Льва Шестова, «Так говорил Заратустра» Ницше. Дороговато, зато свои!

♦ У кого же готовый реферат задарма заполучить, если не у Натальи? У них на кафедре их прудом пруди, небось под ежегодное списание макулатуры не один десяток килограмм набирается! Вечером позвонил, объяснил докуку. Собеседница парутройку секунд промолчала, затем как-то вразяжку ответила утвердительно: «Да-да, Игорек, подыщу по твоей теме. Давай позвони через пару дней». Дар с самого начала смахивал на данайский: Наталья с неожиданной педагогической лаконичностью просила непременно реферат возвратить: «Он отпечатанный, я за него умной студентке отлично поставила. Может на какой-нибудь конкурс пригодится».

Глупее положения не придумаешь! И не воспользоваться хорошо написанным рефератом, прямо в точку по теме, глупо. Но еще глупее попросить Алевтину Сергеевну напечатать с уже напечатанного. Нет, здесь никакие объяснения насчет статьи в журнал не подойдут. Вот так сами и попадают в ими же расставленные сети, когда даже в мелочах корысть ищут... Не только скупой платит дважды, но Наталья-то хороша! — пусть бабу в рай, она и корову за собой приведет; дескать, доцентша и надо

даже почти приятелю показать этакую деловую значимость!

Пришлось идти по самому нетореному пути: спросил своих отдельских женщин из числа все знающих, даже то, что им никогда в жизни не пригодится, узнал о существовании при быткоминате, что на Васнецовской улице, бюро добрых, платных то есть, услуг, принимающих заказы на машинописные работы, и отправился туда со злосчастливым данайским рефератом. Стоимость услуги ошеломила, но если назвался груздем... На душе немного полегчало, когда через месяц отдал реферат по месту сдачи экзамена. Кстати, реферат оценили на балл меньше, чем Наталья. Сколько людей, столько и мнений... Черт с ними, с деньгами: попал впросак, но ведь выпутался? Тьфу-тьфу, из сердца вон и более не вспоминать о конфузе.

Осенью сдал экзамен и теперь уж навсегда забыл об истории с рефератом. Даже Серега как-то при очередной встрече в «стекляшке с подачей» под девственным названием «Ромашка» посочувствовал: «Да-а, Васильич, люди с годами меняются, особенно когда видишься с ними раз-другой в год. Вот и Натаха слегка задурила...».

◆ Все бы ничего, кабы ничего не было, но на всякое ау аукнется. Сдав по осени все кандидатские экзамены (экзаменатору по специальности — в кафешке под бутылек-другой), Игорь, в расчете на скорую защиту диссера, загодя начал набирать преподавательский стаж, чтобы через несколько лет добавить к кандидатскому диплому и звание доцента. Сходил на родную кафедру и подрядился ассистентом-четвертьставочником: по вечерам в сессионные месяцы вести практические и лабораторные занятия с заочниками. Все потекло размеренно. Но вот с утра предновогоднего тридцать первого декабря аукнулось-таки.

В самом начале условно-рабочего предпраздничного дня начальник отдела выкрикнул с противоположного конца конструкторского зала: «Скородумов! Игорь! Тебя здесь к телефону требует какая-то взволнованная барышня. Не жена, ха-ха-ха! официально по имени-отчеству называет!»

Действительно, на другом конце линии голос Натальи взывал к неотложной помощи: «Телевизор, как специально, сломался: включаться включается, даже звук есть, а на экране какая-то пурга. Прошу: найди знающего человека, а то как в новогодний вечер без телевизора остаться!» По ее голосу Игорь обреченно понял: никакие отказы и уловки не принимаются. Единственно, что о реферате не намекнула... Но тут же и повеселел, тотчас вспомнив про своего студента-заочника с чеховской фамилией Фирс. Деловой парень, уже после первого занятия подошел к преподавателю, представился мастером-телевизионщиком, настойчиво попросил записать номера его рабочего и домашнего телефонов и обращаться в случае необходимости без церемоний...

Уже через пару минут, под хозяйски заинтересованным лицом начальника отдела, договорился с Фирсом, продиктовав адрес Натальи. «Что, Игорь, еще одного круглого отличника готовишь из своих заочников? Архиполезное знакомство. Одобряю... и буду иметь в виду. Начальнику отказывать не принято. А с меня всегда бутылек!»

Пунктуальный и обязательный Фирс оправдывал свою фамилию. Еще отдельские женщины не успели до конца сервировать предпраздничный стол, а начальник, доставший из сейфа литровую банку с казенным спиртом, с помощью адъютанта Егора Коновницына разбавить его по рецепту Менделеева 40 % C_2H_5OH — 60 % H_2O и разлить по двум казенным же графинам, как зазвонил телефон: Фирс доложил о починке Натальина телевизора и

поздравил с наступающим праздником своего преподавателя.

На четвертый день наступившего високосного года вечером, на домашний телефон, позвонила и Наталья. С достоинством принятой ответной услуги кратко поблагодарила, особо отметив, что присланный телемастер отказался от оплаты, сославшись на просьбу уважаемого человека, которому *он обязан*.

...Игорь Васильевич после краткого экскурса в далекое былое с некоторым сомнением посмотрел на принесенные лаборанткой полиэтиленовые папочки: ох, не к добру все это. Опять же женщины — это совершенно иной биологический вид, в отличие от нас, мужиков, в эволюционном ряду Дарвина... нет, скорее всего Ламарка, ибо именно последний особо напирал на качество приспособляемости. Нет, без второй стопки здесь не разберешься, не придешь к правильному выводу. На этой спасительной нотке дверь вновь, но уже без стука, растворилась: «Ой, Игорь Васильевич, совсем забыла: мы всей кафедрой скидываемся...». Не дослушав, профессор достал из кармана пиджака «пятихатку» и протянул старшей лаборантке.

ЗАВЕТНЫЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ РУБЛЬ

◆ — А знаешь, Васильич, — заметил писатель Бурцев, когда Игорь Васильевич Скородумов, профессор биофака, поделился с друзьями во время очередного, традиционного пятничного посещения заведения «Наливай-ка!» своими соображениями о женской алчности в ситуации «долг платежом красен», — порой мужики еще почище перехитрить могут.

— Оно понятно, мужики-то слишком разнятся друг от друга, а вот женщины, особенно сейчас, когда все сплошь в распущенных патлах без причесок, стопроцентно на одно лицо! — повысил градус фи-

лософствования доцент-ракетчик Николай Андреевич и внимательно посмотрел поочередно на лица собеседников, ожидая реакции на свои слова.

— Все одно, Андреевич, наш брат по нахальству бабенку не перецеголяет. Особенно если она юна или простонародна. Вот живой пример, как говорится, на себя примеренный, извиняюсь за тавтологию. И чуть было дважды за эту неделю не попался. Спасла только привычка... не носить с собою денег; не потому что жаден, а натура, сами понимаете, такая: сколько с утра, выходя из дома, не положишь в карман, так все одно за день на всякую ерунду потратишь! Только в пятницу, под наш междусобойчик в «Наливай-ке!», особенно кредитку заначиваю во внутреннем пиджачном кармане, что на пуговке петелькой предохраняется. Это уже табу на всякие мелочные траты.

— Так в чем, Васильич, суть твоего живого примера,— заторопил Бурцев.

— А в том, что в понедельник уборщица Надька, даже не с нашего этажа обслуга, лет тридцати, хамоватая в поведении, заглянула в мой кабинетик и прямо с порога попросила в долг тышчонку, зная меня только в лицо. Я-то, дурак, даже извинился, что не при деньгах. А она этак врастяжку: «А я думала, что у вас е-есть». С тем и затворила за собою дверь. В среду и вовсе решил, что луна обратной стороной все-таки решила к нам оборотиться: в растворившейся двери возникла студентка-второкурсница, известная всему факультету своей дурковатостью по уму и неряшеству по одежде. Это надо же? — студентка просит у заслуженного профессора, тем более не имеющего к ней преподавательского отношения, «тысячу рублей до стипендии»! Сдержал праведный гнев, вежливо сослался на недопустимость правилами вузовской этики каких-либо денежных отношений между преподавателями и студентами. А

ведь будь в кармане эта самая кредитка с видами города Ярославля, так с дуру и дал бы! Вчера же как-то непроизвольно, что называется на автопилоте, отметил: и развязной Надьки, приписанной к первому этажу, обычно весь день вертящейся там и пристающей с разговорами к вахтерше и комендантше корпуса, не видно, а на нашем этаже не слышно дурашливого визга студентки-просительницы. Но когда поинтересовался у матерого потомственного доцента Александра Никифоровича, четыре десятка лет прослужившего преподавателем, о странном некомильфо уборщицы и студентки-второкурсницы, тот расхохотался: «Так ведь уборщица уволилась, а студентку эту отчислили за неуспеваемость. Вот они в последний день своего пребывания и обегают всех и тыщонки якобы в долг клянчат. Причем, Евины дочки, такую сумму просят оптимальную, чтобы и в кармане своем ощущалась, и искать бы их не стали. Ха-ха-ха, еще и инфляцию учитывают! — пару лет назад пятисотенную просили. А ты что, Игорь Васильевич, не знал про такие женские повадки? Ну да, ты же профессор заслуженный, в эмпириях научных витаешь, ха-ха-ха!»

— Да-а, Васильич, далек ты от народа, как декабристы в известном высказывании Ленина, — усмехнулся Бурцев, — ты только подтвердил своими скорбными примерами с уборщицей и студенткой только что сказанное мною, а именно: женщины на удивление однообразны в таких щекотливых по части морали и нравственности делах. Где же пресловутая женская изощренная хитрость? Да, она существует, но обладательницы ее экономно тратят, по мелочам не размениваясь. А сорвать с простодушного мужичонки тыщонку — по нынешней ее покупной стоимости — это суцая мелочь и есть. Но вот когда дело серьезное представится, например, того же мужика окрутить, здесь, конечно, даже близко что-

либо подобное женской изощренности трудно представить. Это тебе не на тыщонку профессора выставить!

— Хм-м,— слегка обидчивым голосом отозвался Скородумов на инвективу приятеля,— но меня-то ведь не выставили!

— Дело случая, дело случая,— помотал головой Бурцев,— но все же: вот балуемся мы по малой водочкой и не хуже тех трех в лодке, не считая собаки, рассуждаем о врожденной женской мелочной корысти по типу «долг платежом красен», а ведь лицо принципиальное отличие этой самой корысти у нашего пола и противоположного. У мужика это скорее спортивный азарт. И вообще, неча на зеркало пенять! Как замечательно Лермонтов в «Сашке» сказал: «Они [мужчины] большие эгоисты — Все жен винят, как будто сами чисты». Давайте-ка и я по части личного примера выскажусь.

— Во-во, ближе к делу, давай, Матвейч,— одобрил Николай Андреянович.

◆ Из моей развеселой литинститутской жизни: два раза в год по одному месяцу мы, заочники, проводили в расаднике отечественной словесности имени Алексея Максимовича Горького, деля сутки на две неравные по времени части. С утра и где-то до трех-четырех пополудни в Доме Герцена на *Твербуле* — двадцать пять лекций знаменитостей высшего разряда слушаем, мудрость литературно-филологическую в себя впитываем, на творческих семинарах под руководством своего наставника, лауреата Сталинской премии, учимся сочинять разумное, доброе, вечное... ну-у, конечно же, потеем на зачетах и экзаменах. Освободившись, с часок проводим в подвальной пивной «Серебряная ладья», что через улицу Горького, ныне возрожденная Тверская, все рядом — из нее к кинотеатру «Россия», мимо снисходительно смотрящего на современную жизнь Пуш-

кина, чей памятник освятил знаменитой речью Достоевский, на третий номер троллейбуса и — в родное общежитие, тоже высокого класса. Ну-у, обо всем этом не раз вам рассказывал, может и надоест успел.

Вот с пивной-то, что между Моссоветом с памятником Юрию Долгорукому во дворе и новым тогда зданием Генпрокуратуры СССР уместилась, и начиналась вторая, основная по времени и жизненным впечатлениям, часть суток. Сказать, что в общежитии мы проводили время от раннего вечера до достаточно позднего утра, значит ничего не сказать. Вроде как перманентно длящееся, с неохотным перерывом на легкий освежающий сон, распивание самого дешевого портвейна из соседнего гастронома и непрерывного заваривания чая, тоже грузинского, второй сорт — и все под легкую закуску: что бог не всегда по средствам пошлет. Спасали запасливые белорусы, что привозили на сессии полупудовые оковалки превосходно засоленного сала, а армяне с грузинами прихватывали весомые круги твердого сыра с приправами — из числа тех, что в обычной продаже даже в Москве не встретишь. Хохлы же, или как там правильно именовать веселых и долговязых ребят из Харькова, Днепропетровска и далее в сторону Одессы? — норовили на дармовщину присоединиться к компании...

— Ближе к делу, сочинитель! Вроде как на устный роман замахнулся?

— Торопливость, Андреяныч, сбивает аппетит во всяком деле. А я слегка издали к сути и подвожу. Вот такой Жора из поэтического семинара вроде как Старшинова, а сам из Змиева, что рядом с Харьковым, кстати, во время нашей учебы Змиев в Готвальдов — после кончины чехословацкого генсека — переименовали; а сейчас, конечно, к прежнему названию вернулись... так вот, этот Жора за время

сессии все комнаты нашего курса обходил: прямо по графику, сегодня в одной до полуночи задерживался, завтра — в другой. А чтобы со счета не сбиться, так придерживался последовательной нумерации: ...305, 306, 307...

Все уже с первого курса знали его фокус, но тем не менее ему же и поддавались. Вот выпал на сегодня Жорикку номер нашей комнаты. И появляется он на пороге тотчас — чутье волчье! — после нашего приезда с Твербуля через «Серебряную ладью»... понятно дело, с заходом в соседний гастроном. «Здорово, имбиряки! А я сегодня в институт не ездил, зато пару стихотворений записал. Хотите прочту?» Ну как после этого не усадить профессионального халявщика за стол. А имбиряками нас, то есть меня, Санька из белорусского Молодечно, осанистого Виталия из Днепропетровска и прапорщика Миколу из Ивано-Франковска, хотя и западэнца, но милейшего человека, весь курс, похохатывая, звал по той причине, что вместо традиционного портвешка мы потребляли — по моей наводке — только горькую настойку «Имбирная». Как я высчитал, она являлась самой выигрышной по критерию $\frac{[\text{грамм}] \times [\text{градус}]}{[\text{копейка}]}$ ...

Слово за слово, а у Жоры язык по-малороссийски (фамилия его Юрьев) подвешен на хорошо смазанных шарнирах, засиделся он у нас до последней «имбирной» бутылки, показавшей свое печальное доньшко. А до закрытия гастронома и вообще вино-водочной торговли чуть поболее четверти часа. И Жора исполняет свой коронный трюк. У него, как у тебя, Васильич, пиджачный карман с застежкой на пуговку, тоже на брюках имелся этакий маленький карманчик спереди, под ремнем: тогда штаны шили еще по традиционному фасону, то есть с таким карманчиком под часы на цепочке — навроде «Павла Буре — поставщика двора Его Величества»...

Четко, почти что выработанным инстинктом, уловив это критическое время, Жора поднимался со стула, делал глубокий вздох и со словами: «Эх, чего не сделаешь ради такой приятной компании?» — Истинно, Москва — город соблазнов для провинциала. Потратился, домой телеграмму послал, перевода со дня на день жду, а сам уже третий день чаем и черняшкой обхожусь. Даже в институт не езжу — мелочевки на троллейбус и той нет. Что осталось на самый крайний случай — рублевик, была не была, кладу на общее дело! — и отработанным жестом доставал из часового карманчика юбилейный рубль с профилем Владимира Ильича, что размером и весом поболее обычного, и с размаху громко хлопает им по столешнице. У кого после этого хватит совести, или бессовести? чтобы не потянуться к своему карману. Еще через двадцать минут посланец Санек выставил на стол пару бутылок «имбирной», под которую прапорщик Микола, кстати почти не пьющий, уже нарезал привезенное им сало с мясной прослойкой. До полуночи длятся разговоры на литературные темы по преимуществу...

Николай Андреевич усмехнулся: ничто не ново под луной.

◆ Инженер второго года работы молодым специалистом по распределению Николай, которому еще немислимо далеко было до именованья с прибавлением отчества Андреевич, после женитьбы примаком проживал в центре города. Но, как почтительный сын, в каждый пятничный, уикэндский день приезжал в родительский дом на косолученской окраине, сплошь застроенной такими же частными домами. А все обширное по территории Косолучье с тридцатых годов ширилось и прирастало улицами как поселок, а затем городской район при новопоставленном в сталинские пятилетки большом металлургическом заводе.

Заезжал же родителей и младших братьев проведать и свежую почту получить, поскольку не торопился переводить ее на новый адрес.

Вот и в эту пятницу его ждали два письма: одно от школьного еще, другое от институтского приятелей — и занесенная почтальоншей же, их соседкой Верой Ильиничной (чтобы соседу Николаю самому на почту с ее очередями не ходить), бандероль с заказанным в «Книге — почтой» томиком Марка Аврелия из серии «Литературные памятники» — библиофильская страсть все более затягивала Николая. Как и всю страну в те годы.

Со всегдашним аппетитом съев целую горку материных блинов с домашним крыжовниковым вареньем (при доме участок с садом-огородом), Николай распрощался и взял курс на близкую автобусную остановку. Но теплый августовский ранний вечер, когда до темноты еще целых три часа, а главное — еще не початый червонец на карманные расходы (вчера был день выдачи зарплаты), навевали вольнолюбивые мысли. Тем более прямо напротив остановки, через дорогу, кафешка, а проще говоря распивочная «с подачей», обслуживавшая тружеников градообразующего металлургического завода, проживающих в соседних пятиэтажках... в отделенном от них дорогой частном секторе предпочитали самодельную или купленную в ближнем магазине: летом, да в беседке своего садика, да под редиску-лучок с грядка — это вам не теснота и кабацкий гам окраинной распивочной! Да и обычно дисциплинированный третий номер автобуса не торопился подкатывать к остановке... Словом, Николай пересек дорогу и уверенно вступил в растворенную по летней погоде дверь заведения.

♦ «Где родился, там и пригодился», — с деревенской архангельской мудростью говорила мать Николаю, когда тот в очередной раз попадал в какую-то мелкую неприятность. А отец, доморощенный —

от долгой флотской службы на Севере — философ, пространно объяснял, когда примет стопку-другую-третью, что хоть двадцать, тридцать и более лет проживи ты, Николка, в этом городе, все одно будешь впросак попадать. Ибо вырос ты во флотском Заполярье, привык к людям совершенно иным, не жели здешние хитроватые и нагловатые «казюки», потомки мастеровых и сами работяги. Они родились такими и это их образ жизни. Иного они не понимают и не приемлют. Как и ты в душе порой артачишься, не приемлешь какую-то мелочь, что отличает тебя от них... или их от тебя?

Все это Николай здоровым умом понимал, но — именно здоровым, спокойно рассуждая. Но как только дело доходило до очередного конфуза, то все эти соображения забывались; опять, в очередной раз, подводила врожденно-воспитанная доверчивость. «Все-человечность», как он вычитал у Достоевского. Если он не в этом городе со старинными традициями легкого шельмовства родился, то и пригодился стать объектом его проявления. Так можно переиначить материну пословицу... или присказку? Не очень уверенно Николай чувствовал себя по филологической части.

Загодя решив быть осторожным, взяв у буфетчицы Маши, дородной бабенки под сорок годков, тем не менее стрельнувшей глазами на знакомого посетителя, дескать, давно не заходил, молодой человек, стакан аргеевской мадеры* и конфетку, оглядел пяток имевшихся столиков. Опять-таки сработал эф-

---

* Для забывших или вовсе не знающих реалии тех давних лет: «Молдвинпром» в 70—80-е годы не уставал радовать народ 1/6 части суши Земли килонами все новых дешевых крепленых, почти натуральных виноградных вин. Знаменитая же мадера производилась в совхозе Аргеевский, а мадерный вкус придавался вроде как пережаренными панировочными сухарями... — Прим. авт.

федт пятницы: металлурги дневной смены, свято чтя традиции последнего рабочего дня недели, только заскочили наскоро принять стакан-другой мадеры или портвейна, а далее отправились по домам, захватив по пути в магазине бутылку «Московской» — к ужину и домашнему уюту. Так что в распивочной Маши в это час уже пустовало.

Засидевшиеся по-двое, по-трое, занимали первые два от буфетной стойки стола. За угловым, чуть по-дальше, о чем-то бессмысленно спорили два запенсионных мужика. Еще за одним скучно угрюмил над ополовиненным стаканом некто неопределенного возраста, одетый с дешевой претензией, что обычно именуют интеллигентными пьяницами. Николай сел за свободный столик, рассчитывая уложиться в несколько минут, в два приема выпив мадеру, с перекурор между ними, особенно не торопясь, чтобы аргеевская в горле комом не стояла, а приятственно растеклась по желудку. Обычная после первых ста грамм молдавского напитка, давняя мыслишка всплыла в голове: а может и вправду тамошние виноделы, как и румыны, прямые потомки римлян, заселивших крепости Траянова вала, мадерные бактерии* в бродящий виноградный сок добавляют? После второй сотки здравый смысл опровергал эту оптимистическую мысль: цена рупь — семьдесят три за огнетушитель ноль-семь и заваленные прилавки всей страны явно не свидетельствовали в пользу тонкого мадерного брожения... Здесь дегустационные размышления Николая прервал парень его возраста, ранее сидевший за соседним столиком, только что распровавшийся с двумя уходящими собеседниками и пару раз зорко

---

* В отличие от всех других вин, бродильные бактерии которых погибают, сами себя отравив, при крепости 10,5...11,5 винных градусов; мадерные и хересовые грибы забраживают виноградный сок до 16...17 градусов. А крепленые винным спиртом эти напитки имеют 24 градуса... — Прим. авт.

стрельнувший глазами в сторону новоприбывшего посетителя.

Подойдя к Николаю, он поприветствовал его рукопожатием, изображая какими-то ловкими словами, не называя его имени, радость от встречи с давно не виданным знакомцем, хотя бы и шапочным.

— А мои ребята ушли, футбол сегодня по телику. Хорошо тебя встретил, будет с кем поговорить,— весело затараторил парень, подсаживаясь к недоумевающему Николаю,— да, чуть не забыл: думаешь, давно не встречались, так и должок свой заначил? Ха-ха-ха! Нет, шалишь, Петруха не из крохоборов, с металлом дело имею!

С этими горделивыми словами, новознакомец Петруха, изогнув символом американского доллара правую руку, достал что-то из брючного часового карманчика и металлически грохотнул ладонью по столешнице перед Николаем. Когда он убрал руку, то Николай узрел юбилейный рублевик — к 100-летию Вождя революции.

Как Николай не отнекивался, мол, он уже полтора года как не в Косолоучье живет, как не убеждал честного парня в его ошибке, тот только понимающе кивал головой, ласково улыбался и утверждал, что никакой ошибки здесь нет, просто ты, Колян (они уже представились друг другу), забывал, ибо несколько — ну и что? человек имеет право после трудового дня выпить — извини, друг, нетрезв ты был... В итоге уже Николаю стало неудобно: человек всей душой к нему, а он все дистанцируется. Даже решил замять ситуацию, дескать, не составишь компанию?

— Ну-у, не знаю. Главное, что долг вернул и на душе спокойно стало. Даже выпить захотелось за это святое дело! Жаль не при деньгах сегодня, вчера по случаю двухкассетник японский купил.

На радостях, что вывернулся из неловкой ситуа-

ции, Николай взял у Маши целиковую бутылку за трояк — с буфетной наценкой — и тарелочку с бутербродами.

...За полтора часа до закрытия заведения, пока от червонца осталась лишь мелочь на автобус и далее с пересадкой на троллейбус вверх по проспекту, приятно захмелевший Николай слушал ладную, льющуюся как вода в фонтане речь рабочего парня Петрухи про дядьку, заместителя начальника цеха; тетку — супругу другого дядьки, милицейского подполковника, — что заведует заводской лабораторией, и про всех остальных родичей, что тесно обсели металлзавод на среднеответственных должностях.

— ...Эту неделю лили серый чугун для Турции, так дядька обещал меня с партией чушек в Стамбул отправить. В деньгах, слава богу, не нуждаюсь, прикуплю там чего душа пожелает. И вообще, хочу в следующем году машину взять*: пока новую модель «жигулей», а со временем — связи-то имеются! — на что-нибудь европейское взойду.

Всю следующую неделю Николай вместо столичной «явы» смолил моршанскую «приму» и почти забыл вкус пива и чего покрепче.

А ЕСТЬ МЕСТА, ГДЕ ЖИВУТ БЕЗ ДОЛГОВ

- ◆ *Стукну по карману — не звенит,
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

— прямо на этом стихотворении, как нарочно, раскрыл второкурсник-зочник Литинститута Андрей

---

* По тогдашней терминологии, если речь шла о покупке или продаже автомашины, то это в разговорной речи звучало как «взять» и «сдать». — Прим. авт.

Бурцев только что купленную книжку Рубцова «Подорожники». Понятно, только что и вышедшую в «Молодой гвардии»; такие книги, тем более в столице, на прилавках не залеживаются... больше пары часов после их выкладки. И тем более «в квадрате», коль скоро, прибыв на весеннюю сессию и получив в канцелярии института на Твербуле направление на заселение, доехав на третьем номере троллейбуса до остановки на углу родной общаги, все же не утерпел и заскочил в книжный магазин через дорогу. «Квадрат» — разумеется от соседства с литературным общежитием. Особенно в первые дни после заезда заочников, когда еще можно уверенно постучать по карману...

«Мд-а-а, добрый знак нам свыше дан», — кого-то из классиков мысленно процитировал Андрей, на ходу захлопывая толстенький, карманного формата томик любимого поэта на траверсе входной в общежитие двери. В поместительном предбаннике, не то что в стандартных пятиэтажных общагах институтов его родного города: педа, где сам учился на истфаке, и политеха, толпились, распределяясь по комнатам, прибывшие на сессию второкурсники, четверокурсники и выпускные шестикурсники — «команда чэ», четных номеров. Нечетные же курсы за день до этого разъехались по своим городам и весям. Все в разной степени знакомства друг с другом.

Андрей не торопился: по уже выработанной договоренности, первый из прибывших «имбиряков», то есть его самого, приучившего их компанию к «Имбирной», горькой настойке, здорово ударяющей по ногам и голове, Санька из Молодечно, Виталия из Днепропетровска и Миколы из Ивано-Франковска, фрахтовал для сложившейся компании комнату. Встал поодаль от толкучки у стола комендантши, распределявшей прибывших «по номерам», здороваясь с уже отоваренными, прислонившись к стене. А

вот и посыльный Санек, кубастый фигурой, скатился с лестницы, попутно обнялся с Андреем, дескать, не торчи здесь столбом, регистрируйся и в триста девятнадцатый дуй; Виталька уже сало режет, меня за «Имбирной» послал, Микола-прапорщик как обычно запаздывает. Хлопнул Андрея по плечу и выскочил в наружную дверь.

Дело серьезное, горькая настойка может и остыть, а порезанное белорусское сало молодецкого посола может и затухнуть в ожидании. А то еще Жора со своим неразменным юбилейным рублем начнет обход с их комнаты! Хоть и не татарин, но все одно не вовремя гость. Наоборот, Шариф из Набережных Челнов заходит в гости — он в одном семинаре с Виталием — всегда с бутылкой. И даже не с «Имбирной», к которой испытывает подозрение, но с водочной. «У нас в Челнах работяги и инженерá только сорокаградусную употребляют, а настойки всякие и плододовыгодную бормотуху петушники и старшие школьники во дворах из горла кируют!» — пояснял он с рассудительностью фрезеровщика солидного пятого разряда.

Микола в мундире прапорщика («к людям в форме подвыпившие попутчики в поезде меньше пристают») был-стал в половине восьмого вечера, когда Санек в третий раз собирался отрядиться «за добавкой». «Отставить», — скомандовал Микола, раскрывая дорожную сумку и доставая уже ставшую традиционной бутылочку огнедышащей пятидесятишестиградусной «водки з'пирцем» тернопольского производства, а к ней щедрую закуску, приготовленную хозяйственной прапорщицей (Микола был старшим из обитателей комнаты). Еще «западэнец» вручил каждому по экземпляру только что изданной книжки его стихов. Понятно дело, на мове.

К счастью, в день общего сбора халявщик Жора начал обход с другого конца коридора. «Не смейся,

друг, над жертвою страстей», — как подражал Байрону Михаил Юрьевич.

◆ — Вот теперь все в сборе, «имбирная» сессия открыта. Много сегодня тостов озвучено, но вот появился Микола, наш боевой, в прямом и переносном смысле, сотоварищ: прапорщик по службе и настоящий лирический поэт по своим жизненным устремлениям. И первый из нас издавший книгу. Вот потому и серьезный литературный тост: за Миколу и его книгу с символическим названием «Ноша» — читается одинаково по-русски и по-украински. Лиха беда начало, надеемся, что к окончанию сего славного института не один Микола будет надписывать на форзаце свежейизданной книжки свои посвящения друзьям, которых объединила Москва и славная наша Школа Горького. Бум здравы!

— Хорошо, душевно сказал, Виталька, — отдышавшись после стопки перцовки с немислимым градусом, похвалил Санек, — сразу чувствуется основательность мысли помощника машиниста тепловоза...

— А я вот обратил внимание, — невежливо встрял Андрей, которому пятидесятишестиградусная чувствительно ударила в голову, снизив уровень благовоспитанности, — что всех случайно или по-соседски знакомых мне железнодорожных машинистов, правда людей в возрасте, объединяет одно, м-м, не совсем популярное в советском нашем отечестве качество: все они люди верующие, а мой сосед и вовсе в выходные для него — график железнодорожный скользящий — дни с утра, как на некую вторую работу, идет в церковь на службу. Отчего такое, почти профессиональное?

— Я, ребята, член нашей партии, — правильно понял вопрос в свою сторону Виталий, — причем не из нынешних карьеристов, но к нашей же православной церкви, точнее православной вере, отношусь с уважением и пониманием. Что же касается привер-

женности именно машинистов к вере в бога, причем совсем необязательно с воцерковлением, то это от характера работы: слишком велика ответственность! Ведь за спиной у тебя не одна сотня живых душ, которые доверились вовсе неизвестному ими человеку. Даже если тащишь за собой товарняк — все одно напряжения в душе и голове ни на секунду не снимаемая. И при этом полнейшая трезвость, так что к главному успокоению души и головы путь отрезан должностной инструкцией и проверкой «остаточного» перед рейсом. Вот и остается одна надежда — на бога. А молитва — это мантра, снимающая ту самую нагрузку. Главное же, на бога надейся, а сам не плошай. Так все и начинается: поначалу «имя божье всуе поминаемое», затем привычка: и господь с тобой ответственность несет, а после, с возрастом и набегом сотен тысяч километров проезженного пути по рельсам, и сам бог поселяется — не могу сказать: в душе или в голове — в тебе. И высшее спокойствие уже приходит во время церковной службы. Как-то вот так, други мои околотитературные — кроме Миколы, он уже в литературе, чего и нам всем пожелаю.

— Интересно девки пляшут! — восхитился Санек, — словно роман психологический в десяток строк машинописного текста уложил. Когда я учился в физкультурном техникуме, была у нас пожилая преподавательница анатомии и физиологии, понятно дело со спортивным уклоном, так она уважала порассуждать на схожую тему: о выработке у профессиональных спортсменов такой же тяги призывать в помощь силы небесные, особенно на старте и в нескольких секундах или метрах — у кого какой вид спорта — до финиша. А у вас, Микола, как?

— У нас люди простые: офицеры все больше пьют и матерятся, солдатики помалкивают, а промеж них наш брат, ротные старшины и прапоры, за по-

рядком следит. Не до всевышнего. У меня вот одна прямолинейная мечта-желание: дотянуть-таки до вонной своей пенсии, с дипломом Литинститута устроиться редактором в газету или издательство, а все остальное время, исключая, конечно, домашние обязанности, полностью отдавать стихотворчеству. Как ни крути, но литература — единственный род занятий, где ты никому ничего не должен, равно как и тебе. За наше правое дело, имбиряки!

◆ После тоста и его материализации обычно молчаливый, по-западэнски все более внимательно слушающий, Микола разохотился на философские рассуждения, преимущественно сводя их к бескорыстию истинных творцов художественного слова, особенно поэтов... тут же вспомнил, что три его собеседника и застольщика сугубые прозаики, ловко вывернулся:

— ...Как носителей стихийно всплывающих в голове образов и троп поэзии. А вот писатели-прозаики эти тропы и образы тщательно обдумывают, наполняя их фактами отображения реальности бытия. Понятно, что в таком долгом и сосредоточенном мыслительном процессе им вовсе не до меркантильности и расчетливости.

— Ну, Никола,— восхитился Санек, косивший нарочито под полудеревенского простака,— ловко ты всем сестрам по серьгам раздал! Все-таки учеба в нашем литликбезе, третьем после пушкинского лицея и университета Шаняевского в начале этого века, на пользу всем нам идет: кроме малоумеренной дегустации дешевой кирки, тех же имбирной и чорнил, как у нас в Молодечно называют все что ниже двадцати по градусности, уверенно начинаем и о высоких материях рассуждать...

— А вот Шукшин, которого у нас срезали на вступительных, сам до них дошел. Сомневаюсь, что во ВГИК'е этим вещам большое значение придают: кинофабрика она и есть фабрика!

— Здравая, Виталь, мысль,— ободрил Андрей. Хотел было дружелюбно поделдыкнуть каким-либо локомотивно-паровозным сравнением, но благоразумно загасил это желание; Виталька мужик добродушный, но по-пролетарски здоровенный. А пятидесятишестиградусная тернопольская здорово по извилинам шибает! Коль скоро Шукшина упомянули, то к случаю вкратце напомнил еще прошлогодний рассказ почтенной Екатерины Федоровны, чуть ли не со времен постройки общежития трудившихся в нем на разных должностях obsługi. Когда-то и комендантшей состояла, теперь же, на пенсионном положении, числилась подсменной вахтершей, но и доверенным лицом нынешней начальницы учреждения, то есть имела ключи от кладовой со всякой нужной мелочью.

Именно в ее дежурство первокурсник Андрей был послан уже сдружившимися имбиряками за стоваттной лампочкой — взамен сгоревшей в потолочном плафоне, что по центру квадратной комнаты располагался над столом. Уже заметно стемнело за единственным окном, поэтому без электрического освещения заниматься за столом, особенно нарезать сало тонкими ломтиками, чтобы таяли во рту, было крайне неудобно.

Екатерина Федоровна сидела за вахтерским своим барьером, но была не одна: пара студентов-очников, вчерашних школьников, и сторонняя девица, явно пришедшая к ним в гости, потому компания и задержалась на входе с уговорами пропустить... «да-да, Екатерина Федоровна! а как же, конечно до одиннадцати часов, порядки знаем!». Как человек воспитанный, Андрей стал чуток поодаль, понимая сложность решаемого вопроса. Тем более, спускаясь со своего третьего этажа, встретил явно подружку этой девицы, как-то сумевшей проскользнуть...

Но и очники, даром что молокососы, уже знали подход к старинной стражнице общежитейского по-

рядка и блюстительницы нравственности. «А правда, Екатерина Федоровна, что вы хорошо знали Николая Рубцова во время его учебы у нас»? Вахтерша добро заулыбалась, поудобнее устроилась на своем высоком стуле, для мягкости долгого сидения дополненного войлочным кругом в холстинковой обшивке, начала неторопливо разматывать клубок воспоминаний. И ребята, изображая неподдельный интерес, сомкнулись плечами, тесно придвинулись к барьерчику, почти наклонившись головами над рассказчицей. А та и очки сняла — явно для удобства повествования. Ведь хорошая сказительница всегда сопровождает свою драматургически срежиссированную речь самой разнообразной жестикуляцией — не хуже мировой известности экспрессивных дирижеров: Герберта фон Караяна и Фурхтвенглера. Резкие же всплескивания сухоньких ручонков могли задеть очки. А поди новые-то справь? В аптеках только круглые роговые оправы, что в сталинские времена носили энкавэдэшные майоры...

Андрей с детективным интересом наблюдал, как одни из парней, заведя руку за спину, толкнул девушку в бочок, а та, как всякая Евина дочь, сообразительная когда надо, медленно, спиной вперед начала отступать к лестнице. А тут из коридора, справа вышла от кастелянши тройка парней, неся на вытянутых руках стопки постельного белья, и свернули на лестницу. Девушка ловко встряла между ними и была такова.

Еще с пяток минут пройдошливые ребята, а вместе с ними и Андрей, слушали общежитскую вестовщицу, затем как-то ловко, без обиды, отклонялись и двинулись в сторону лестницы. На запоздалый же вопрос Екатерины Федоровны о их подружке ответили небрежно в том смысле, что обиделась на всех и ушла восвояси. Андрей же получил затребованную лампочку, а вернувшись к себе, пересказал

услышанное от словоохотливой вахтерши, добавив кой-какие моменты от себя.

◆ Среди многих былей, легенд и маловероятных вымыслов о Николае Рубцове времен его учебы в Литинституте и проживания в общежитии, история с эфиопским князем самая занимательная и характеризующая «последнего выдающегося поэта советской эпохи» с различных сторон... впрочем, сливающихся в одну главенствующую, что и составляла сущность этого истинного русского поэта, своего рода «вологодского Есенина».

Как отметил Андрей уже после первой, установочной месячной сессии — сразу после сдачи вступительных экзаменов и поступления в Литинститут, эфиопы, народ семитского племени, так сказать, «двоюродные братья» арабам и ветхозаветным иудеям, как-то особенно выделялись на фоне многих других иностранных студентов Литинститута, учившихся, понятно дело, на очном отделении: болгар, гэдэровских немцев, поляков, афганцев, монголов. Даже латиноамериканцы и африканцы, которые настоящие негры, встречались.

...На этом моменте воспоминаний Андрей Матвеевич усмехнулся: из этих иностранцев, учившихся в Литинституте в его время, двое стали президентами: один монгольским, другой вроде как африканским. И снова обратился в мыслях к тем давним, славным годам.

Если иностранцы, как правило, единично представляли свою страну, то эфиопы имелись на всех курсах и даже в аспирантуре. Понятно дело, Эфиопия являлась исторически дружественной России страной, опять же древнехристианская, хотя, подобно армянской и египетской коптской церквам, монофизитская, то есть отвергающая Св. Троицу; един, мол, бог во всех ипостасях. И сколько себя помнил Андрей, ихний бессменный негус, то есть император

Хайле Селассие Первый, прямой потомок древней царицы Савской, регулярно делает визиты в Москву. Надо полагать, за дружескими деньгами и оружием.

Опять же литинститутские эфиопы утверждают, что в ихней столице Аддис-Абебе стоит памятник Пушкину с надписью: «Великий эфиопский поэт». Однако как-то путались: один собеседник Андрея говорил именно о памятнике с постаментом, другой же о бюсте. Аспирант же охотно пояснял, почему он без малого десять лет обитает в институте и его общежитии: дескать, как только получают от братской советской страны деньги и оружие, так тотчас начинают воевать, обычно с Сомали. А может просто в Эфиопии, с ее древней христианской историей и культурой, идущей от древнеегипетских и элладо-римских корней, очень уважают мастеров художественного слова?

Как-то Андрей с Саньком освежились утром в соседней с общежитием пивной, открывавшейся с семи часов — для опохмеления работяг окрестных предприятий, в том числе огромного Останкинского мясокомбината, что виден, наряду с Останкинской телебашней, из окон их житейской альма матер. Когда дружные массы пролетариев уходили на свои трудовни, столики пивной облепляли студенты Литинститута и обитатели соседней общаги института железнодорожных инженеров. Увидев знакомые лица, Андрей с Саньком, взяв по паре «Рижского» в пепсикольных 0,33-бутылочках, пристроились к столу, за которым поправляли здоровье второкурсник Амделис и на два года учебы постарше его соотечественник, который, ввиду сложности произношения имени, рекомендовался Мишей, поскольку крестили его в день Михаила Архистратига. Конечно по эфиопскому календарю. Много чего рассказали за свежим пивком, а как попали в Школу Горького, объяснили: Миша «по партийным связям», правда, на-

именование партии не уточнил. «Я-то вот из бедноты, а Амделис из князьков эритрейских будет, полу-эфиоп-полуараб».

Собеседники пояснили: вчера хор-ро-шо! отметили день рождения негуса-императора.

◆ Надо полагать, эфиопские литераторы — традиционные воспитанники горьковского института. Поэтому неудивительно, что во времена учебы Рубцова имелся у него в приятелях эфиопский поэт-князь. Причем не окраинный эритрейский, но настоящая «ваша светлость» с предками с дохристианских карфагенских, что по соседству с Абиссинией, времен. И в Твербуль-25 он не на троллейбусе третьего номера ездил, даже не на такси, а на неммыслимо редком в тогдашней Москве «мерине», что выделило ему родное посольство. От персонального шофера князь Кассалук отказался — сам уважал баранку вволю покрутить. Стоянку для «мерседеса» организовали — по взаимополезной договоренности с комендантшей — в условном дворе общежития.

Князь почти без акцента говорил по-русски: учился в Аддис-Абебе в советской посольской школе. Когда желания Коли Рубцова и князя Кассалука посетить альма матер совпадали, то спереди, на правом сиденье располагался приятель князя, а заднее плотно забивали попутчики и попутчицы. Но возвращались друзья порознь: князю за рулем полагалось быть хрустально трезвым, хотя бы гаишники даже в мыслях не делали попыток покуситься на машину с дипломатическим номером и темнокожим водилой. Николай же с коллективом своего семинара закрепляли полученные знания в ближних к институту «точках».

Как истинный христианин, хотя бы и монофизитский, а они на каком-то Вселенском соборе в Константинополе были отнесены к еретикам, князь горячительным не пренебрегал, но пил не от души непра-

вославной, вроде как по обязанности — все же княжеское воспитание! Николай же свято чтит национальную традицию: от души и протяженно. Поэтому в общежитии их маршруты не совпадали. Впрочем, когда Рубцов выходил из комнаты, усаживался на ступени лестницы между первым и вторым этажом, растягивая меха своей гармошки, Кассалук находил приятеля на слух, усаживался рядом и подтягивал русские народные песни — в унисон Николаю.

Рубцов набирал свою славу в литинститутском окружении, а князь что по-эфиопски, что по-русски как-то все неловко рифмовал, в чем и сам горестно порой сознавался в дружеском кругу. Но однажды, когда Рубцов уже который день злоупотреблял: приехал в столицу по своим писательским делам его земляк, привез, как радетельный гость, трехлитровую банку самогона, — чем-то раздосадовал его случившийся рядом князь. Не сдержался и выпалил: мол, я-то стану знаменитым поэтом, «мне поставят памятник, в городе или на селе; буду я и каменный навеселе», а ты хоть и князь, но дело твое на мерсе кататься, а не стихи кропать... Что-то в этом роде обидное спьяну несдержанно сказал.

Вспылил Кассалук, выскочил на улицу, вывел машину со двора и нарочито врезал ее в угол общаги. Хорошо сам даже царапин не получил — на малой скорости. Посольство затем оплатило небольшой ремонт здания. «Мерседес» починили и вернули в посольский гараж, а князь с Рубцовым помирились. Как правильно сказал Лермонтов:

*Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.*

Триолет о крахе деловой активности

БОГАТСТВО — ВОДА, ШЛА И НЕ ДОШЛА

♦ «От людей не жди блага, а уповай на Господа», — всплыло в голове Игоря Васильевича Скородумова, профессора и первого заместителя директора, то есть зама на науке, недавно созданного недюжинной энергией шефа научно-исследовательского института медико-биологического профиля. Жители Тулуповска, узнавая о таком новоделе, приходили в туповатое изумление. Чудны дела твои господни — это интеллигентские баритонистые тенора; не хрена себе оббить твою жесьть — вторили непохмеленными басами работяги — ленинские гегемоны: это надо же? на взлете апокалипсических девяностых, когда в столицах и университетских центрах в одночасье закрываются научные институты с мировой известностью, основанные еще в царские времена великими учеными, нобелевским лауреатами по физиологии и медицине, в провинциальном областном городе вдруг на абсолютно — это как абсолютный нуль по Кельвину температуры космоса — пустом месте создается медицинский научный институт!?

А ихние, то есть интеллигентов и работяг, бабы ручонками, ручками и ручищами всплескивали: ах! не торговый центр ведь открыли, не автосалон по торговле из Германщины пригнанных б/у-автомобилей, на худой конец даже не интим-салон открыли, а никому сейчас не нужный исследовательский институт? Чудаки какие-то, право слово, на исходе первой капиталистической пятилетки объявились.

...А потому всплыла в голове Игоря Васильевича благочестивая присказка, несколько нетолерантная в новонаступившие демократические времена, когда — опять же по пословице — алтынного вора вешают, а

полтинного чувствуют, что начала его обижать определенная непропорциональность личного жизнеустроения. Действительно, высокие научные степени и звания наличествуют. Должность по современным, то есть братковским, понятиям почти равнозначная бригадир району авторитета со специализацией по проведению стрелок. Опять же в научном мире не только бывшей 1/6 части света, но и некоторого забугорья известен. А вот деньги к рукам, как при генсеках, так и сейчас при президенте, пока что первым в самостийной России, хронически не липнут. Наверное, кожа на ладони суховата.

Само собой разумеется, Игорь Васильевич, прожив от рождения до сорока с небольшим гаком лет при советской власти, к деньгам относился почти что равнодушно. Действительно, если логически помыслить, то для типичного жителя и труженика советской страны денежная составляющая его содержания в чем-то походила на выдаваемые государством не очень большие, но вполне достаточные суммы на карманные расходы. Скородумов даже мысленно посмеялся: это как у советского солдата срочной службы. На всем готовом от едова до обмундирования и казарменного проживания, плюс по субботам кино крутят в клубе воинской части. Опять же баня, стрижка «под Котовского», нулевка то есть, и все прочее до ядреной сапожной смазки на тюленьем жире — совершенно задарма. А раз в месяц — получи и распишись в ведомости за три рубля восемьдесят копеек: можешь в военторговской лавочке в части полкило глазурированных пряников-жамок купить, а в увольнительной мороженым побаловаться и на дневной сеанс за двугривенный новый фильм в гражданском кинотеатре посмотреть. Здоровая жизнь! Истинно, армия всех людьми делала: сообразительными, находчивым и физически крепкими.

Так и на гражданке схожее: все на счет родного

государства, от медицины и любого, самого высшего образования, до смешных квартплат и собственно квартир — бесплатно. Главное, божеские цены на все магазинное от появления на свет до текущего дня жизнедеятельности ни на копейку не меняются. Как и покупательная способность малоразмерных, но таких уютных дензнаков: рыжиков, зелененьких, синеньких и более высокого достоинства с портретом Владимира Ильича*. Вот и получалось, что «небольшие, но хорошие» зарплаты советских людей в общем-то выполняли расширенно понимаемую роль «карманных». Как те самые три-восемьдесят у рядовых бойцов Советской армии.

Но — иные времена, иная роль денег.

♦ Добрый наш народ, то есть оставшиеся в урезанной от 1/6 где-то до 1/7 части земной суши стране, значит православные русские и угро-финские племена, окраинные мусульмане и буддисты, не сразу понял эту иную роль денег. Само собой разумеется, дольше всего это доходило до осознания русской интеллигенцией; не зря же упомянутый выше Владимир Ильич называл ее не совсем цензурными словами. Даже развернутыми словосочетаниями.

Где-то на последнем году второй капиталистической пятилетки недавно ставший доктором наук, профессором и заместителем директора Игорь Васильевич Скородумов утвердился в печальной, увы, истине: деньги сейчас решают все — от калорийности домашних обедов и ужинов до внебрачных шалостей с противоположным полом — причем независимо от возраста. Понятно дело, в разумных преде-

---

* Номиналы советских денег, ассигнаций и монет, были приведены Сталиным к царским, исключая грош, четвертак (25 копеек), имперал и полуимперал (15 и 7,5 рублей, соответственно). Даже в 60-е годы был введен эквивалент царскому «петруше» — купюры в 500 рублей, используемые лишь для межбанковских расчетов... — Прим. авт.

лах привлекательности: от старших школьников до молочно-восковой спелости разведенков.

«Люди гибнут за металл. Сатана там правит бал», — умеренно фальшивил Игорь Васильевич, поутру рассеянно меряя по диагонали шагами свой кабинет, досадливо размышляя в части уже ставшей привычной мысли: где взять денег на покупку нового в нынешнем быту компьютера сыну-первокурснику? И вообще, почему это он, профессор и замдиректора, должен если и не примитивно сводить концы с концами, но все же задумываться, входя в винную лавку в табельный день и по-плебейски внимательно изучая этикетки-ценники, делая вид, что он сугубый патриот и плевать хотел на бурбон-виски из Кентукки, мексиканскую текилу и коньячные бутылочки с родины этого славного напитка, что в долинах между речками Роной и Луарой... «А советские парни в рядах партизан воевали в долине Луары, — досадливо морщился бюджетный профессор от навязчивого мотива, — вот и довоевались!»

Раздосадовавшись сам на себя, Скородумов перестал мерить жилплощадь кабинета шагами, решительно взялся за ручку дверцы шкафчика, на верхней полке которого покоилась початая бутылка — снять огорчение, но здесь уже кабинетная дверь ушла вглубь предбанника, вошла его личная секретарша Леночка с утренней почтой. Поскольку недавно институт подключили к интернетовской сети, то с обычной «бумажной» почтой она положила на стол шефа несколько листов с распечаткой почты электронной, которой ведала специально приставленная к этому делу девица.

Усевшись в руководящее креслице, памятуя вошедший в отечественный обиход американский девиз «время — деньги», то есть всю важную переписку сейчас ведут «по мылу», Игорь Васильевич и начал с листов-распечаток.

О, удача! Смилоствивился Всевышний, или как это сейчас по-новорусски именуется? услышал его ненавязчивые стенания меркантильного содержания и послал соблазнительное предложение. Словом, некто Сергей Немчинов, кандидат медицинских наук, ныне на забугорных заработках в Таиланде, в Бангкоке, в медицинском Св. Карлоса «Крунг Сиам», сообщил «уважаемому профессору Скородумову, заместителю директора по науке» и пр., что хорошо знаком с его публикациями в ведущих медико-биологических и технических журналах по тематике разработки лечебной электромагнитной аппаратуры. И их центр, а попросту госпиталь, частная больница для здешних сиамских богатеньких, не хочет отставать от «новых медицинских технологий», потому и решил обзавестись такой прогрессивной аппаратурой электрического и магнитного лечения и общего оздоровления. Предложений от европейских, американских и японских фирм на этот счет предостаточно. Но он, как истинный патриот и коренной русак из Воронежа, убедил свою начальницу, управляющего директора госпиталя доктора Анчуги Йонгорникули, что америкосы, европейские колбасники и лягушатники вполне могут подсунуть по заоблачным ценам малополезную туфту. А вот русский научный институт, в котором трудится известный профессор Скородумов, намного надежнее. Опять же, учитывая нынешнее положение дел в России, и денег по минимуму запросят.

...Словом, простой воронежский хлопец Серега Немчинов настоятельно рекомендовал взаимопользное сотрудничество.

◆ Сам Игорь Васильевич не верил в медикаментозную пользу всех этих расхваливаемых во всевозможных рекламах «чудо-аппаратов электромагнитной терапии», якобы помогающих при самолечении всех заболеваний. Как порой язвительно подшучивал: от кашля и поноса до клинической смерти. Более того,

дело было не просто в вере навреде «ромашки: верю — не верю», но на этот счет у профессора Скородумова была разработана и стопроцентно подтверждена сериями экспериментов на лабораторных животных теория в части «не верю». Но многочисленные публикации в солидных российских и европейских журналах почему-то создали Игорю Васильевичу реноме именно большого сторонника электромагнитолечения, а главное, научного руководителя хотя и провинциального, но солидного центра по разработке передовой аппаратуры такого лечения. На это и клюнул Сергей Немчинов из тайландского госпиталя.

Впрочем, наш профессор скоро сообразил насчет причины такой инверсии-перевертыша: сработал эффект «читаешь книгу, а видишь фигу», а попросту говоря, серьезных ученых в нынешней медицине заменили малограмотные ловкачи, мало что соображающие, но легкие на коммерческий подъем. А что проще? — как ранее школьники в технических кружках районных домов пионеров — купить на разорившемся заводе партию списанных маломощных реле, спаять простенькую схему управления — и вот готов чудо-аппарат для магнитолечения от всех напастей! Реклама на местном радио копейки стоит, несколько работяг рукастых найти не вопрос: массовые сокращения повсюду! А для солидности дела в телерадиорекламе и в печатных правилах пользования прибором сослаться на «глубокие теоретические и экспериментальные исследования ведущих отечественных ученых, в том числе академика (повысили в звании!) И. В. Скородумова».

Опять же, напрочь отрицая вредоносную терапию электромагнитными волнами (одна сотовая связь чего стоит!), Игорь Васильевич признавал, что воздействие магнитными полями сложной структуры может приносить некоторый временный лечебный ус-

пех. Это показал еще в пятнадцатом веке ученый монах Роджер Бэкон, в три столетия спустя русский самородок, ученый-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов, что в Тульской губернии соорудил ландшафтный парк в усадьбе графа Бобринского, незаконнорожденного сына Екатерины Второй и графа Орлова, в числе прочего занимался электро- и магнитолечением. Ведь человек живет постоянно в магнитном поле Земли, значит — они для него родственны...

Понятно дело, что для получения какого-либо эффекта от магнитолечения списанными телефонными релюшками не обойтись. Требуется сложная по конструкции и расчетам лечебная система. Здесь-то Игорь Васильевич в себе не сомневался, на то он заслуженный ученый и инженерный специалист. Но все одно как-то пахло профанацией: в какие-никакие расходы заведение Анчуги Йонгорникули вводить, ведь какова пса кормля, такова его и ловля. А в обмен на потраченные доллары получит она хотя и сложный по конструкции, научно-экспериментально отработанный аппарат... но эффект-то от его использования по принципу: не навредит и то хорошо. В ином случае проще микстуру выпить, чем принимать сложные процедуры? Опять же его научное имя борца с лжемедициной может в случае чего пострадать, причем на международном уровне? А это не фунт изюма... впрочем, что-то он не слышал о разведении винограда в Таиланде.

Но победил здравый смысл, ибо сразу три карты в масть выпали. Во-первых, Немчинов почти что открытым текстом уточнил: госпиталь их преимущественно ваньку валяет, специализируясь на лечении ожирения, ибо тайские богатеи едят в три горла. А лечить ожирение, что из пустого в порожнее переливать. Не грех и заработать на глупости человеческой. Во-вторых, выяснилось, что недавно принятый им на

работу пожилой, по-местному хитроватый и мастеровитый мужичонка с характерной фамилией Рукодеев, уже имеет опыт мастерить нечто подобное: сам на дому, на коленках соорудил для лечения наследственного недуга подагры. В-третьих, супруга профессора, решившая, что она в самом деле замдиректорша, затеяла дорогостоящий квартирный ремонт. Опять же... ну это дело, как говорится, малых мужских радостей.

Заочно, через «мыло», ударили они с Сергеем Немчиновым по рукам. Супругу обрадовал скорым бакшишем, как руководитель конструкторского проекта.

◆ Поневоле хитроумный профессор Скородумов не только и не столько рассчитывал на положенную ему, как руководителю тайландского заказа, премиальную оплату, сколько на солидную экономию в материалах и отчасти работах над установкой. Здесь он в полной мере использовал пресловутый административный ресурс. Дело в том, что волею везучей судьбы в последние два-три года он стал не только первым замом директора института, но и приобрел солидный вес в местном университете, с которым институт крепко завязался через открытый в нем медицинский факультет, деканом которого стал по совместительству все тот же директор института, а также через открытие — в духе времени, то есть мухослонопревращения лихих (во всем!) девяностых — на приборном факультете сразу двух медико-технических специальностей, ввиду их новизны в традиционно пролетарском городе поначалу ставших престижными.

В силу уже сложившейся известности Скородумова в научном мире страны и должности первого заместителя директора научно-исследовательского института, Игорь Васильевич в одночасье возглавил сразу два диссертационных совета в университете —

докторский и кандидатский, слегка обременил себя нечастным чтением лекций на медико-технических специальностях, к тому же став опять двойным председателем ГЭК* на них. Понятно, что и аспирантуры по всем этим делам были сориентированы на удачливого профессора в расцвете творческих и физических (это для «малых мужских радостей») сил и устремлений.

Коль скоро так случилось, то и деловой, прагматичный народ потянулся к нему; мигом он оброс сонмом новых знакомых и почти что приятелей. Преимущественно из числа родителей, опекунов по родству, друзей и пр. аспирантов, соискателей ученых степеней, студентов-выпускников.

Идет себе, гуляюще, после трудового дня Игорь Васильевич по тротуару в центре города, где в соседстве его институт, университетские корпуса и родной дом разместились, едва успевает дружескими рукопожатиями с новыми знакомцами обмениваться. Иной же ловкач, завидев Скородумова с противоположной стороны улицы, и вовсе сиганет через нее меж панически сигнализирующих машин — чтобы почтительно, двумя руками поприветствовать «дорогого Игоря Васильевича».

Понятно, что в исторически промышленном городе в числе таких знакомых немало и заводских людей в должностях от замцеха («Замцеха наш, товарищ Сатюко, намерен в клубе так скакал...») до замдиректора.

...Именно последних имел в виду профессор Скородумов, когда просматривал сводную ведомость исходных материалов и их первичной механической обработки, составленную умельцем Рукодеевым, и

---

* ГЭК — Государственная экзаменационная комиссия, на заседаниях которой выпускники технических (в данном случае) специальностей защищают свои дипломные проекты.— Прим. авт.

ставил отметки напротив большинства пунктов, приговаривая вполголоса: «Так, так, это мы Михаилу Дорофеевичу позвоним; у них на Механическом еще не успели весь советский запас нержавеющей стали за бугор продать. Листовым гетинаксом одолжимся на Приборно-измерительном — только срочно надо делать, их ребята-чубайсята вот-вот приватизируют и обанкротят. С намоточным медным проводом загвоздка... а-а-а, ведь только что в аспирантуру к нам зачислили племянника Бориса Семеновича, что из промышленного департамента областной администрации...». И так по всем пунктам.

...Пока между уважаемым в Таиланде китайским Новым годом, что в конце января, и апрелем месяцем, когда в Бангкоке праздновали 2543-й тайский Новый год*, Рукодеев со своими хлопцами из спешно созданной лаборатории магнитотерапии объезжал на выделенном одним из новых знакомцев Скородурова грузовичке заводы и фабрики города, вывозя добротные материалы, Игорь Васильевич обговаривал «по мылу» со своим тайландским контрагентом условия договора и сроки исполнения заказа.

◆ Сергей же Немчинов торопил: желательно до пятого декабря сего года изготовить аппарат. Понятно, не к дате Сталинской конституции, но к очень почитаемому в Таиланде празднику «День Отца», когда сам король выходит к народным толпам... Дескать, налетело воронье, прослышав, что тайские больнички заинтересовались новомодной магнитотерапией. Вот на днях, проездом из Сингапура в Мадрас, заезжали в наш госпиталь инженеры фирмы из Дюссельдорфа, рекламировали, обхаживая Анчутку-директоршу, свой магнитотерапевтический аппарат в форме «матраса» размером со спальное место, с обилием вариантов индукции магнитного поля по

---

* Соответствует 2001-му году от Р.Х.— Прим. авт.

двадцати пяти программам, с музыкальным и цветовым сопровождением...

Игорь Васильевич торопил, в свою очередь, команду исполнительного хитрована, мастеровитого Рукодеева: «Трофимыч! Кровь из носу, но строго к сроку! Что от меня требовалось — абсолютно дармовые материалы, заводская их станочная обработка и все прочее — ты получил, дело только за тобой. И размер премии по итогам работ у тебя будет вторым после меня... а у меня после шефа, хм-м».

Поскольку же для тайландских заказчиков стоимость якобы приобретенных материалов и заготовительных работ составляла поболее половины договорной суммы, то Игорь Васильевич порой произвольно потирал руки: ложь во спасение — это не великий грех. Тем более, у буддистов-тайцев иные моральные заветы.

Рукодеев постарался, выдав механизм на горá досрочно — к годовщине Октября! Директор приводил сторонних гостей любоваться этим произведением медико-технического творчества: размером и внешней похожестью на паровоз братьев Черепановых, поставленный на попа. С натужным урчанием поднимались на двухметровую высоту концентрические полые цилиндры магнитных индукторов, внутри которых стоял по стойке «смирно», изображая пациента, самый осанистый работник института Егор Мальшев. Гости восторгались.

Перед самым европейским Новым годом прилетела и сама директорша Анчуги Йонгорникули. Пила в охотку десятилетний грузинский «Грэми» с руководством института, подписала договор сдачи-приемки, перечислила удвоенную (Скородумов хитро обосновал) договорную сумму. Но... недолго музыка играла. Премию Игорь Васильевич получило издевательски копеечную. Хитрован Рукодеев так подсуетился, что вся сумма договора была поделена

между ним, директором и начальницей плановой службы.

Более того, поскольку Скородумов «мелким шрифтом» вписал в договор статью о доставке продукции за счет заказчика, то в итоге тайцы от устройства отказались: стоимость доставки «паровоза» вокруг полусвета по железной дороге и по морю, а тем более специально зафрахтованным транспортным самолетом, значительно превышала стоимость самой установки. И здесь козырял прохиндей Рукодеев: изделие передали в областную больницу, а Рукодеева взяли туда на полную ставку для обслуживания аппарата... и лечения многочисленных родственников с подагрой.

ВЕРИТЬ СТУДЕНТУ ЧТО КРЕСТИТЬСЯ НА ПОЖАРНУЮ КАЛАНЧУ

◆ Когда во время традиционной пятничной, уик-эндской по современной терминологии, встречи давних друзей, профессора Скородумова, доцента-ракетчика Николая Андреевича и писателя Бурцева, в заведении с «подачей» «Наливай-ка» первый поведал о давней истории, когда его, замдиректора научно-исследовательского института, развели как ребенка его же сослуживцы, не заплатив за им же «выбитый» контракт, то собеседники посочувствовали. Но по-разному словесно и физиономически.

Скептик, как все причастные к литературному творчеству, Андрей Матвеевич скучно поморщился, добавив, что все в том корыте полоскались. Где деньги, там и морали со всякой нравственностью капут. Независимо, как говорится, от возраста, образования-воспитания и, тем более, пола. Женский же сто очков вперед мужскому даст. Но вот Николай Андреевич сомнение на одухотворенном лице изо-

бразил. Как проработавший почти сорок лет на оборонном предприятии, там же защитивший диссертацию по флаттеру, то есть дрожанию в полете несущих поверхностей крылатых ракет, он относительно недавно перешел на послепенсионную работу — доцентом на кафедре ракетостроения военно-технического факультета местного университета. Поэтому с интересом и старанием неопита вникал в психологию современного студенчества. Вообще говоря, мало отличающуюся от «гаудеамус игитур» поры его учения; кстати, все на том же факультете.

— Нет, друзья мои высокоученые и литературно одаренные, — поочередно кивнул он головой в сторону профессора и писателя Бурцева, — есть исключения из этих, как определил с римской прямоотой Андрей Матвеевич, всех полов и возрастов. Это наше славное студенчество. Впрочем, с традицией, идущей от средневековых буршей. Все вы сами в свое время поучаствовали в этом славном сословии и не будете отрицать: студент полагает прошедший день пропащим, если он хотя бы в мелочи не обманул препода. Извиняюсь, как слышишь со всех сторон, так и сам говорить начинаешь...

— Что же ты хотел, Андреяныч, — с обычным скепсисом вступился Андрей Матвеевич, — юность, горячая кровь пробудившегося сексуального разгона, чувство необузданной свободы после школьной и родительской дисциплинарной узды, словом, свобода плевать хоть на носок своего ботинка, а если в голову придет, то и в потолок метить!

— Так-то оно и так, литературный вы наш, — вступил в разговор профессор Скородумов, но здесь следует, вообще говоря, исходить из того, что человек в своей жизни, где-то до середины четвертого десятка, с немислимым ускорением повторяет весь путь биоэволюции на Земле. В утробе матери за девять месяцев он проходит путь в три миллиарда

лет — от первых клеток до млекопитающих. В первые годы жизни масштабируется история первобытного человека, а далее идут стремительные повторы пещерных времен, родоплеменного бытия человека и так далее. Вот, допустим, неизбежное детское воровство, причем не из корысти, а вроде как по инерции — откуда оно? Да это он ускоренно «проходит» этап еще обезьяноподобного существа, предгоминида, еще не ставшего социальным мыслящим животным. Потому и воровал у других таких же все что ни попадя. «Человек человеку волк», — как сказал философ Гоббс... правда, по другому поводу.

— Все верно, — обрадовался Бурцев, — еще Лев Толстой сказал, что от пятилетнего ребенка до меня, взрослого, всего один шаг, а от зародыша до младенца целая вечность. А вот пора студенчества, уважаемый профессор, чему древнему соответствует?

— А соответствует наш студиозус, кстати, тогда он и зародился, европейскому Средневековью десятого-пятнадцатого веков, когда господствовала эпоха вольных городов и сельских общин, а статус государства, в нынешнем его понимании, еще только обсуждался философами и отцами церкви. То есть человек уже стал полным субъектом социума, но его еще не связала по рукам и ногам кандалная государственная дисциплина. Что-то в этом роде, друзья. А что, Николай Андреевич, что-то выдающееся из своего студенческого далека вспомнил, а? Кого-нибудь объегорил, ха-ха-ха, или тебя кинули на деньги?

— Скорее последнее. Небольшие, но для студента и алтын как золотой червонец.

◆ Старшекурсник, то есть недавно переваливший за третий год учебы на военно-техническом (официально, миролюбиво именовавшемся несколько странно и запутанно) факультете местного политеха, Николай вышел после занятий из своего «пентаго-

на», как называл их корпус весь город, в ранний, свинцово-сумрачный декабрьский вечер. Под каким-то малозначительным предлогом отказавшись «вдарить по пивку» в парковой стекляшке-распивочной, он, тем не менее, не пошел на троллейбусную остановку, чтобы, спустившись вниз по проспекту, пересесть на третий номер автобуса, который довез бы его в Косолучье, заводскую окраину города, в родной дом. А перешел на близком перекрестке на другую сторону проспекта и уже через десяток минут неторопливой ходьбы — не суетливый же первокурсник! — был на вожденном месте, в единственном в городе магазине «Охота». Он же и с отделом рыболовных причиндалов.

Причина же, по которой Николай в последние месяцы регулярно, не реже раза в неделю, заходил сюда, была проста, но пока что недоступна: появившееся в продаже многозарядное ружье двенадцатого калибра. Последний писк охотничьей моды. Хотя и дробовое или под картечь, но смотрелось не хуже тех автоматических боевых винтовок, которыми солдаты удачи щеголяли в иностранных фильмах, что изредка попадали на советский экран. Чуть ли не доисторическим кремнёвым ружьишкой смотрелась по сравнению с ним ижевская двустволка шестнадцатого калибра, что была привезена с другой домашней утварью, когда три с половиной года назад их семейство переселилось из мурманского Заполярья в этот среднерусский город. Именно с этой ижевской Николай, тогда просто Колька, с восьмилетнего возраста на маленьких островах проживания их маячной семьи охотился на куликов и другую птицу, которой очень богата первозданная, дикая природа тех малоллюдных мест... не считая «точек» базирования Северного флота СССР, разбросанных там и сям зенитных батарей и ракетных установок.

Понятно, что после той привольной охоты и оби-

лия пернатой дичи (вот бегающего зверья там, увы, нет), в здешних местах, где охота скорее любительство, а не промысел, Николая и пряником медовым не заставишь прогуляться с ружьишком на плече по лесу или заболотью. Но подержать в руках, тем более полюбоваться *собственной* многозарядной, вишащей в твоей комнатке собственного дома с земельным участком на настенном коврике над столом, где Николай вычерчивает курсовые работы и проекты — что может быть сладостнее охотнику с младшеклассных лет... хотя бы и в ушедшем северном прошлом.

И так запало в душу, в голову, в сердце страстное желание заиметь это роскошное ружье, что после окончания занятий так и тянуло в охотничий магазинчик полюбоваться им, в то же время беспредельно огорчаясь проставленной на этикетке цене: *320 руб.* Сумма немислимая. И хотя, в отличие от всех других факультетов, студентам «пентагона» к стипендии в тридцать пять рэ минобороны добавляло червонец (и еще лишний год учебы, итого шест лет), стоимость вожденного ружья далеко не укладывалась в полугодовую сумму. Не говоря уже о том, что стипендия шла в семейный кошт, а ему оставался лишь минобороновский червонец: на сигареты, проезд, институтский буфет; что-то оставалось на пиво.

◆ Но наступивший новый, в смысле не праздник, а очередной от рождества Христова год неожиданно подвинул Николая от беспочвенных мечтаний к практической реальности. Толчок дал дар судьбы: найденный четвертак в книге, взятой в областной библиотеке, в которую он, как с детства книгочей, не менее раза в месяц заходил. Благо по пути домой из института, как раз на пересадке из троллейбуса на автобус.

Обнаружив во взятом в библиотеке томе Эдгара По кредитку, явно наспех — даже не обратил внимания на штемпель — значенную отцом семейства,

он долго и внимательно всматривался в непроницаемое лицо Основоположника. Усмехнулся; господь бог тоже не лишен чувства юмора, если решил дать обнадеживающий знак во исполнение мечты бумажкой с портретом воинствующего безбожника.

Николай вынул из нижнего ящика стола конверт с самым большим своим сокровищем, оно же неприкосновенный запас — тоже кредиткой с вождем, но только сторублевого достоинства: память о стройотрядовской, хотя всего лишь месячной, работе в совхозе, по строительной части. Дело было после второго курса. Он тогда приделся почти щегольски, а сотенную положил буквально «в долгий ящик», словно предвидя за два года вперед.

Лиха беда начало, а дальше все пошло как по маслу. Зимнюю сессию он второй раз сдал на одни пятерки. Значит, полгода стипендия будет повышенной на двадцать пять процентов, то есть к лету набегит под семьдесят рубликов, что он утаит от домашних. И совесть не будет мучить, ведь «верхние» берет, а не от основных отрывает...

Дальше — больше. На зимние каникулы мать уговорила его съездить к ее архангельскому брату Михайле, что с семейством проживал на станции Плесецк; мол, отдохнешь там с неделку, помотришь как в наших краях живут. Жил дядька Михайла с семейством хорошо, в добротном полутораэтажном доме, с участком, с хозяйственными постройками на нем. Действительно, хорошо отдохнул в северном краю, свое Заполярье вспомнил, попарился в баньке по-архангельски под одной крышей с домом, обедал с дядькой со «старкой», которой Михайла купил сразу ящик. Главное, восстановил живую связь между семейными ветвями. Правда, двоюродную сестру Светлану не повидал. Трудилась она вольнонаемным инженером на Плесецком космодроме «Мирный», что в полуста километрах, отлучиться

со службы не смогла. Провожая племянника на станции — в обратный путь, дядька на расстанях сунул ему в карман тоже... с Лениным, но уже пятидесятирублевую. «Студенту, Николка, лишние деньги всегда сгодятся!»

Итак, к июню месяцу две с половиной сотни рублевиков считай в кармане. Осталось добрать еще семьдесят и — ружье вождеденное достойно украсит стену его комнатки. И даже не семьдесят, всего лишь полусотенку: двадцатку как-нибудь на «завтраках» и пивке сэкономит. Но где взять этот бумажный полтинник?

Эврика! Опять масть выпала, только козыряй! Ведь именно на начавшийся весенний семестр приходилась даже не рядовая курсовая работа, но именно курсовой проект и как раз по самой математизированной дисциплине, которую преподавал великий и ужасный профессор Мамонов, он же и создатель этой научной отрасли, специалист не только с всесоюзной — в своих кругах конечно — известностью, но хорошо знаемый и за рубежом.

Время тогда было простое; об интернете, где можно найти любой курсач, даже постояльцы сумасшедших домов не помышляли. Более того, Лев Георгиевич относился к созданной им дисциплине как к родному дитяти, охранял ее от дурного глаза, потому специального учебника по ней не издавал. К экзаменам бедные студенты готовились по конспектам, а темы курсовых проектов профессор никогда не повторял, все новые давал. А Николаева эврика относилась к Гришке Неупокоеву, однокурснику и одногруппнику. Был тот спортсменом-баскетболистом одновременно высокого класса и роста под два метра. Спортсменов тогда в вузах ценили, им благоволили, но это не относилось к профессору Мамонову. А когда Гришке ходить на лекции, тем более корпеть над мудреными курсовиками, если сборы за сборами

длительностью в пару недель, в различных городах, следовали? Его бы с радостью взяли на любой другой факультет, что полегче намного, без особой математики и физики, где бы ему за глаза ставили высокие баллы, лишь бы прославлял на спортивной арене родной институт. Но... все упиралось в его отца, известного конструктора-оружейника, который вбил себе в голову железобетонную мысль вырастить из единственного сына своего преемника, который со временем если не золотую звезду, как отец, но серьезный трудовой орден заслужит. Родители — они всегда наивные в делах, касающихся их детей.

◆ Еще в прошлом, осеннем семестре Лев Георгиевич, в общении со студентами строгий на зачетах и экзаменах, но свойски добродушный на лекциях, объяснял потоку из нескольких групп причину его отсутствия в конце сентября — начала октября. Меня, мол, ребята, пригласили в Сочи поучаствовать в торжествах на юбилее нашего выдающегося ученого в области теории машин и механизмов, анализа сложных многосвязных механических систем, а также классификации пространственных механизмов, академика Ивана Ивановича Артоболевского. Он как раз в тамошнем курорте, подведомственном Академии наук, отдыхал.

Вынув из кожаной папки с серебряной монограммой (уже к своему юбилею) и развернув типографски отпечатанную раскладушку, Момонов зачитал пункт за пунктом расписание недельных юбилейных торжеств по самому высокому разряду. Студенты с немим восторгом, облизывая вмиг пересохшие губы, а девицы мысленно прикидывая стоимость роскошного гостевания, слушали названия гостиниц, ресторанов, цеховских и академических санаториев, где участников юбилейных торжеств поджидали обильно сервированные столы на полсотни персон, обслуживаемые вышколенными официантами. Сам

любящий плотно закусить, высокий ценитель русской и кавказской кухни с добротной дегустацией массандровских ликерных* вин и выдержанного армянского, впрочем и грузинского, коньяка, профессор Мамонов и сам поддался чувственности воспоминаний о недавних торжествах. С толковой основательностью перечислял меню обедов и ужинов, рыбный и мясной сортамент, изобилие закусок, включая черную икорку: паюсную, конторскую, пробойную, зернистую... «Ой, девочки, меня сейчас стошнит», — донесся до Николая шепот Катьки Сазоновой, толстушки, бес­сменно сидевшей на новомодных японских и амери­канских диетах.

В будние, то есть учебные дни Лев Георгиевич обедал в ресторане «Юность», что почти напротив «пентагона» через проспект. В студенческой среде «Юность» иначе как седьмым корпусом, в добавле­ние к шести учебным, политеха не называли. Как раз с обедами Мамонова в этом ресторане связывали добавление к проектируемым в городе подземным переходам такового под проспектом напротив «пента­гона». Иным нельзя было объяснить планируемое дорогостоящее строительство в месте, где людских потоков не наблюдается, а в сотне метров перекре­сток с семафором.

Итак, в похожий майский день профессор Мамонов, мужчина крупный, осанистый, шел обедать в «Юность». Ввиду тогдашней редкости личного авто­транспорта и запрета движения по проспекту грузо­вого, Лев Георгиевич, человек по жизни простой, как обычно, проманкировал близким перекрестком и пошел напрямую. Здесь то ли робкий «Запорожец»

---

* Всеевропейскую известность эти вина получили с конца XIX века; они изготавливались из винограда, кисти которого после созревания перекручивались, сок в ягодах стучался. В упрощенном виде эта технология использовалась в советские время. Сейчас — увы... — Прим. авт.

на малой скорости толкнул профессора, а может и сам Мамонов налетел своей крупной фигурой на зеленую машинку-черепашку самой первой модели? Народ разное говорил. Во всяком случае, когда Лев Георгиевич через неделю вышел из больницы, куда его доставили с небольшой травмой, и прямо оттуда отправился в «пентагон» читать лекцию — по расписанию, то малолитражка все еще ремонтировалась...

Поскольку в городе имя профессора, наряду с оружейным конструктором Гусаковым, тогда еще не академиком, было на слуху, то в обкоме и горисполкоме возмутились: разве можно рисковать здоровьем таких людей? И постановили: внести в планы постройку подземного перехода напротив «пентагона».

...Вот с таким-то матерым человечиком судьба свела Гришку Неупокоева.

♦ Вообще-то на первых двух курсах Гришку выручал сдружившийся с ним круглый отличник Серега Лянь. Тот был во многом непонятным уникалом со странной судьбой: жил он с русской матерью, по отцу же китаец. Но родился он и даже в школу начал ходить... на Тайване. Как он в эпоху холодной войны оказался в Союзе? — сам Серега отвечал путано. Его-то конспектами Гришка и пользовался по всем предметам. И несложные на младших курсах индивидуальные задания Лянь по дружбе делал Гришке. Но затем кто-то перед самой сессией украл у Ляня его конспект, и тот, осерчав, стал записывать лекции китайскими иероглифами. И с Гришкой они рассорились основательно: из-за девицы. Такие конфликты ставят окончательный нуль на взаимоотношениях.

Николай, человек добрый и сочувствующий, пару раз выручал Гришку конспектами, но от оплачиваемых курсовиков отказывался; щепетильность не позволяла. Но сейчас, когда до исполнения мечты не хватало пятидесяти рублей, он, внутренне морщась,

сам обратился к Гришке с предложением сделать ему курсовой проект по предмету Мамонова. Тот пришел в полный восторг, даже и не обсуждая названную сумму оплаты.

Надо отметить, что Николай вовсе не простаком оказался, а прежде разговора о сделке поинтересовался доставшейся спортсмену темой проекта. И только убедившись, что она почти двоюродная сестра теме его собственного задания, сделал коммерческое предложение Гришке.

Человек полагает, а бог располагает. Как он, вседержатель надмирный, подтолкнул Николая к осуществлению его мечты подброшенным в библиотечной книге четвертаком, так он же и не дал ей завершиться в июне месяце.

Держа в уме приближающуюся весеннюю сессию, Николай параллельно творил два курсовика, особо не задаваясь вопросом: отчего это Гришки давно на занятиях не наблюдается? Даже позавидовал: небось на месячные сборы в южные края укатил! Как школьно-хрестоматийный ударник первых сталинских пятилеток, те же Стаханов, сестры* Виноградовы и кузнец Никита Кривонос, еще за месяц до начала сессии Николай завершил оба курсовых проекта и, торопясь уложить в заветный конверт пятидесятирублевую кредитку, все же поинтересовался: а куда это Гришка запропастился? Собеседники в голос рассмеялись. Нечто не знаешь, что Григспортсмен сделал всем нам ручкой и отбыл в столицу: с радостью взяли его в Баумановку на такую же специальность. Спортсменов там еще пуще уважают и как раз формируют баскетбольную команду высшей лиги. «Так что, Никола, теперь Гришке без надобности Лянь и все остальные доброты... и ты,

---

* На самом деле они не были сестрами — всего лишь однофамильцы. — Прим. авт.

конечно, со своим курсовиком!» Сделка Николая с Гришкой давно уже стала тайной полишинеля.

...Только к концу лета Николай набрал нужную сумму. Но здесь в телерадионовостях и в газетах начали нагнетать кампанию по устрожению правил с охотничьим оружием. А когда опубликовали проект закона об обязательной регистрации такового, периодических проверках и хранении ружей в специальных железных сейфах, у Николая, как нонконформиста по натуре, возникло стойкое отвращение к прежней мечте.

Упрятав в нижнем ящике стола все ту же заветную сторублевку, выдав матери на хозяйство такую же, на остаток подновил свой гардероб. В том числе на покупку только что появившихся в обувных магазинах всей страны тупоносых голландских туфель — бартерная расплата гнивающего Запада за нефть и газ.

КАК МИНИСТР ЗА ЯСНОПОЛЯНСКОГО МУДРЕЦА ЗАСТУПИЛСЯ

◆ Возвратившись к позднему ужину домой, писатель Бурцев все продолжал размышлять, как принято было говорить в Литинституте в давние годы учебы в нем, «на заданную тему». Тему же эту — воспоминания о крахе «деловой» активности людей советского воспитания — они только что обсуждали на традиционном пятничном междуособойчике в питейном заведении «Наливай-ка!». Профессор Скородумов обижался на алчных сотрудников, когда был замдиректора исследовательского института. Доцент же Николай Андреевич на своем примере потерпевшего доказал историческую преемственность студентов в части: обмануть, что стакан воды выпить.

...Да-а, други мои закадычные, все-то вы о мате-

риально упущенном сожалеете. Хотя бы оба в доску и советские, старинчатого закала бескорыстные люди. Сразу видно адептов науки и образования, а ранее и вовсе на инженерной службе в военпроме состоявшие. Хорошие мужики, но и им сложно понять: самая большая обида вовсе не недоданные дензнаки, не объегоривший тебя на «бумажный полтинник» студент-однорупник, но когда тебе в творческую душу плюнут и разотрут! И когда я скину с души своей ту обиду? Вроде год-другой-третий и не вспоминаешь, а как понадобится по делу писательскому какая-нибудь бумажка со стародавними записями, что всплыла а памяти, начнешь в ее поисках ревизию ящиков стола своего письменного проводить и... вот она злосчастная как нарочно на глаза попадается! — порыжелая папочка тонкого картона. А как раскроешь ее — грусть-тоска накатывается на душу. В папке же той верстка его статьи — полтора десятка страниц и отдельно неформатная бумажка, на которой оттиснуты четыре материала — все что ненаборное, не шрифтовое для книги: название книги с годом ее издания 1988 — на обложку, портрет Льва Толстого в фигурно-звездчатой рамочке — это на фронтиспис, подпись Льва Николаевича — тоже на него, и единственная на трехсотстраничный сборник-ежегодник иллюстрация с названием вверху: «Хронологическая таблица творческих периодов ЛЬВА ТОЛСТОГО». Это как раз к его статье.

Всякий раз, как досадливая папочка попадалась ему в руки, сложная смесь неудовольствия и ностальгической теплоты посещала Андрея Матвеевича. На сегодняшний день уже юбилей исполнился этой папочке с версткой: три с половиной десятка лет. Чего только за эти годы не прошло, не случилось? И страна с другим наименованием, поуменьшенная в размерах, и гимн с иными словами, и сам Бурцев уже не начинающий писатель, но главный редактор

литературного журнала «Срединная Россия»... И сама верстка и листок с иллюстрациями иной, докомпьютерной полиграфии: текстовка наборная, а иллюстрации — цинкография. Бумага тоже рыхловатая: от «потребительского» качества и от времени.

Всякий раз, внимательно перечитав ту давнюю литературоведческую статью, так и не увидевшую свет в том далеком, предпоследнем по сути году советской жизни, Андрей Матвеевич расслаблялся душой, оттаивал сердцем и нервами от первого, раздраженного напоминания о литературной его неудаче... Но разве неудачи? А не хотите ли, господа товарищи, правильнее назвать этот конфуз: поучительный пинок ниже пояса сравнительно молодому литератору, хотя бы с дипломом Литинститута, в прошлом году издавшему первую свою книжку, по существу содержание выпускной работы, но еще без сколь-либо озвученного «имени», вознамерившему опубликоваться во всесоюзном ежегоднике, посвященном изучению творчества гения русской и мировой литературы... он же «зеркало русской революции».

И совсем добрел душою и телом Андрей Матвеевич, вспоминая слова своего литинститутского наставника Бориса Михайловича Зубавина, писателя послевоенного поколения, первого главреда возобновленного «Нашего современника», в творческом семинаре которого он состоял все шесть лет учебы: «Помните, друзья мои, персидские ковры перед вами не будут расстилать на пути в большую литературу. А если и будут в нее подгонять, то только пинками по самолюбию! Относитесь же к этому спокойно, а иной раз не грех и поблагодарить: как царь Петр шведов!»

◆ А началось все тогда, на закате родной советской власти, проданной ни за понюшку табака Мишкой Меченым, с радости истинного библиофила, книголюба по-русски. И именно: зашел Андрей по-

сле работы в единственный в городе, а значит и во всей области, букинистический магазин, свойски поздоровался с почтенной, седовласой Натальей Кузьминичной — матерью-настоятельницей для всех книголюбов и книжных же торгашей-перекупщиков. Истинных почитателей книжных редкостей она уважала, тем более постоянных, как молодой литератор Андрей Бурцев. Зная его вкус, указала на стеллажные полки в дальнем углу, на которых она же выставляла книги старых изданий: от прошлого века до советских довоенных: «Вчера парень две связки сдал. Литература вроде как по философии с психологией. Видно от дедова наследства избавляется. Половину уже активно разобрали... посмотрите, может и вам что приглянется».

Да-а, собратья по интеллектуальному увлечению за два дня основательно проредили дедово наследие. Даже по остаткам было видно, что сданные внучком книги «выдернуты» из хорошо подобранной, не менее чем двумя поколениями конца девятнадцатого — середины двадцатого веков, библиотеки, преимущественно по естественным и медико-биологическим наукам. Понятно, что в полном собрании имелась и обширная художественная литература, но видно в этой части внучка одернули: третье десятилетие в стране книжный бум. А тут и вовсе старинные книги в изящных переплетах — есть чем перед гостями похвалиться!

В брючном кармане похрустывала новенькая, не мятая еще десятирублевка, главное, совершенно свободная от иных предназначений. Есть чем разгуляться! Даже из прореженных остатков Андрей выбрал суммой на червонец три стоящих книжки: добротню переплетенный, с тиснением названия номер журнала «Вопросы философии и психологии» года начала века; несколько позже изданный томик из собрания сочинений Георга Брандера, но уже в изящном фаб-

ричном переплете издательства «Просвещение», посвященной литературному творчеству лорда Биконсфильда, то есть премьер-министра Англии Дизраэли... и, добавив к красненькой кредитке рублевую монету с мелочью — бог троицу любит! — совершенно растрепанную, беспереpletную книжку, заинтересовавшую его словом «эвропатология» в названии, изданную в тридцатых годах в Свердловске.

Всю недолгую пешую дорогу до дома это новое для него слово вертелось в голове. Явно составное: *эвро* — одного корня с *эврикой*, то есть означающее открытие, изобретение, что-то новое, ранее не известное; *патология*, понятно дело, неполадки с организмом человека. А раз оно идет в сочетании с *эвро*, то, скорее всего, речь идет о патологии головы, то есть мышления. Усмехнулся Андрей, даже слегка пожалел истраченные на растрепанную книжку два с половиной: мало ли чего могли в тридцатые годы в Свердловске научно-вольнoлюбиво сочинить? Тем более, что в выходных данных стояло: «Издание автора»...

◆ Как серьезный библиофил, сдержав любопытство, Андрей, на дому освоивший переплетное дело, в тот же вечер привел книгу в порядок: выровнял двухсотстраничную стопку листов, пользуясь ручным переплетным прессом, что калужская фабрика «Физприбор» изготавливала для детского технического творчества, и резакoм из того же комплекта обрезал по всем четырем краям. Перекурив, продолжил увлекательное занятие переплетчика.

...К началу вечерней телепрограммы новостей, которую вся страна, измученная горбачевским суходробительным законом, истово и массово смотрела в надежде услышать что-либо о ликерно-водочном послаблении, работа была сделана. С тихой горделивостью мастер смотрел на дело рук своих: новенькая книжка удобного карманного формата в тонкокар-

тонной обложке с наклеенным на нее титульным листом. И запах волнующий: древний аромат заварного крема от лежалой бумаги гармонично разбавлен островатым душиком бумажного клея ПВА ереванской фабрики бытовой химии.

Посмотрев теленовости, в которых на фоне словоблудия о консенсусе и перестроечном мышлении ни на промилле не говорилось об ослаблении спиртового ярма, литератор Бурцев хотел было устроиться на диване со свежим номером «Литературной газеты», но все же еще раз решил полюбоваться освеженной им букинистической книжкой с занимательным названием «*Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)*». Оказалось, что это номер журнала с таким названием, датированный 1930-м годом издания, причем целиком посвященный той самой европатологии личности и творчества Льва Толстого. И здесь же в памяти всплыло имя издателя журнала и автора исследования о Толстом — Сегалина, оказывается, уже ему знакомое. Как же! еще учась на последнем курсе пединститута, купил в книжном магазине на Майской улице книжку «Записки вятского книголюба», в которой автор в живой, рассказовой форме вспоминал о личных встречах со сколь-либо заметными литераторами тех мест, что принято называть «между Волгой и Уралом», в смысле Уральскими горами, не рекой Урал.

Уже через пару минут эта книга, извлеченная из второго ряда книжного шкафа, была в его руках. Отклонив предложение супруги прогуляться перед сном по замечательной раннеиюньской вечерней погоде, взволнованный Андрей залистал страницы и скоро отыскал главку о последнем частном издателе Свердловска, известном не только в своих краях враче-психиатре и литературном публицисте на психолого-философские темы. Из книги вятского библиофила, лично знавшего Сегалина, следовало, что

изобретенная психиатром, а также издателем, литератором и художником наука *эвропатология* понимала творчество как своего рода патологию, но не в ругательном и не в медицинском смысле, а как своего рода верховенство таланта, отличительного от способностей усредненной массы.

А сам журнал, издаваемый Сегалиным на свои кровные — тираж в тысячу экземпляров не покрывал расходы по изданию — в уральской глубинке, пользовался большой известностью в стране и даже в европейских странах. Особенно хвалил журнал и лично Сегалина Максим Горький, прочитав статью автора под названием... «Суицидомания в творчестве А. М. Горького» (и сам Горький в молодости стрелялся!). Ромен Роллан слал в Свердловск похвальные отзывы. Тем более все ведущие психиатры Советского Союза — Ганнушкин, Россолимо, даже Бехтерев — высоко ценили новацию свердловского коллеги.

Но — хорошего в меру. Наступали тридцатые годы, а с ними и система доносов по принципу «все против всех» (калька со слов философа Гоббса: «Человек человеку волк»); как сам Сталин сказал, что не он же эти три миллиона доносов написал? Словом, в тридцатом году журнал Сегалина прикрыли. Номер же о Толстом, попавший в рачительные руки Бурцева, как раз и оказался последним.

Надо ли пояснять: чтобы не беспокоить домашних, наш литератор со свежепереплетенной книжкой ушел на кухню, заварил крепкий чай и до трех ночи читал.

◆ После издания первой и пока единственной книги в местном издательстве, Андрей Бурцев сдружился с тамошними редакторами, как на подбор молодыми людьми его возраста, один из которых также был выпускником Литинститута. Приятельство закрепилось трехдневной обмывкой этой книги — в

июньскую распогодь на даче одного из них; накануне Андрей вышел из бухгалтерии издательства с двумя пачками кредиток в карманах пиджака. Впервые в жизни он *располагал* такой суммой.

...После прочтения номера журнала Сегалина, посвященного творчеству Льва Толстого, Бурцеву припомнилось, что издательство выпускает ежегодные сборники, также ориентированные на великого писателя — по причине близости к их городу всемирно известной графской усадьбы. А на его вопрос о статусе этого издания, редактор Филимонов пояснил: хотя ежегодник «числится» за вроде как провинциальным издательством, но твердо и изначально держит всесоюзную марку. «Понимаешь, старина, редакционный совет сплошь из ведущих столичных литературоведов-«толстовцев». Они же, так сказать, и идеологию, конечно, нашу советскую, хм-м, издания направляют. Но все очередные сборники формируем мы из присылаемых со всей страны материалов, редактируем по мере нашего скудоумия; всю полиграфическую работу от набора до вычитки гранок и печатания тиража выполняет наше издательство. А что, у тебя есть предложение? Так давай не мешкай. Со стороны в ежегодник сложно попасть, не имея литературоведческого «имени», но и мы здесь люди не последние. Еще время есть до формирования выпуска на восемьдесят восьмой год, так что держай! Как говорится, с тебя, Андрюха, бутылка пятизвездочного после выхода тиража. Но не обидимся, если заменишь ее двумя «Столичной», ха-ха-ха».

Не из простого панибратства Толик Филимонов сватал Бурцева в толстовский ежегодник, а убедился в его способности к литературной критике и публицистике, поскольку еще ранее «для прокорма» давал для официального рецензирования рукописи, в смысле машинописные наборы, пары книг — рук местных «толстовведов». Обе книги были изданы, а на

обороте их титульных листов значилось: «Рецензент А. М. Бурцев». Приятно радовали и гонорары за рецензии: каждый почти под сотенку...

Опять же Андрей и сам не лыком шит. Все его контрольные работы, как в Литинституте именовались курсовики, неизменно получали отличные оценки с устной похвалой даже таких суровых преподавателей, как ведущий у них курс критики Владимир Гусев. Многоопытный же декан заочного отделения Таран-Зайченко и вовсе пару раз рекомендовал Бурцеву перейти в семинар литературоведения и критики. Словом, Андрей сделал отмашку и обещал Филимонову, как ответственному редактору ежегодника, быть-стать со статьей к положенному сроку.

Работал он с восторгом, объяснимым высоким рангом издания и увлекшей его темой: хронология творческих периодов Толстого в свете учения свердловского мудреца об европатологии. За основу взял введенные Сегалиным понятия европозитивных периодов, то есть годов творческих всплесков, и, соответственно, времен определенной неудовлетворенности Толстым им написанного. Как ему казалось, сам он очень плодотворно объединил учение об европатологии с концепцией о периодах личностных сдвигов. О последней он прочитал в психологической серии «Вестника» МГУ и заочно, перепиской, познакомился с ее автором, профессором Братусем.

...Словесное описание Андрей иллюстрировал той самой хронологической таблицей творческих периодов Льва Николаевича, что, отпечатанная в единственном экземпляре, а также типографская верстка солидной по объему статьи, увы, и остались единственным напоминанием о несостоявшейся публикации.

♦ По заведенному в издательстве обычаю, Бурцев в назначенный срок вошел в кабинетик к Филимонову с джентльменским набором: лично им самим

отпечатанная на машинке статья с начерченной от руки таблицей-рисунком — в папке, а в брючном оттопыренном кармане — бутылка «Экстры» московского рóзлива. Не стоит и напоминать, что на всесоюзном дворе стоял восемьдесят седьмой год — самое ожесточение эпохи «алкогольного Меченого», поэтому водка была «талонной», выстоянная в двухчасовой — и то повезло! — очереди в специализированном магазине на углу Гоголевской и Свободы. По раннеосеннему времени одет он был в распахнутую куртку, что маскировала газетные свертки с закуской в ее боковых карманах.

Пока гость готовил бутерброды с колбасой и сыром и ходил в санузел мыть засаленные граненые стаканы, удивительно трезвый (дело было в утренний час) Филимонов редакторским скорочтением ознакомился со статьей, которую и одобрил после первой — отвалной по терминологии старинных ящичков. Под вторую — разгонную: «Ну что, Матвейч, набьем баки столичным литературоведам, что кормятся именем Толстого!» — И Филимонов положил статью Бурцева в уже заметно потолстевшую рыжую папку с небрежной надписью фломастером: «Толст. сб. 1988».

Исчерпав принесенное Бурцевым и детальные ящичковые поименования, Филимонов, прощаясь с визитером, пояснил дальнейшую диспозицию: «Где-то к концу года столичный редакционный совет утвердит содержание книги, к марту следующего года будет готова верстка, далее авторам вышлют, тебе я из рук в руки передам, для авторской же правки и — в печать! Ориентируйся на верстку: из нее уже стопроцентно не вылетишь. По опыту говорю. Опять же слишком хлопотно и дорого будет доверстывать. Дерзай и жди!»

...Високосный год только титулованных спортсменов радует олимпийским почетом, а также ро-

дившихся в Касьянов день*, у которых именины раз в четыре года случаются. Для всех же остальных он обычно огорчителен. Таким явился и восемьдесят восьмой год для молодого литератора Бурцева. С нетерпением ожидал он марта месяца, даже чувственно обонял свежайший запах типографской краски и представлял, как он новенькой шариковой ручкой с пастой черного цвета взволнованно водит по строкам, порой задумываясь: а может сомнительная запятая вкралась в сложносочиненное предложение? И когда в промежутке между условно мужским и чисто женским праздниками услышал из телефонной трубки характерный, с легкой хрипотцой голос редактора Филимонова, то радостный, счастливый, почти что сладострастный комок ощутило дважды прокатился от макушки головы до пяток. «Зайди за версткой»,— кратко сообщил Филимонов... но как-то неопределенно хмыкнул. Насторожило и не последовавшее напоминание о бакшише в стеклянной таре.

А в издательстве несколько напряженный Анатолий Михайлович вручил Бурцеву полиэтиленовую папочку с версткой и отдельно оттиснутой таблицей. Выждав несколько секунд, соболезнующим голосом огоршил: «Править не надо. Оставь себе на память». И сам, в нарушение всех традиций общения с авторами, вынул из шкафчика початую бутылку и пару стаканов.

Когда Андрей, приняв на грудь, поуспокоился, Толик Филимонов рассказал почти детективную историю, которую только сам позавчера услышал от директора издательства. В переводе с казенного языка на обычный разговорный суть дела состояла в следующем. Статья Бурцева чем-то раздражила всесоюзно известного литературоведа, которого Андрей

---

* Касьянов день по святцам приходится на 29 февраля.—
Прим. авт.

уже с десятков лет видел на телеэкране в культуртрегерских передачах, в руки которого попала верстка ежегодника. Имея на то право, прямо позвонил министру, то есть председателю комитета по печати, и высказал свое мнение о «вкравшейся в уважаемый научным миром сборник «статейку с душком», всячески унижающую память о гении русской литературы». А уже министр позвонил директору издательства и приказал выбросить статью, хотя бы книга и была уже сверстана. Поскольку же Андрей, джентльмен по натуре и воспитанию, все же прихватил с собой бутылочку «талонной», то и засиделся в издательстве. Толик рекомендовал не принимать близко к сердцу случившееся, почти дословно повторив слова Бориса Михайловича, учителя Бурцева в писательском деле, о пинках на пути к литературному признанию...

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

◆ Профессор Скородумов задумчиво ходил по своему небольшому, но уютно, по-домашнему им самим обставленному кабинету, в ритм шагов тихо напевая: «О чем задумался, детина...». И добро бы задумался о доказательстве математической теоремы или нового закона биофизики — по теме его научных упражнений! Но нет, всего лишь припоминал: куда он положил лет этак двадцать назад брошюру, присланную ему одним чудаком из Пензы? А понадобилась ему по той причине, что недурственная память подсказала: именно в этой книжке столько же лет тому назад он вычитал одну сумасбродную мыслишку, которая сейчас показалась вовсе не лишённой смысла. Вот и захотел уточнить по оригиналу. Попутно размышлял на тему чисто психологическую, поведенческого характера.

Допустим, у человека всего лишь десяток книг в доме, в служебном помещении. Как бы он небрежно не разбрасывал их, все одно при необходимости сразу найдёт без особых хлопот. А если полсотни, даже сотня? Здесь уже требуется относительный порядок. Хотя бы в одном месте их складировать: в шкафу, на стеллажной полке, на худой конец на подоконниках или в кладовке штабелированными. Попыхтит, с легким матерком поглотает книжную пыль, но через четверть часа отыщет нужную... например, Уголовный кодекс или «Как заработать первый миллион», перевод с англо-американского. А вот если книг, брошюр и журналов под тысячу, как в маленьком кабинетике Игоря Васильевича, где они устави́ли в два-три ряда шкафчики и настенные полки от пола до потолка, то здесь непреложен принцип: подальше положишь, поближе возьмешь.

Этот принцип профессор и взял за основу, поселившись в кабинете в конце лихих девяностых. Худобедно, но закон этот житейский работал по мере наполнения шкафчиков и полок (с ростом и их числа вдоль трех стен; четвертая — с большим окном) книгами и журналами. Понятно, все научного содержания. Но в последние три года правило это, выработанное вековым фольклором, начало давать сбой. Как ученый с системным мышлением, Игорь Васильевич заинтересовался этим явлением с научных позиций. На пару дней отложив текущие дела, Скородумов занялся внеплановым исследованием, привычно оперируя законами психологии мышления, аппаратом вероятностной математики и другими научными дисциплинами. Итог многодумных размышлений гласил: принцип «подальше положишь, поближе возьмешь» работает с доверительной вероятностью истинности не менее девяноста процентов, если число предметов, количество обращений к ним и время наличия предметов связаны... здесь профессор залюбовался выведенной им математической формулой: многорядной, занявшей треть страницы листа бумаги стандартного размера.

Любованием дело и завершилось. Потому-то Игорь Васильевич и ходил задумчиво по кабинету, подходил то к одной, то к другой полке, выборочно снимал с них сразу по несколько книг первого ряда, вглядывался в корешки второго ряда и так далее по всем трем заставленным стенам.

...Все же слишком далеко положил пензенскую брошюру профессор-аккуратист, ибо совершенно случайно обнаружил ее где и искать-то в голову не приходило: тоненькая брошюрка размером с ученическую тетрадку была стиснута двумя толстенными томами избранных трудов великого французского физика и математика, настоящего создателя теории относительности Анри Пуанкаре. Как только эти

тома случайно попались на глаза Игорю Васильевичу, так он тотчас и вспомнил: двадцать лет тому назад он специально проложил их брошюрой из чисто технических соображений, а именно, чтобы академического издания тома Пуанкаре не слиплись своими ледериновыми обложками при долгом тесном стоянии на полке. Водится этот грех за такими переплетами. Конечно, ничего страшного с такими томами не случится, хоть полсотни лет сжатой парочкой простоят на полке: обхватить их торцы ладонями и разъединить. Но только на ледериновых обложках навсегда останутся отметины, как будто что-то сладкое на них пролили; высохло, но намеки на растекшиеся пятна остались. Эстет Игорь Васильевич морщился, если книги с такими отметинами появлялись в его обиходе.

◆ Чертыхнулся профессор, наскоро перелистав тоненькую брошюру: неужто замечательная его память подвела? — пензенский автор, пензяк доморощенный, совсем о другом писал, просто сходный набор терминов в его мыслях и в давно прочитанной книжке оказался. Словом, опять же теория вероятностей... Черта же не очень обидно затем помянул, что время на поиски потратил. И хотя для него, его скромной профессорской зарплаты, время служебное вовсе и не деньги, но... просто обидно и все тут!

Усмехнулся, захлопнув брошюру и невольно прочитал на обороте обложки нескромно написанную автобиографию, как то повелось с начала девяностых вольнолюбивых годов. Да-а, жил себе спокойно мужик в своей тихой Пензе, трудился в местном техническом институте преподавателем, к сорока годам накопал с трудом уныло-тягомотную диссертацию, пережив «двадцать минут позора», защитил ее, стал кандидатом технических наук. И дальше до самой пенсии с отвращением читал бы по раз навсегда написанному и отпечатанному на пишмашинке конспек-

ту лекции по своему предмету, что-то навроде «Технологии производства деталей и узлов в энергетическом машиностроении». Супруга, дочка, двухкомнатная «хрущевка», шесть соток загородных с дощатым летним домиком — живи не хочу!

Но вот пришли новороссийские девяностые годы. Народ, измученный совковым тоталитаризмом и Моральным кодексом строителя коммунизма, кинулся во все тяжкие. Кто помоложе и энергичнее, пошли в братки, олигархи-прихватуны, в бизнесменеры, чиновники и депутаты. Кому национальность позволяла, улетели на историческую родину, в основном на Брайтон-Бич. Не обошло лихо и людей малохольных, тех же доцентов. И они нашли в новой жизни отдушину: приобретение за мелкие деньги самопальных ученых степеней и званий, наград и прочей лжеатрибутики. А главное, дозволили всем печатать за свой счет брошюры, книжки, тома, томища и полные собрания сочинений, в которых прежние тихие доценты излагали выношенные многими годами научные гипотезы, названия которых скромно начинались словами: «Единая теория...», «Окончательное решение проблемы...», «Фундаментальное обоснование...».

Вот и наш пензенский доцент самоостепенился: академик Академии энергоинформационных наук, Заслуженный деятель циклической науки, Почетный работник инновационного образования. И еще с десяток наименований в автобиографии на обороте обложки брошюры. Понятно дело, что все эти удостоверения, дипломы, грамоты, сертификаты фабриковались веселыми одесскими ребятами, разъехавшимися по белу свету.

Как человек с развитым научным мышлением, Игорь Васильевич истоки этого сумасшествия во многом соотносил с известной пристрастностью русского человека к всевозможным знакам отличия. Не

только дворник Тихон из романа одесских же классиков мечтал сто лет тому назад о медали. Припомнил Скородумов еще в юности читанную книгу русского писателя девятнадцатого века («Надо у Бурцева поинтересоваться, писатель ведь! — пусть напомним имя автора: подзабыл... что-то Чехов и Писемский в голове вертятся?»). Точнее рассказ о провинциальном чиновнике среднего ранга, что многие годы мечтал — и откуда в голову такая мыслишка внедрилась? — к своей скромной Анне четвертой степени добавить иностранный орден, вроде как сербский или австрийский... Виртути Милитаре? Да нет, это военный; словом, конкретный орден имел в виду. И вот повезло: их среднерусский губернский город проездом посетил знатный иностранец из той самой страны. Чиновник ужом извертелся, чтобы ему понравиться. Словом, через несколько месяцев орден он получил, украсил им свой сюртук, но тут же... и загрустил; другая мысль заняла в голове место исполнившейся, а именно: а как бы сподобиться получить испанский орден Льва и Солнца?

...И еще глубже в историю. Как Алексей Толстой описывает в романе о Петре Первом восторг купцов, что царь повелел именовать их по отчеству! Скорее всего ордынцы привили любовь русских людей к знакам отличия на посконных их рубахах. А именно, тамга и знак ярлыка на княжение. Князек гордится своей бляхой, а холопы его, особливо молодые бабенки, князю в пояс уважительно кланяются. Через восемьсот лет, в лихие девяностые, все из грязи в князья поперли. Хотя бы в знаках отличия.

◆ И сам первый русский император, зная любовь соотечественников к знакам отличия на мундирах и гражданских сюртуках и кафтанах, использовал это пристрастие с привычным своим расстрельным юмором. Так для Мазепы отлили пудовую медаль Иуды, а для чрезмерных любителей зеленого змия, которых

он сам массово и породил на ассамблеях и других мероприятиях, такого же веса медаль «За пьянство»...

Конечно, не один русский человек уважает всякие знаки отличия. Поэтому и не только царь Петр использовал это естественное человеческое качество. Опять Игорь Васильевич припомнил из ранее читанного, мемуаров то ли знаменитого генерала Брусилова, а может и графа Игнатьева, русского посла в Париже во время Первой мировой войны? Оба потом исправно служили советской власти, поэтому их воспоминания и публиковались.

Как известно, Румыния в Империалистическую долго колебалась: вступать ли во всеевропейскую войну, а главное — на чьей стороне? К явному неудовольствию российского генштаба и лично Николая Второго, все же ввязалась в бойню, вестимо, на стороне побеждающей Антанты. Опять же понятно, что тем самым удлинила на полтыщи километров русско-австрийский фронт, ибо сами румыны воевать не умели да и не желали особо. В тех же читанных профессором Скородумовым мемуарах на этот счет писалось весьма интересное. Офицеры прифронтовой полосы, прокутив всю ночь в ресторанах-варьете, наутро выезжали на позиции в колясках с дамами и шампанским. Но самое занимательное изобретение валахов, прямых потомков римских легионеров на Траяновом валу, это способ подъема «ромулов» в атаку на австрияков. Выбегает из окопа на два-три метра взводный или ротный командир с холщовой сумкой на груди, построжки на шее, и с криком: «Траяска Романиа марэ! Цэрила униц вэ виктрис!»* — выхватывал из сумки-нищенки горсть медалей «За боевую храбрость» и с размаху бросает, не хуже гранаты, на два десятка метров в сторону

---

* Слава великой Румынии! Вместе к победе вперед!» (искаж. румынск.).— Прим. авт.

врага. Бойцы тоже выбегают из окопов, самые быстрые расхватывают боевые награды и только соберутся обратно, как ротный локотененту*, тоже пробежавший эти двадцать метров, новую горсть бросает вперед. И так далее продвигает своих воинов в сторону австрийских окопов. Удалась или провалилась атака, но самые бесстрашные солдатики в увольнительной щеголяют в трактирах прифронтовых Арад и Тимишоары «полными бантами» из рядка сверкающих боевых наград...

Но бог с ними, с румынами, вернемся в родные исторические пенаты. Снимите с книжной полки любой роман русской классики девятнадцатого века: где-то с десятой страницы в сюжет вступают славные наши чиновники всех четырнадцати классов. И какую бы роль и задачу не задавал автор книги своим персонажам из этой социальной прослойки, тем не менее искушенный читатель скоренько уясняет: главное желание всех этих ассессоров, надворных и статских советников — получить за выслугу лет, к коронации нового императора, за успехи в департаментском творчестве, за умение ловко лизнуть чего надо у вышестоящего чиновника первый или очередной орден. Опять же «представить к крестишку или местечку»...

И сам автор, хотя и писатель, «но дым отечества нам сладок и приятен», постепенно увлекается, заражается орденоносной страстью своих персонажей. Вот и Лев Толстой, на что уж не лавролюбец, от выдвижения на Нобеля в 1901 году отказался, а ведь в этом первом году нового века премия присуждалась в первый раз!** и тот в эпизодах разговора

---

* Лейтенант (румынск.).— Прим. авт.

** Другая, более вероятная версия: наш великий писатель земли русской просто обиделся, что к премии его представляли в тандеме со средним французским поэтом Сюлли Прюдомом...— Прим. авт.

Каренина с сынишкой Сережей обстоятельно разъясняет статуты российских орденов: Александра Невского, Владимира, Андрея Первозванного. Понятно, у него чин генеральский, поэтому о мелкотравчатых орденах Анны, польских Белого Орла и Станислава не поминает. Для действительного статского советника это пройденный этап.

...Слаб русский человек до приятного покатывания в желудке на знаки отличия!

◆ Размышления об исконной страсти русского человека к званиям и наградам совершенно расслабили душу профессора. Усмехнулся добро, покойно устроился в своем креслице, чуть нагнувшись вправо, подцепил наощупь кругляшку ручки нижнего ящика тумбы рабочего стола, потянул на себя. В ящик этот заглядывал редко, ибо складывал в него всякие мелкие вещицы из числа тех, которые вряд ли когда пригодятся, а выбрасывать? — жалко, память опять же.

И Игорю Васильевичу в лихие и веселые девяностые годы кое-что перепало от звездопада дутых наград и званий. Их-то вещественные знаки, то есть дипломы, удостоверения, членские значки и даже медали, похожие на настоящие, и составляли основное содержание «подвального» ящика. Раз в год, как вот сейчас, по настроению, он ностальгически перебирал эти вещественные знаки... заодно освежая в памяти названия степеней, званий и академий, обладателем и членством которых счастливо обладал профессор. Цирк да и только! Но кто в армии служил, тот в цирке не смеется. И хотя Скородумов всего лишь, как учившийся в давние советские семидесятые годы, прошел военную кафедру, но звание «заочного» старлея приравнивало к армейской службе.

Про армию же вспомнил потому, что обычно, делая ревизию артефактам бывшего циркового звездопада девяностых, он напевал что-либо бравурное, военно-маршевое навроде «медаль за бой, медаль за

труд из одного куют металла». Но вот со вчерашнего дня привязалась, никак не может отвязаться дурашливая песенка из случайно услышанной телерекламы, а именно про цифровое зомбирование человека по мере его взросления. То ли случайно, а может и с подтекстом, цифрофрень эту помещали аккурат между рекламой похоронных услуг, что вошла в постоянный репертуар со времен ковидной эпидемии, и демонстрацией кладбищенских памятников с ценником и совсем уж неполиткорректной надписью о выдаче справок для военкомата...

Не вылетает из головы паскуденькая рекламная мелодия, что-то слащаво-американское. А слова так и вовсе пересказ клинического эпикриза. Как это пролетарский классик говорил? — Если враг не сдаётся, его надо уничтожить... хотя бы морально. Найдя такое противоядие, Игорь Васильевич занялся перебором дипломов, уже спокойно подпевая дополненную его словами песенку:

Первый клик — первый бзик.
Первый лайк — второй бзик.
Первый пост — первый глюк.
Первый клип — второй глюк.
Второй клип — в дурку влип.
Завел портал — в дурку попал...

Вот и у него целых три диплома и три удостоверения с фото — действительного члена аж международных академий по информатизации и оцифровыванию. В одну его записал во время поездки в столицу и дипломом поздравил с днем рождения его начальник, то есть директор научно-исследовательского института, где Скородумов занимал пост первого зама, то есть заместителя по науке.

Второй раз его сделали академиком по информатике в Питере, где Игорь Васильевич оппонировал на защите докторской диссертации по просьбе давне-

го научного коллеги — защищался его ученик. Академическим дипломом, изготовленном в славном городе трех революций, его и отблагодарили за хлопоты. Простенько и со вкусом, что называется. А вот как он стал даже не просто академиком, а почетным членом третьей информационной академии? — что-то не припоминалось головой профессора, хотя бы и обладавшей абсолютной памятью. Однако, судя по пышному, как криолин светской барышни позапрошлого века, наименованию *Европейская академия фундаментальных наук информатизации и цифровых технологий*, диплом этот соорудили где-то на Среднерусской возвышенности в «треугольнике» между Калугой, Курском и Йошкар-Олой... бывшем Царевококшайске. И в тех местах не раз довелось профессору Скородумову бывать на научных конференциях и защитах диссертаций.

◆ Когда к знаменитому дефолту конца девяностых, поименованному тогда еще не потерявшим чувство юмора народом киндер-сюрпризом, сразу в четыре раза обесценившему совсем недавно денонмированный рубль, число самопальных академий превысило четыре сотни, Игорь Васильевич пошабашил и перестал коллекционировать дипломы. Надо отметить, что и раньше он ни под каким видом не брал их, если хоть копейку «вступительных», тем более регулярных членских взносов требовали. Но были коллекционеры и серьезные. Во всех научных кругах страны посмеивались (но только не на свой счет!) над одним московским профессором, известным филателистом и нумизматом, который приобщился и к собиранию академических знаков отличия. Утверительно говорили, что стал он академиком не то двухсот пятидесяти, а по другим слухам даже трехсот с лишком самоучрежденных академий.

Большим шиком — обычно и добрым юмором — было продемонстрировать дипломы совсем уж экзо-

тических научных сообществ: Академия синтеза количества и качества, Всемирная академия исследования антигравитации, Международная академия биоэнергетики человека. А в «Бюллетене Высшей аттестационной комиссии» появилось сообщение о первой защищенной диссертации по психологическим наукам на тему «Первичная клиника маниакального синдрома, приобретенного на почве лавролюбивых устремлений к обладанию виртуальными научными знаками отличия».

А еще двадцать лет похотывали над Леонидом Ильичем? Ну-у, была такая слабость у генсека в последнее десятилетие его правления страной... Но ведь и подлинно всенародная приязнь к нему была — этого даже самые отъявленные либералы девяностых годов не решались опровергать. И введенный Меченым термин «эпоха застоя» — это от лукавого, от наших забугорных врагов-империалистов. На самом деле «серебряные» шестидесятые и подлинно золотые семидесятые годы были апофеозом советской сверхдержавы, построенной «вторым Ильичем» на базе сталинского взлета, решившей сделать передых, отдохновение — длиною в поколенную единицу измерения — от полустолетия великой стройки в стране и в советском человеке. Пять золотых звезд, конечно перебор, но хорошему человеку все прощается. И орден Победы тож.

Опять же, если мысленно пробежать по истории отечественной, получается, что после Дмитрия Донского, самолично участвовавшего в Куликовской битве, за последующие шесть столетий только два руководителя государства, царь Борис Годунов в опрочине на Ливонской войне и генсек Брежнев в должности полковника — начальника политотдела 18-й армии на Малой Земле, принимали непосредственное участие в военных действиях! Разумеется, Иван Грозный «Казань брал, Астрахань брал» (Шпака не

брал), а Сталин руководил обороной Царицына, но все же они с высокого холма, из здания штаба одерживали победы. Годунов же с саблей, полковник Брежнев с ТТ в бой шли. Хотя бы по должности своей Леонид Ильич и не обязан был в смертельно опасном десанте участвовать. Потому на Параде Победы маршировал во главе сводного полка своего фронта...

Награды они разные бывают: кому геройские звезды за стабилизацию советской сверхдержавы, а иному импортные значки и звания «Лучшего» за ее разрушение. «Вольному воля, спасенному рай, бешеному поле, черту болото, — промолвил фольклорно профессор Скородумов, добавив свое окончание, — а дурак и фантику рад». Огорчившись, небрежно — это при его-то хваленой им самим аккуратности! — покидал дипломы в отстойный ящик, задвинул его в знак непочтения носком ботинка и захлопнул дверцу тумбы стола.

НА ЛЕВОФЛАНГОВОГО НЕ РАВНЯЮТСЯ

◆ При пятничной (хотя и не последователи Магомета) встрече в заведении «Наливай-ка!» друзей Скородумов с приличествующим юмором рассказал об «академической» эпидемии девяностых годов. И о своем скромном участии в ней — где-то на уровне клинически не подтвержденного синдрома... что-то навряде рядового насморка в гриппозный сезон.

Писатель Бурцев, явно оправдывая свою угрюмую фамилию, что-то пробурчал насчет академического поветрия в их литературной среде: в столицах и университетских центрах тоже всякие словесно-грамматические академии в те годы объявились, равно как и многочисленные «союзы писателей» вместо гикнувшего в одночасье единого и могучего Союза писателей

СССР. Пробовали столичные ходоки и его в такую самострочную академию заманить, но потребовали — и это на полном безденежье чубайсовской прихвации и всеобщего разлада! — вступительный и далее ежегодные взносы. От опрометчивого желания зваться академиком оградила супруга, родом из кубанских казачек, недвусмысленно взвесив в руке чугунную сковородку с массивным, насаженным на нее ухватом — изделие дореволюционное, семейно-наследственное, надежное для любых целей...

Посмеялись, а затем Игорь Васильевич и Андрей Матвеевич, отчитавшись о своей причастности к почетным званиям лихих девяностых, не стовариваясь, выжидательно посмотрели на третьего в компании, на доцента-ракетчика Николая Андреяновича. Дескать, а ты, друг наш ситный, каким мирром мазан в этой части?

— Ты же оружейником, ракетчиком в нашей «Меткости», теперь имени академика Гусакова, трудился, — нарушил минутную заминку профессор Скородумов, — коллегами ведь с тобой были, хотя я раньше тебя в университетские перешел, не застав еще академического поветрия. Вроде как оружейную академию с присовокуплением военной науки тогда создали? — неужто тебя, с твоим-то опытом, кандидата наук в нее не зачислили?

— Эк куда хватил, Васильич! Это тебе не самочинная академия биоэнергетики или коммунального хозяйства и водопроводов. Друзья мои старинные! Это нечто иное, в корне отличное от взимания с простаков тысточки-другой на вступительный взнос. Здесь серьезно подошли к отъему государственных денег на еще не прихватизированных оборонных предприятиях и распределению по частным карманам. Конечно, мелочевка по сравнению с рейдерскими захватами гигантов промышленности, бывших маяков сталинских пятилеток, но в девяностые годы ничем

не брезговали. Как говорится, кому и дворец маловат, а иному и халупа дворцом смотрится! Словом, курочка по зернышку...

— Да-да, Андреяныч, припоминаю: даже пара отдаленных знакомых у нас в городе удостоены таких академзваний. Оба люди приличные: один главный конструктор по части военпрома, другой и вовсе замдиректора крупного оборонного завода. Вроде как, в отличие от всех остальных сотен самопальных академий, у них не взносы тягают с вовлеченных, но наоборот, ежемесячно солидные академические выплачивают. И где это они такой Клондайк открыли в успешно разворовываемой стране?

— Все правильно, герр профессор. И люди приличные, все при крупных должностях, и жалование академическое, не хуже чем в государственных собраниях носителей мудрости. Как ты сам, Васильич, говоришь: академик — это не звание, а счастье! А схема до примитивности проста. Заправилы милитаристской академии отслеживают положение дел на крупных военных предприятиях, неважно, государственных еще или уже обретших стараниями веселых ребят-чубайсят статус АО; естественно, в части финансов. Одновременно подыскивают среди высоких должностных лиц этих финансово-устойчивых предприятий наиболее лавролюбивых. И в один из дней вяло текущего времени тех годов руководитель многожды орденоносного (от советских времен) завода, объединения или конструкторского бюро, научно-исследовательского института получает письмо на узорчато-красивом бланке, в котором имярек извещается, что его, уважаемого Ивана Ивановича, главного конструктора или главного инженера решением такой-то отраслевой академии рекомендовали к приему в действительные члены, то есть академики...

Далее тройственно — кандидат в академики, его директор и руководство академии — решается са-

мый щекотливый вопрос: не только академия ставит новоизбранного действительного члена на свое денежное довольствие, но и предприятие, место его работы, должно материально поддержать академию. Понятно, что если в части академических выплат речь идет о сумме порядка неполных десяти тысяч свежеденоминированных рублей в месяц, то взнос предприятия оценивается на порядок-полтора выше. ...Это как в популярных ныне штрафах: с физического лица пара-тройка тысяч, а с юридического — полсотни и более тысконок.

Как правило, общий язык в те времена находился; впрочем, как и сейчас, но только в более серьезных делах, не в детсадовских академических шалостях.

Понятно, что меня, как человека без заметной должности, и в страшном сне не позвали бы туда. Тем более что Гусаков наш, настоящий академик, ко всем этим шалостям относился со смехом.

— Понятно, Андреяныч, что и чин на тебе не тот был, и начальник нашей «Меткости» Гусаков и рубля бы порванного не дал на забавы.

— Да-а, Васильич, как в новые времена академиком не стал, так и в прежние советские лауреатства не удостоился. Помнишь ведь ту знаменитую историю?

— Ха-ха-ха, кто же ее не знает? Разве что наш маститый писатель. Вот ему и расскажи.

◆ Трижды орденосное научно-производственное объединение «Меткость», возглавляемое генеральным конструктором (а их в Советском Союзе имелось всего четырнадцать!), академиком Гусаковым, не зря уже двумя американскими президентами объявлялось чуть ли не «личным врагом». Это как у Гитлера таковыми значились подводник Балтфлота Маринеско и диктор Левитан... Словом, что ни год-другой, но «глянь и орден как с куста» Василию Теркину, в смысле — Государственная или бери вы-

ше — Ленинская премия за разработку нового «изделия», преимущественно противотанкового, а значит по сложившейся традиции имеющего название музыкального инструмента из состава оркестра симфонической музыки. И если сейчас, вот уже третий год, как услышите в теленовостях с передовой такое музыкальное название, так смело можете переноситься на полвека без малого назад, когда в «фирме Гусакова» (другое, местное название: «в лесу», — поскольку «Меткость» располагается на окраине города) этот самый противотанковый «инструмент» создавался. И за который по труду и честь, то есть Ленинская или Государственная премия.

Опять же это только ордена и медали трудовые дают единолично. Иное дело премии. Создание современного оружия поля боя, как говорят люди военные, дело многотрудное, с привлечением научно-исследовательских и инженерных специалистов самого различного профиля: от аэродинамщиков, баллистиков и прочнистов до ракетных двигателистов и боеприпасников. Потому и премиальный лауреатский коллектив занимает в перечислении не одну машинописную строчку... Ладно свои из числа конструкторов-разработчиков, внесших значительный вклад, и руководителей отделений, отделов и секторов, что до дома добираются только к темноте — все в заботах о сроках, планах, а то и до трех-четырех месяцев в году «не вылезаящих» из командировок на полигоны в Донгузе и Кап-Яре. Здесь все истинно по трудам, умению и заботам.

Опять же ладно сам Гусаков. У него уже достаточно Государственных и Ленинская премия*. Но

---

* В отличие от Государственной премии, которая в СССР — по образцу Сталинской — вручалась <тому достойным> многократно, Ленинской премией человек удостоивается единожды. Только Леонид Ильич был дважды награжден, но по разным «отраслям» — борьбе за мир и по литературе... — Прим. авт.

ведь время от времени следует поощрять высшее начальство «Меткости» — оно ведь тоже хлеб не даром ест... Но все это в своем кругу, без каких-либо обид и несправедливостей. Неправедностей тем более.

Кстати говоря, оружейное дело на стадии его разработки и опытного опробывания-доводки во многом зависит от матерых, просто рукастых, уникальных рабочих-мастеровых. Такова специфика со времен легендарного Левши и его реальных прототипов, чьи добротные каменные двухэтажные дома-мастерские по сию пору крепко стоят по обеим сторонам главной улицы, бывшей Миллионной, в зареченской стороне города.

Вот такие работяги-самородки в «Меткости», которым сам Гусаков первый подает руку (но «под руку» может и язвительным матерком покрыть!), и в мыслях не имеют обижаться на невключение их в премиальные столбцы.* Понимали, что такие награды даются не за то что делают, а за то что знают как делать. Им же «компенсируют» медалями, орденами, а еще лучше — деньгами за их труд. Есть и Герои содтруда, чьи фото красуются на аллее славы предприятия.

Даже знаменитый не то что в «Меткости», но и в самом пятом главке Миноборонпрома, к каковому относится «фирма Гусакова», испытатель Парамонов не помышляет о знаке Госпремии на правом лацкане парадного своего пиджака. Знаменит же тот абсолютным первенством на состязательных стрельбах в присутствии чинов с большими звездами на погонах. Словно с чертом в сговоре: с первого пуска противотанкового снаряда, управляемого «вручную» по разматывающемуся тонюсенькому, сверхпрочному про-

---

* Столбцами в XV—XVII веках назывались благодарственные грамотки, которым отличали стрельцов за успехи в воинском деле; дескать, стрелец Федорищев жалован серебряным рублем за то-то... — Прим. авт.

воду, поражает макет танка, спрятанного за пригорком, по одному лишь имитационному гулу двигателя!

...Закончились соревновательные полигонные стрельбы. Победивший Гусаков здесь же, на травке, в принятой простоте, в кругу рассеявшихся генералов и министерских, достает из дорожной сумки бутылки с коньяком, закуску икорную (генералы и министерские только на дармовщину пьют-закусывают), оглядывается зорко, примечает Парамонова, кричит в его сторону: «Егор Фомич! Ждать себя заставляешь! Давай сюда». И пододвигается, освобождая место на травке слева от себя. А справа травку уже подмял под себя лампасными галифе трехзвездный генерал. Простые времена были...

◆ Оять же ладно с генералами. Им премии особо ни к чему: у них отличительность идет исключительно по размеру и числу звезд на погонах. Другое дело министерские. Они-то без погон, потому лауреатские медали так и просятся на правые лацканы пиджаков. Конечно, не в нахалку они порой просятся в премиальные списки того или иного флагмана оборонпрома. Здесь сложный политес развивается. С одной стороны, *свой* министерский — большая подмога тому же Гусакову. Ведь в стране советской, в самый разгар противостояния с империалистическим Западом, оборонных предприятий видимо-невидимо. Со стороны другой, министерство оборонное только одно. Соответственно, планы, финансы, очередности, заказы и прочее этим самым единым министерством регулируются и направляются. Главное и самое неприятное — ограничиваются. И *свой* министерский — это не паркетный шаркун, а честно отрабатывающий свой урок специалист, мотающийся в командировках по всей стране, где бог войны Марс щедро разбросал в своих советских владеньях сонмы градообразующих «почтовых ящиков». И в ресторане «Пекин», здание которого только аркой отделено

от домины Миноборонпрома на углу Горького и площади Маяковского, бывает только по большим табельным дням. В командировках же неназойливый общепит, несколько лишь скрашиваемый гостеприимством «принимающей стороны». А двуединый бог-распорядитель его, дуумвират своего жесткого министра и заказчика — последнего сталинского наркома, министра обороны Устинова, почище античного Марса будет по требовательности и справедливости: каждому по трудам его! Такого министерского не грех вставить в премиальный список, тем более, что статут* премии включает и вклад организационный, «способствующий созданию условий...» и так далее.

Но всякая медаль имеет и обратную сторону. Вот включает Гусаков в список на очередную Государственную премию для *своего* коллектива за успешно сданное и принятое на вооружение изделие, вписывает в его черновой вариант простой шариковой ручкой за тридцать пять копеек фамилию очень нужного и полезного для дел «Меткости» министерского... и морщится досадливо. Избави бог! не в адрес милейшего и честнейшего Ильи Прокофьича, а морщится по той причине, что по тому же статуту премии верхнее число, численность премируемого коллектива ограничена. Значит, придется кого-то из заслуженных *своих* обидеть, вычеркнуть из списка. Конечно, ограничение ограничением, но ведь это не математическая задача, всегда можно по принципу «плюс-минус» отстоять и «сверхштатного», этакого левофлангового.

Сидящие напротив, специально вызванные начальник отделения, головного по премиальному «изделию», а также главный инженер «Меткости», уло-

---

* Статут (не путать со статусом!) премии, ордена и пр. четко оговаривает категорию награждаемых по их вкладу.— Прим. авт.

вили досадливость, объявившуюся на лице академика, переглянулись, но по заведенному правилу вопросов не задавали, ждали когда сам Гусаков прояснит причину своего неудовольствия.

— Не сходится бульдо и сальдо,— в обычной манере язвительного словесного садиста произнес Гусаков,— вроде один сверхнормативным получает. Давайте-ка по всему списку пройдемся.

Как принято у военных и приравненных к ним оборонпромцев в своем кругу общения, списочных называли не по фамилиям или должностям, но по именам-отчествам. Впрочем, размышляя вслух, водя школьной шариковой ручкой по строкам отпечатанного на машинке списка, Гусаков при этом внимательно следил за мимикой лиц собеседников.

— ...Куда ни кинь, всюду клин! Как у нас орловские деревенские бабки говорят: «Которая рука по голове гладит, та и за вихор тянет». Мд-а-а... Разве подымется рука вычеркнуть Михал Григорыча? — полностью модернизировал конструкцию движка. А каков удалец Сергей Ильич со своей оптикой? Даром что из молодых да ранних. Нет, однозначно оставляем его. Надеюсь, относительно Ильи Прокофьяча особо говорить не следует: без его поддержки мы бы сейчас не список на премию утверждали, но еще бы техническое задание составляли. Наши супостаты говорят, что время — деньги, а у нас деньги, то есть министерское финансирование, не то что время на разработку сокращают, но порой и в обрат его, ха-ха-ха, поворачивают. Та-а-к, Николай Андреянович из твоего, Игорь Филиппович, отделения, то есть к сану головников относится. Да не просто относится, относиться можно и к зоологическому ряду млекопитающих, а уже второй «инструмент» сдали с его участием — все прочностные расчеты и конструкции хвостовиков на нем,— а еще ни разу в списки на премию его не включали. Даром, что не начальник

подразделения, но на таких почти все и держится. Значит, оставляем всех первоначально включенных. Вроде как один сверх контрольной цифры, но полагаю — проскочим. Тем более в главке при утверждении отметят фамилию *своего*. Опять же не Ленинская, здесь строгости поменьше. Все, решено. Ра-а-зошлись! А у меня в обкоме встреча с Первым.

◆ Начальник пятого главка, что отвечает за разработку и выпуск тактического ракетно-пушечного вооружения Советской Армии, а значит и армий стран Варшавского договора и протезируемых СССР азиатско-африканских государств, вернулся с совещания у Зверева* сильно не в духе. Проходя в свой кабинет, буркнул секретарше: «Через полчаса всех ко мне». Зная — шеф был у министра, а тот только вернулся со Старой площади, где накоротке разговаривал с Устиновым, а Дмитрий Федорович по-сталински всегда умеет напрячь кого следует... словом, не одно секретарское креслице на винтовом основании просидевшая, Виктория Степановна сама знала: кого звать на большой сбор, — знала почти что «на автомате», только сопоставив выражение лица своего начальника и хронологию с географией мест его пребывания с сегодняшнего утра. Обзвонила, а через полчаса кивками головы отвечала на приветствия — кого сегодня еще не видела — начальников подразделений главка, редко струящимся, но непрерывным ручейком втекавших в тамбурированную дверь кабинета ее шефа.

Примерно через час — начальник главка по принятым в министерстве правилам пустопорожней болтовни и велеречивых рассуждений не терпел — обратным, но уже половодным и быстрым ручьем

---

* Реальное лицо, возглавлявший в 1970—80-е годы Министерство оборонной промышленности, когда и были созданы почти все образцы нынешнего оружия поля боя, доставшиеся в наследство от СССР.— Прим. авт.

начальственный народ покинул кабинет с различной степенью озабоченности на лицах. В коридоре ручей растекся по своим дверям и высох, даже не оставив следа на паркетном полу. Как короткий летний дождик без грозы.

Вернувшись к себе, руководитель организационно-кадровой службы главка Почечуев сразу, не размышляя и особо не обдумывая услышанное от шефа — наше дело маленькое, что скажут, то и сделаем! — продолжил то, на чем остановился час с небольшим назад: подготовка на утверждение высоким министерским начальством представленные с мест списки на премии этого года. Пробежал глазами парочку таких из Ижевска и Коврова: все в полном порядке; цепкая память старослужащего по деликатным порой оргделам сверилась с фамилиями и должностями премируемых, удовлетворилась и допустимой цифрой по каждому списку. Положив в папку «На подпись», взял следующий листок: ба-а! соседи почти из «Меткости» академика Гусакова. Частые от него весточки приходят для этой самой папки. Что ж, по заслугам. А тем более, фамилия Ильи Прокофьевича здесь значит. Уважает нас академик! Надо завтра — сегодня уже поздно — при встрече в коридоре или специально, вроде как по мелкому делу, позвонить ему, намеком поздравить. Чиновный народ уважает вестовщиков с хорошими новостями... А-а, господи ты боже, что ж это Гусаков недоглядел: в списке-то «левофланговый» затесался, что превышает ограничительное число. Может так бы и проскочило, тем более что *наш* здесь присутствует, но ведь только что, со ссылкой на указание министра, начальник главка потребовал построже в отчетах всяких быть, неукоснительно следовать установленным правилам. И недвусмысленно в сторону Почечуева коротко взглянул.

Как быть? И стал внимательно, поименно про-

смаатривать список. Опять же все фамилии, кроме последней (в алфавитно-должностном порядке), хорошо держатся в его профессиональной памяти: не придерешься ни к чему! И в «Меткость» звонить поздно — завтра с утра папка «На подпись» начнет свое движение по этажам и кабинетам министерского здания. Да и не принято в таких делах телефоном пользоваться. А вот фамилия последнего в списке не отзывается в его голове. И должностью особой не облечена. Так что извиняй, таинственный Николай Андреянович, попал ты под раздачу, твои же виноваты. Надеюсь, компенсируют тебе этот конфуз. Как говорится, будем рады видеть в новом, уже правильном списке через годик-другой!

...Поскольку списки кандидатов на премии, подаваемые в министерство, официально полагались предварительными, за пределы кабинета Гусакова не выходящими — вроде как секрет полишинеля, то Николай Андреянович хотя и рассчитывал — по намекам своего начальника отделения — удостоиться высоко чтимого звания лауреата, но нулевой результат особо не огорчил: все ведь без огласки; и коллеги не сочувствуют, и недоброжелатели не хмыкают; главное, на болтливые бабские языки его имя не попадет.

Опять же в части компенсации матерый кадровик Почечуев не ошибся: ни к чему не обязывающая должностишка замначальника отдела, трудовая медаль к революционному празднику и подряд две солидные премии: квартальная и годовая. А супруга-то как довольна (в дополнении к деньгам)! — очередь на домашний телефон еще десять лет назад железобетонно застопорилась, а начальник отделения подписал у Гусакова нужную бумажку — и вот на тумбочке в тесноватой прихожей «хрущевки» угнездился вождеденный аппарат. Звони — не хочу!

ДИНАМИТНАЯ ПРЕМИЯ

◆ Вернувшись домой после дружеской беседы с профессором Скородумовым и доцентом-ракетчиком Николаем Андреяновичем, понятно дело, состоявшейся в традиционном заведении с подачей «Наливай-ка!», писатель Бурцев все продолжал размышлять на тему, заданную этой беседой: о бренности и тщетности всевозможных отличий, наград и званий.

На все сто процентов согласен был Андрей Матвеевич со Скородумовым об обезценивании современных, самопальных степеней и званий — на примере расплодившихся, переваливших в числе за три или четыре сотни общественных академий. Это в науке... скорое в наукообразии все так опошлилось, дезавуировалось. Да неча на зеркало пенять, лучше оглянись в своей литературной епархии? Конечно, здесь не дошло до классификации «престижности» журналов, как то сейчас, с подачи западников, введено у нас. Знали они с Николаем Андреяновичем: не упоминать при профессоре о такой классификации, если не хочешь довести того до белого каления... при всей добродушности и воспитанной незлобивости милейшего Игоря Васильевича.

Действительно, в гневной риторике почти что кричал тот в минуты такого раздражения, какое-такое деление научных журналов на первостепенные, второстепенные, прочие малостепенные! Есть издания престижные — этого не отнимешь, но престиж-то их сложился многими десятилетиями, даже столетиями в Европе, научного первенства в своей области. Нынешняя же, *маде ин Америка*, цифрофреническая классификация основана на чистой политике и коммерции: главные журналы — в странах «золотого миллиарда», а стоимость публикации пропорциональна их директивной «значимости». Вот так-то, друзья мои! Наши же дурачки (профессор произнес

непечатный аналог) прямо в восторге до душевного оргазма заходятся; дескать, поздравь, Васильич, половину месячной зарплаты ухлопал, но напечатался аж в польском (дело было до известных событий...) журнале, который индекс Скопуса имеет! А выше Скопуса только господь бог. Впрочем, почтенный, но несколько глуповатый доцент прав: Скопус и Сын Божий тридцать три года по соседству существовали. И далее Игорь Васильевич, несколько отойдя от праведного гнева, доходчиво пояснял откуда взялся этот импортный Скопус, индекс принадлежности к которому выводит журнал в высший научно-классификационный ряд. Начинал же он, сам любитель истории, несколько издалека.

...В год окончания Первой мировой войны — империалистической, добавлял исконно совковый профессор — когда Лоуренс Аравийский по-английски, чужими арабскими руками изгнал турок из Палестины, на Святую землю прибыла на британском крейсере веселая компания английских и французских генералов. Среди людей в мундирах с погонами, аксельбантами и орденами, несколько не к месту смотрелся прибывший с генералами невзрачный штатский в долгополой черной шляпе. Это был Хаим Вейцман, председатель созданного в конце прошлого века Герцлем Всемирного сионистского союза.

В самый торжественный день гостевания в Иерусалиме, на горе (в тех метях горами именуются даже небольшие холмы) Скопус, в присутствии генералов и представителя местной иудейской общины, Вейцман заложил краеугольный камень в основании будущего Еврейского университета. Который — конспирологически подмигивал повеселевший Игорь Васильевич — сейчас и держит шишку, выражаясь по-бурлацки, в табели о рангах научных журналов. Слушатели дежурно посмеивались, инстинктивно поводя глазами вправо-влево... Только приятель и коллега Скороду-

мова по факультету, замдекана Борис Соломонович раскатисто хохотал; мол, всех хитроумные (в беседе тет-а-тет более крепкое словцо употреблял) английские и американские империалисты подставили!

Конечно, кое-что и литераторы подхватили от академического изобилия девяностых. Сам Андрей Матвеевич в парочке таких состоял. Но взносы не платил, резонно ссылаясь на расходы «своих трудовых» для поддержания издания журнала, не имеющего никакого финансирования. «Ведь одно дело делаем, — пояснял он в телефонных разговорах с руководителями академий от литературы, — а я гораздо больше трачу на журнал чем сумма взносов. Так что фифти-на-фифти, как говорят наши западные партнеры по так называемой борьбе с террористами. И вообще: богу богово, а кесарю кесарево!»

◆ Но в каждой избушке свои игрушки. Если в научных и приближенных к ним кругах взяли числом академий, то гуманитарии, прежде всего литераторы, а вообще-то тоже на 99 % приближенные к такому, намного обскакали первых обилием условных, то есть без денежного сопровождения, премий. У «физиков» это как-то просмотрели...

Оно понятно, что в мире существуют премии, причем очень престижные, без денежной части. Вроде как у французов еще с девятнадцатого века такая наличествует: то ли Гонкуровская, а может иная, не менее звучная, для которой «материальная» составляющая состоит в торжественном, но по-французски скромном (известно что лягушатники — самая скупая нация в Европе после болгар) обеде в парижском ресторане, счет за который оплачивает оргкомитет премии. На обед зовутся известные писатели. Там же имениннику вручается диплом... в рамочке. Но ведь это *есть премия!* И во французской Академии имени лауреатов золотом выгравировывают на настенных мраморных плитах. Опять же

в духе национального скупердяйства устроители премии рассуждали здраво: если писатель удостоился признания, значит книги его продаются хорошо, то есть на безбедную жизнь, а по табельным дням на бутылку-другую «Вдовы Клико» под устрицы и так хватает...

В России премии появились ближе к последней трети девятнадцатого века, но особо ими сочинителей не баловали, а если и награждали по литературной части, то, как припоминал Бурцев, в основном не собственно писателей, а удостаивали Демидовской, Уваровской, Ломоносовской премии в основном словесников из числа филологов, составителей словарей, исследователей-литературоведов. Повезло драматургам — для них были учреждены Грибоедовская и Киреевская премии. Собственно же для писателей оставалась лишь Пушкинская премия. Но размер всех этих премий — от пятисот рублей до тысячи — являлся скорее поощрительным.

В Советском союзе писатели были внесены в государственную табель о рангах; соответственно и премиальное дело поставлено на серьезную основу. Запомнил Андрей Матвеевич со студенческих лет в Литинституте слова милейшего и добродушнейшего Леонида Трауберга, что читал им на пятом курсе лекции по киноискусству. С предельным интересом слушали живого классика, автора кинотрилогии о Максиме. Сам почтенный возраст и обилие жизненных впечатлений превращали занятие в доверительную беседу на все темы, связанные с кино и литературой в их отображении событий советской эпохи, начиная с двадцатых годов. Как-то речь зашла о литературных премиях. «Да, друзья мои, на Сталинскую премию можно было *жить!*» — сказал Трауберг, интонацией выразив последнее слово. То есть не просто купить по премиальной литературе машину, меблировать квартиру, съездить семьей позагорать и

покупаться в Крым, еще с полгодика умеренно пошниковать... Нет, при разумных потребностях, особо не обивая пороги редакций в части гонорара за новую книгу, «застрявшую» в издательской очереди, можно было и год, и другой, и третий, а иногда и поболее спокойно сочинять впрок (в гонорарный), не слыша обидных намеков от супруги насчет неизбежных женских «вот другие то купили, это приобрели, потому что с утра до ночи работают...».

«Но можно было и в раздраз по широкой русской душе пойти», — добро улыбался киноклассик. Именно от него Бурцев с однокашниками впервые услышали о том, как «расправился» со своей Сталинской премией, что Вождь дал ему всего за три песни, Борис Мокроусов: две недели на эту премию гулял в «голубом Дунае» на высоком берегу Волги почтай весь огромный Сормовский судостроительный завод...

Словом, был социальный заказ, а кто исполнял его с немалой толикой творческого дарования и умения, тот и премировался... по заслугам его. Это вам... здесь в голову размышляющего Андрея Бурцева что-то несуразное полезло со стороны включенного телевизора, что с увлечением смотрела супруга, а именно трансформировавшаяся в творческой писательской голове телереклама: «А вот вам коробочка с американским искусственным интеллектом, кешбэк вашу блогершу онлайн!».

◆ С середины девяностых годов, когда во многих городах и всяях, то есть в редакциях стремительно возросших числом литературных журналов, обозначились премии всевозможных наименований, то Андрей Матвеевич поначалу воспринимал их всерьез, хотя бы и были они безденежными... памятуя ту французскую с обедом в ресторане Парижа. Конечно, в те же девяностые сформировались в столице очень даже денежные литературные премии. Но

здесь Бурцев скоренько разобрался: это даже не советские, послесталинские «телефонно-звонковые» премии, чем отчасти баловались литературные генералы, особенно в эпоху «позднего Леонида Ильича», но прямая плата за либеральное угодничество и разрушение моральных устоев жителей новой страны — из рук подающих забугорных и отечественных олигархических... Опять же сугубо для своего круга «чего писать-сочинять прикажете?».

И даже попробуй он, провинциальный писатель Андрей Бурцев, вывернувшись изнутри наружу, продав за грош ломаный все свои прежние устремления ума и души, перепрофилировав свою «Срединную Россию» в идеолого-порнографический глянце-вый журнальчик с подзаголовком «Наш паровоз сошел с пути», все одно его бы на пушечный (из «Хаймера», дальнобойный) выстрел не подпустили бы к таким премиям. В последующие два десятка лет, «если и делая кривизну, то только следуя линии партии», как диссидентствовали беззлобно в золотые советские семидесятые, премии денежные хотя формально и отошли от либерального статус кво, но все равно сохранили этот статус «для своих». Чем сильно отечество наше, так незыблемостью администрирования, в структуре которого деление на своих и чужих изначально заложено.

Итак, невесело размышляя на сон грядущий Андрей Матвеевич, к нынешнему невеселому времени в литературном мире, без того чахнущем, сложилась такая премияльная тройственность. Денежные премии для избранного круга, своего рода аналог позднесоветским «телефонно-звонковым», попасть в который писателю «со стороны» сложнее, чем библейскому верблюду через игольное ушко пролезть. Сугубо безденежные, с дипломом, в лучшем случае с отчеканенной на деньги благодетеля медалью, основанные редакциями журналов, расплодившимися пи-

сательскими союзами и совсем уж диковинного происхождения. Церковь тоже безденежно приохотилась поощрять святоотеческих литераторов. Ну-у, это понятно и традиционно; здесь «не отсохнет рука дающего» есть принцип однонаправленного действия. Как это профессор Скородумов любит говорить о стреле времени Ильи Пригожина, русско-бельгийского выдающегося ученого. Как время только в одну сторону устремлено, так и в тонком, щепетильном вопросе в части «богу богово»... Впрочем, вспомнил Андрей Матвеевич литинститутский курс русского фольклора, что блестяще читал им улыбчивый Костя Кедров, сам заулыбался, припомнив жестковатые высказывания народной мудрости на этот счет, собранные полторы сотни лет с лшком тому назад Афанасьевым... Бог с ними, с деньгами! Бурцев эти премии одобрял, даже сам одной такой удостоился. Ведь где церковь, особенно наша православная, там и сложившиеся нормы морали. Главное, всяких либералов-либерастов головного мозга к ним не подпустят — на тот же самый выстрел.

Наконец, к стабилизации жизни в стране, даже чуть пораньше, в конце девяностых — начале двухтысячных, утвердилась и третья, достаточно многочисленная группа премий, провинциальных административных. В понятном соревновательном ажиотаже между областями каждая администрация — чем мы хуже других в части той же литературной культуры? — в лице департамента культуры отыскивала биографически привязанного к их краю более или менее известного, тем более знаменитого, писателя и основывала в его честь свою собственную премию. Разумеется, денежную для ее престижа, но скромную по размеру. Как еще совсем недавно разрешительно шутовали эстрадные «разговорные» жанристы: пенсия, мол, у меня небольшая, но хорошая.

Поскольку такие премии, хотя бы и провозгла-

шаемые как всероссийские, рассчитывались на своих, областных подопечных литературных муз, то последние и начали щеголять в своих визитках прописью «лауреат <такой-то> премии». Наиболее лавролюбивые ставили «дважды» и даже «трижды». Поначалу очередь на лауреатство регулировало руководство местной писательской организации — правопреемницы Союза писателей СССР (других самостоятельных администрация разумно не учитывала). Здесь все шло достаточно открыто, компанейски. Но с устроением вертикали власти и культуртрегерские департаменты разборчивее стали в выборе кандидатов на премии. Словом, все вернулось на круги своя.

◆ Совсем раззевался Андрей Матвеевич в своих премиальных размышлениях. Уже засыпая, пришел к обескураживающему выводу, а именно: *не премия для человека, но человек для премии*. Как историк по образованию, сразу аналогию библейскую, ветхозаветную приискал: не суббота (шабад) для правоверного иудея, а он для субботы. Поэтому когда древнееврейский врач Маймонид переиначил этот закон хотя бы для лекаря и его пациента, то есть врач может пользоваться больным в субботу, был предан синедрионом анафеме.

Бурцев, уже издавая свой журнал «Срединная Россия» в двухтысячные годы, до выхода на пенсию, для поддержания штанов продолжал учительствовать. Что-то поясняя ученикам, сказал о Маймониде и шабаде. На другой день директор школы, его закадычный друг и однокашник по учебе в педу, с восторгом рассказал ему, что на него к текущему часу дня в учительскую и в его кабинет подкинули уже восемь анонимных доносов с обвинением учителя Бурцева в злостном антисемитизме...

Алаверды — вечером, за парой-тройкой стопок в простонародной «стекляшке» — Андрей Матвеевич рассказал о сегодняшнем уроке. Вызвал он к доске

сынка среднеответственного чиновника городской администрации, протежируемого бабским педсоветом на выпускную медаль, предложил начертать мелом на аспидной доске века жизни Чингисхана и Тамерлана. Отличник выразился в том смысле, что «Чингисхан» — это древняя немецкая поп-группа, что светила на эстраде до его рождения. Относительно же Тамерлана выразился в том смысле, что не обязан знать возраст дворника их дома-пентхауса — из арбайтеров. Добродушно усмехнулся бывший педагог среднего образования: сейчас знаток древнеазиатской истории часто красуется в местных теленовостях; должность замдиректора департамента, министерства по-нынешнему, образования обязывает. Лауреат престижной педагогической премии Ушинского за разработку методики подготовки учащихся к сдаче *ЕГЭ* по общественным дисциплинам в части запоминания исторических дат их ассоциацией с названиями валют: до нашей эры — с рублями, средние века — с евро, нынешние — с долларами. Совсем разулыбался Андрей Матвеевич, даже загордился: какого ученика воспитал!

И уже совсем засыпая, вспомнил почему-то о Нобелевской премии. Опять же «со ссылкой» на профессора Скородумова. Несколько лет тому назад, в традиционной пятничной встрече в «Наливай-ке!» тот со смешком поведал: сегодня позвонил научный знакомый и коллега из одного сибирского академического института, с которым его познакомила и сблизила общность исследовательской тематики. На полном серьезе сибиряк предложил Игорю Васильевичу баллотироваться в этом году на «Нобеля» по физике: «Понимаешь, Игорь Васильевич, это обычная практика институтов ведомства Академии наук. Так сказать, свое название засветить в научном мире и хорошему человеку жизнь подсластить выдвижением в нобелевские лауреаты. Конечно, вероятность стать

таким лауреатом исчезающе мала, поскольку нобелевские медали и «конверты» расписаны кем надо до следующего века. Но зато ты сможешь при случае ненароком как бы обронить, что выдвигался на «Нобеля»!

Как рассказывал Скородумов друзьям в «Наливай-ке!», он даже тайм-аута для решения не стал брать, мигом представив, скольких новых недоброжелателей в своем «универе» он приобретет?.. Отказ его, впрочем, особо не удивил сибирского коллегу; дескать, понимаю, сам два десятка лет проработал в вузах. Извиняй меня, Игорь Васильевич!

...Нобелевский фантазмагорический сон привиделся писателю Бурцеву.

◆ Снилось: позвонил ему некто, представившийся Дмитрием Игнатьевичем Ознобкиным, предпринимателем и ценителем литературного слога, принятого в «журнале уважаемого, всероссийски известного писателя Андрея Матвеевича Бурцева». По деловой натуре, взяв быка за рога, ненавязчиво предложил встретиться, обговорить — чем может помочь? Два дня не мог прийти в себя от изумления Бурцев, а ввечеру третьего уже сидел в компании потенциального мецената за отдельным столиком для випперсон, то есть отгороженным от общего зала, в лучшем ресторане города с лирическим итальянским названием «*Dolce vita*». В седовласом Дмитрие Игнатьевиче сразу узнал своего ученика-старшеклассника по первому году работы после окончания пединститута. Дрожь волнительного восторга пробежала по коже. И было отчего: в лихих девяностых, под братковским погонялом Дима Коловорот, подмял под себя крышевание двух из пяти городских районов. Сейчас давно уже легализовался, владеет фабрикой, крупным рынком, сетью магазинов и еще чем-то неучтенным. За благотворительность удостоен несколькими медалями губернской чеканки. Заседает в раз-

личных общественных советах. Сын в депутатах ходит, а дочь замужем за московским воротилой в полуолигархическом звании.

...Хорошо провели вечер давних воспоминаний. Дмитрий Игнатьевич хвалил советское школьное образование и воспитание.

Уже через пару месяцев Бурцев увеличил в несколько раз тираж своей «Срединной России», а к наступившей зиме издал в солидной типографии шеститомное собрание избранных сочинений, экземпляры которого разослал по крупнейшим европейским и американским библиотекам, включая Библиотеку Конгресса США и Библиотеку города Сиэтла, штат Вашингтон, что на границе с Канадой на Тихоокеанском побережье. Библиотека эта всемирно известна как своим фондом книг, но особенно супермодернистским зданием. Не обошел вниманием и кафедры русистики-славистики знаменитых зарубежных университетов. Словом, ориентировался на учреждения, где находятся читающие по-русски: из бывших соотечественников всех волн эмиграции — с 1917 года по двухтысячные — для души, а профессоро-русистов по должностной обязанности.

...Прошло пять лет и Бурцев в один счастливый день узнал из теленовостей, что стал он... Нобелевским лауреатом по литературе! Велено явиться в Стокгольм к такому-то числу и обязательно во фраке. Но как сейчас, когда Европа полностью отгородилась от России, добраться до столицы Швеции? — во фраке, пошитом на деньги благодетеля-мецената Димы Колovorота-Ознобкина. На перекладных авропланах через Стамбул? — Но имел наш писатель простительную слабость: опасался летать на самолетах после того, как еще в молодости, будучи на просветительской конференции в Куйбышеве (еще не Самаре), решил вернуться домой на самолете внутренних авиалиний, который умудрился взлететь, не

заправившись горючкой. Аварии не случилось, самолет приземлился на ближнем военном аэродроме...

В шубе и валенках, как Ильич в семнадцатом году (вольнолюбивый сон перенес время вручения «Нобеля» с осени на зиму!), по льду перешел Бурцев (фраг уложил в рюкзак) Финский залив, выйдя на материковый берег в районе города Котки, от которого электричкой добрался до близкого Хельсинки. Недолгий путь от финской столицы до Стокгольма — по прямой через устье Ботнического залива на водоразделе его с Балтийским морем — проделал на пароме, выдавая себя за глухонемого датчанина. В свободном мире убогих уважают и не придираются по всяким пустякам навроде платы за проезд, паспорта и пр.

Свершилось! Вот он, во фраке и лакированных туфлях «маде ин не наше», поправляя на шее бабочку, поднялся на авансцену, зашел за трибуну, взглянул в зал — матушки-батюшки! Самая блистательная публика, в первом ряду шведский король Густав-Адольф номер такой-то, обочь королева Хельга. И вот тишина, Андрей Матвеевич вежливо откашлялся, готовясь начать нобелевскую речь... резко завывло, застрочило, все содрогнулось. Открыл глаза: раннее летнее субботнее утро. Накануне шел дождь, травка во дворе подросла на пару-тройку сантиметров от земли. Вот и явился неумолимый жэковский гастарбайтер Фархад с китайской травокосилкой, трещащей на весь квартал, — уничтожить зелень. Иной работы летом для арбайтеров нет, а на зиму они в свои кишлаки уезжают.

СКАЗКА О ЦИФРОФРЕНИИ: НЕ ВСТАВАЯ С ДИВАНА

♦ «Мир наш полон радостных чудес, зеленеет лес...» — по многолетней выработавшейся привычке напевал профессор Скородумов, когда в добром расположении духа и тела начинал в своем кабинете трудовой день. В неопределенном же состоянии почему-то в голову приходили строки революционизированной песни на музыку «Прощания славянки» композитора Агапкина:

*Товарищ Троцкий
С командой флотской
Нас поведет в последний бой...*

Но вот если накануне внепланово, то есть не в уикэндовскую пятницу, встречался с друзьями своими, доцентом Николаем Андреяновичем с военно-технического факультета их университета и писателем Бурцевым, то в угнетенном состоянии физиологии своего брэнного тела и вовсе переходил на иронический шансон: «Ален Делон не пьет одеколон. Ален Делон пьет двойной бурбон*».

Сегодня Игорь Васильевич как раз находился в состоянии прекраснодушия и спортивной подтянутости тела. И даже позволил себе вольность заменить слово «радостных» на «сказочных». Поскольку же не являлся финансово ответственным лицом, то грубое нарушение авторских прав неизвестного ему поэта, создателя песенных строк, его не беспокоило.

А почему сказочных? — по простой причине: вся наша жизнь в последнюю четверть века, как отголосок всемирного, глобального по-нынешнему, по-

---

* Виски на основе ржаного солода.— Прим. авт.

мешательства, перешла в сказочный телесериал, но не по Андерсену и братьям Гримм, а по Гофману.* Конечно, развеселый западный психоз сатанизма-демонизма и пидорасизма наше отечество в самый последний момент времени миновал — по стечению обстоятельств или директивно, временно или основательно, не будем задумываться, — но от той же цифрофрении отвертеться оказалось невозможно. Игорь Васильевич очень гордился своей филологической новацией введением в великий и могучий этого слова: цифра + шизофрения = цифрофрения... не меньше чем Федор Михайлович своим «стушеваться». И постоянно это говорил.

Самое интересное, что грамматический этот шедевр пришел в голову профессора Скородумова наутро после вечернего — накануне — просмотра теленовостей, из содержания которых в память накрепко запали два словесных шедевра: «цифровая водка в Казахстане» и «Дудинка — заполярный цифровой порт». ...И еще ранее слышанное «цифровое доение коров».

Правда, в последние полгода цифровые словосочетания как-то потеснились новомодным трендом «искусственный интеллект»**. Поскольку произошла замена одной широковещательной кампании на другую, то, соответственно, цифровые порты, водка, доение коров, беспилотные трактора и трамваи и пр. мигом получили словесное определение с этим самым «интеллектом». То есть «мы не сеем и не пашем, а валяем дурака», как в детстве распевал Игореха с дворовой пацантвой хулиганистую песенку, — и ны-

---

* Наверде «Элексиров сатаны». — Прим. авт.

** То есть автоматизированная система, по-научному конечный автомат, с качеством самопрограммирования — алгоритмом, заложенным конструктором системы; к какому-либо «интеллекту» никакого отношения не имеет. — Прим. авт.

нешнее продолжение на злобу дня: с колокольни наблюдаем цифрового топ-быка.

Игорь Васильевич наморщил высокоученый, натурально интеллектуальный лоб: ну не посетила его поэтическая муза и все тут! Очень сложно рифмуется этот «искусственный интеллект»; каким-то смрадно-леденящим холодом от него веет... потому и рифмы пугаются и в голову не идут. Это тебе не цифровая водка из Казахстана и даже не «17D водка оцифрованная безалкогольная»*. К ним-то всякая с удовольствием прильнет; от гастрономической «водка — селедка» до куртуазной «водка — красotka». Это там у них «Америка — страна, где гуляют и пьют не закусывая». У нас же все душевнее: раз выпил злодейки с зеленой наклейкой, так закуси от души и с красоткой под пуховую перину — на худой конец под сиротское байковое одеяльце. А красotka всегда найдется, памятуя народную присказку: «Или ты красивая, или я уже пьян?». Но ведь цифрофрения и «искусственный интеллект», здраво рассуждая, есть однояйцевые братско-сестринские близняшки.

Итак, скоро сказка сказывается про цифрофрению, которая в форме «искусственного интеллекта» достаточно скоро додолбает несчастное человечество до положения риз. И похмелье здесь не поможет.

◆ Собственно говоря, несколько не отвечающая научному статусу заслуженного профессора Скородумова идея сочинить сказку о цифрофрении вовсе не сама внедрилась в его голову. Дело было в прошлую пятницу, когда на традиционной встрече трех друзей в заведении «Наливай-ка!» они приняли на грудь несколько поболее обычной нормы. И спор возник по образцу ностальгических шестидесятых годов — о роли и первенстве физиков или лириков.

---

* Название нашего рассказа (см. в интернете).— Прим. авт.

Писатель Бурцев, понятно дело, склонялся на сторону последних: своя рубашка ближе к телу; опять же рыбак рыбака видит издалека.

Профессор Скородумов снисходительно заметил, что если человек состоялся как ученый, то и лирику при надобности самую разухабистую на овсяном киселе сможет развести. Николай Андреянович, хотя и доцент по ракетному делу, но с почти сорокалетней практикой инженерного дела в трижды орденоносном НПО «Меткость», потому рассудительный и несколько себе на уме, занял срединную позицию. То есть словесно поддакивая тому и другому, в душе таил надежду: разойдутся, проспят, а наутро и во все забудут о досадливо всплывших из далеких советских годов физиках и лириках... благо в девяностые годы все сколь-либо значащие физики уехали на заработки в Штаты и страны рангом пониже, а лирики самоликвидировались, поскольку народ в массе своей читать перестал. Поэзию в особенности.

Но тихая надежда доцента-ракетчика, увы, не сбылась. Наутро, в день субботний, Скородумов, как человек педантичный в части обещал-сделай, обзвонил приятелей и напомнил: к следующей пятнице вынь да положь, то есть расскажи в гостеприимной «Наливайке!» сказку, балладу или поэму в прозе, навроде «Мертвых душ», на заданную каждому тему. Себе Игорь Васильевич взял цифрофрению, коль сам название этой психической болезни придумал. Николаю Андреяновича досталось умозамещение, кстати, тоже с авторством профессора Скородумова. А с писателя Бурцева взятки гладки, раз сам из пишущей братии. Вот и пусть сочиняет поэму о толерантности.

«Не было у бабы забот, так завела пороса», — с легкой досадой, воспоследовавшей за утренним прекраснодушием, размышлял Скородумов, убедившись, что с наскоку даже самую пустяшную сказку не придумаешь. Значит переоценил всеядность физиков,

мол, мы лириков шапками закидаем... только вот гусиные перья поострее заточим. Так и пойдем строчить, изводя дести финской бумаги высшего сорта. Впрочем, уже третий год как торговли с Европой нет. Придется довольствоваться отечественной бумагой, тем более, что оборудование и технологии успели в мирное время от западников завезти. Точно по неувядающим словам Ленина — Сталина: брать у загнивающего империализма все полезное — кроме идеологии и так называемой культуры. Разумно! Пока «за лес и пеньку» ввозят к нам... в смысле пока везли за нефть и газ.

Однако ж чертова сказка? И ведь сам напросился!

◆ Настенные часы кабинета сомкнули обе стрелки на двенадцати: адмиральский час, а во всех вузах страны традиционный обеденный. Как повелось от Петра Первого и первого же российского университета. Сократив обед до стопки грузинского коньяка «асканели» — для творческого вдохновения, — Игорь Васильевич наконец-то нащупал сразу несколько тем сказки о цифрофрении. Философский вариант подсказало изречение Фридриха Ницше, кажется из его «Заратустры», которое он несколько лет тому назад использовал в качестве эпитафии к очередному тому своих научных сочинений об империалистической глобализации мира и расчеловечивании вершины биоэволюции — *хомо сапиенс*. Это где великий моралист и скептик пишет о тихих словах, приносящих бурю, и управлении миром мыслей, что приносит в своих лапках голубь.

Так и сюжет сказки о цифрофрении зиждется на абсолютной взаимосвязи всех процессов в глобализованном мире, опутанном во всех измерениях цифровыми информационными сетями, по сравнению с которыми нынешний интернет-уманет есть детская присказка-считалка.

Итак, некто Иван Иванович или Джон Джонович, Али Алиевич и так далее, ибо в окончательно глобализованном мире не то что пятый параграф в паспортах, но и указание на расовую принадлежность напрочь отсутствует... словом, рядовой обыватель земшара с идентификационным номером *011010001...10* во время дозволенной регламентом жизнедеятельности часовой прогулки купил в киоске-автомате вечную живую сникерсную шоколадку с успокаивающей бромовой начинкой. Расплатился прикладыванием указательного пальца левой руки, в подушечку которого вживлен при рождении чип общения с внешним миром, к экрану валидатора (денег ликвидатора) со светящейся надписью на пиджин-инглиш*: «Платите как вам удобно». ...И пошел себе дальше кругами по огороженной площадке для прогулок, похрустывая лакомством с сахарозаменителем.

Как ни ничтожна, цента-копеечна была плата, но ее отголосок, разлетевшийся от ларечного валидатора, заставил вздрогнуть глобальную информационную сеть. Глобцентрбанк оперативно откликнулся повышением учетной ставки в ряде африканских условных стран — производителей сникерсного шоколада, а также повысил финансирование отраслей — изготовителей брома и сахарозаменителя. Конечно, на ничтожнейшие *0,00...01* % повысил то и другое, но ведь отреагировал! Если капитализм — это учет, то глобо-империализм есть учет учетистого учета; на то целые дивизии кешбэкистых голов (кешбэк-кентов) во всех сферах глобоэкономики за компами день и ночь сидят! — и не просто сидят, штаны из синте-

---

* То есть «голубиный английский» — упрощенный (без норм грамматики) английский язык, сложившийся в торговом флоте в XIX—XX веках для общения между моряками различных национальностей. Нечто похожее в глобализованном мире полагается единым языком мирового общения... — Прим. авт.

тики протирают, а улавливают все эти сникерсные покупки и вводят в систему искусственного интеллекта, которая и производит повышение на эти ничтожнейшие 0,00...01 %.

Такие же парниши, только в униформах с надписями-названиями ведомств на спинах, сидят популоротно в службах услуг правопорядка, глобальной толерантности, взаимного добровольного контроля, охраны человека от его же недозволенных мыслей и пр. и пр. Всего сто сорок семь наименований в двоичном коде. Мигом идентификационный номер опрометчивого покупателя сникерса с бромом был занесен в компьютерную память этих ведомств. А анализ — по темам ответственности их — в сочетании с покупками за период от 10:00 до 12:30 часов единого мирового времени сахаро(искусственного)шоколадосодержащих предметов остального земного населения заставил глобальный искусственный интеллект выдать ряд промежуточных директив политического, продовольственного, климатического и пр. характеров.

Еще через три часа «мысли, приносимые голубем в лапках», то есть покупка сникерса с бромом *ИН 011010001...10*, имели следствием уже генеральную директиву глобального искусственного интеллекта, обязательную к исполнению. В условных вечерних новостях для ИН-народонаселения было объявлено об объединении двух условных государств в Африке, ликвидации нескольких автономий, условных разумеется, тихоокеанских островных стран, увеличении квот на размножение в государствах с нечетными номерами в их (номерных — для политкорректности) номерных названиях. Кроме того, условно женскому полу, проживающему выше пятидесятой широты северного полушария и ниже той же пятидесятой широты южного полушария, отныне разрешалось носить юбки вместо толерантно-феминистских брюк. ИН-народ ликовал, славил партию и правительство.

...Игорь Васильевич уже символично потирал руки: ай да Скородумов, ай да сукин сын! Какую сказочку сочинил, а? И тут же потерянно сник, вспомнив, что очень даже похожее более чем на полвека ранее сочинил американский фантаст Рэй Бредбери: о ненароком раздавленной гусенице.

Оно, конечно, совпадение в тезисах говорит о правоте, но... бери мочало, начинай сначала, а писатель Бурцев приклеит ярлык литературного плагиатора.

♦ На этих размышлениях о сказочном плагиате в дверь кабинета вежливо постучали. Вошел аспирант и своими маловразумительными вопросами тотчас отпугнул от головы профессора робкую литературную музу. И последовавшие заботы до окончания трудодня держали ее на почтительном расстоянии от Игоря Васильевича. Только подходя к своему дому решил задачу с новой темой сказки: чет-нечет, красного в угол, козыряем тузом! Словом, загадал: войдет в квартиру, включит телевизор, дождется скорой рекламы, а как услышит первый слоган, так и приспособит его к теме сказки о цифрофрении. Уже через четверть часа выпало: «...не вставая с дивана».

Но как приступить? Опять же дом, в смысле квартира, да еще вечером, когда семейство в сборе, тот же телеящик верещит, супруга с подругами аж на два фронта — по домашнему телефону и дьявольскому смартфону — общается... да и организм после трудового дня в домашнем тепле и уюте ленивостью расслабляется. Но недурственная память услужливо подсказала профессору — в смысле напомнила содержание прочитанной книги великого французского математика, истинного создателя теории относительности Анри Пуанкаре под названием «О науке». В частности, двоюродный брат президента Франции и президента французской Академии наук — оба с теми же фамилиями — писал, что за-

частую именно во сне к нему приходит доказательство самых мудреных теорем и гипотез.

Кому-кому, но выдающемуся ученому Скородумов верил безоговорочно. С тем и лег почивать пораньше, чтобы за время удлинённого сна сюжет сказки развернулся почти дословно: утром встал, почистил зубы, умылся, заварил чай и, удобно устроившись за письменным столом, записать готовую сказку.

Увы, проснувшись в лучах уже подпрыгнувшего над линией горизонта солнца, Игорь Васильевич пришел к неутешительному выводу: на то он и Пуанкаре, чтобы даже во сне трудиться на великую математическую науку. А слепое подражанье не гарантирует урожай мысли. Даже посмеялся над собой: такая чушь непроворотная снилась всю ночь! Почему-то в африканском колорите и времен шестидесятых годов, когда каждый день в последних радионюстях диктор — вроде как сам Левитан? — радостно сообщал о новом независимом африканском государстве, сбросившим с себя ярмо колониализма... и так далее.

Причем во сне события на Черном континенте трактовались в тех словах и выражениях, в которых последние новости обсуждались ребячней в школе и во дворе. Понятно, с участием парнишки Игорехи Скородумова. Снилось, как в только что освобожденном от бельгийских колонизаторов новодемократическом Конго произошел госпереворот, а именно: три заговорщика — Жозеф Мобуту Сека Сёсе Рваза Мвбанга, лейтенант Чомбе и сержант Касавабу — арестовали и съели законного президента Патриса Лумумбу. В продолжении каннибальского сна, почему-то в шестидесятые годы Морфей перенес более поздние события: провозгласивший себя императором Центрально-Африканской республики Жозеф-Наполеон Бокасса, людоед, съел своего министра, шофера, любовницу и под конец личного повара, готовившего императору человечину под соусом...

О причине гастрономической направленности сновидений Игорь Васильевич скоро додумался: рано ложась спать — с благой целью — он не съел обычного дополнительного ужина — пары бутербродов с чаем, поскольку всегда допоздна читал или писал.

Укороченную сказку о цифрофрении он наспех и без интереса додумал уже в своем кабинете.

◆ А раз без охоты-интереса, то и сказочка так себе сложилась: на три с минусом, как бы в школьном детстве строгая Мария Ивановна, учительница русского языка, сказала бы... не ему, Игорехе Скородумову, твердому хорошисту, а кому-нибудь из злостных «камчадалов»: Витьке Гомозову или Пашке Стрекопытову, дворовым его друзьям.

Забегая вперед, скажем, что когда на оговоренной встрече в «Наливай-ке!» Игорь Васильевич рассказал сказку о цифрофрении, то писатель Бурцев, как профессор и ожидал, сходу уличил сказителя аж в двойном плагиате. Во-первых, сослался на фольклорного Емелю-дурачка, что на печи сидя, все свои жизненные потребности удовлетворял. «Как и твой персонаж, Васильич, что не вставая с дивана, с помощью мобилы смартфонистой все платежи квартирные удовлетворяет в пользу множества частных и государственных компаний и организаций, пиццу и другое едово «Яндекс-Еде» заказывает и так далее вплоть до — шалость подпустил, дорогой! — вызова на дом длинноногой и волоокой профессионалки для тайского и французского массажа».

Во-вторых, похвалив Игоря Васильевича за верность классической русской литературе, прямо указал на идейное сходство героя его сказки и... Ильи Ильича Обломова, нетленного персонажа пера славного мореплавателя на фрегате «Паллада», а затем главного цензора Российской империи.

Заиграв обиду внеочередной стопкой, выслушав слова утешения от приятелей, Игорь Васильевич со-

гласился: слишком легкомысленно он отнесся к пробе пера в литературном творчестве. Понадеялся: дескать, заслуженный профессор, автор десятка научных теорий и пр. и пр.! А что нам стоит дом построить? — то есть на досуге сказочку немудреную сочинить...

Писатель же Бурцев, со снисходительностью профессионала в сочинительском деле и выпускника Литинститута, разъяснил: сказка, как особый жанр, только с виду незамысловата. На самом же деле в сказке, как в хорошем анекдоте, всяко лыко, в смысле слово, в строку. Но главное, в сказке должен быть «намек — добру молодцу урок», то есть добро в ней обязательно побеждает зло. А разве цифрофрения есть добро, раз она в реальной жизни победоносно шествует? Вот наш Костя Кедров, ведущий у нас в Литинституте курс фольклора, говорил про структуру сказки...

Но неудачный сочинитель Скородумов слушал рассеянно, ибо и сам с усам, сообразил что к чему. Про цифрофрению ловчее не сказки сказывать, а трагедии шекспировские сочинять. Тем более, что сейчас в подлунном мире каждый второй обитатель в положении короля Лира оказался, а первый и вовсе Гамлет, с сумасшедшинкой. И подстать грустным размышлениям профессора Бурцев подлил масла в огонь, зачитав строфу из стихотворения своего любимого поэта Максимилиана Волошина:

*Безвестных стран разбитые заставы.
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.**

Действительно, на смену многоцветной жизни бывшего оразумленного человечества грозиво надви-

---

* Из стихотворения «Города в пустыне» из цикла «Киммерийская весна»; книга «*Selva Oscura*». — Прим. авт.

гается иное бытие: бесконечные ряды, шеренги, моря и горы цифр, нулей и единиц. Нуль — содержание человека, а единица — кол в изгороди, к которому этот человек привязан. Вот и вся сказка.

БАЛЛАДА ОБ УМОЗАМЕЩЕНИИ

◆ ...Таковая тема досталась по разнарядке доценту-ракетчику Николаю Андреевичу после памятной встречи друзей в заведении «Наливай-ка!». Как человек военно-инженерного склада и многолетнего опыта жизни, и к этому необычному для него делу подошел основательно. Что такое умозамещение? — знал от изобретателя этого термина профессора Скородумова, одного из конфиденентов той тройственной встречи в «Наливай-ке!».

Как в бытность его инженером в оборонном научно-производственном объединении «Меткость» не раз и не два приходилось составлять ведомость замещений на материалы и комплектующие разрабатываемого «изделия», так и умозамещение Николай Андреевич понимал как замену в человеке традиционном отдельных его частей, а именно в части работы его мозга. Поскольку же в технике ведомость замещений по определению полагает хотя и допустимое, в пределах технических условий, но все же снижение рабочих характеристик, так и в отношении умозамещения предполагается: Федот да не тот.

Вот уж истинно: литератором не родился, так баллады сочинять подрядился ни за овсяный блин... При всей пожизненной любви к чтению, преимущественно русской классики, Николай Андреевич как-то смутно представлял себе жанр баллады. Писатель Бурцев тогда же, во время заключения пари, кратко разъяснил его специфику. Конечно, баллада есть произведение поэтическое. Но поскольку оно же и рассказовое по композиции и сюжету, то и в

прозе изложить можно. Как, например, роман «Испанская баллада» Лиона Фейхтвангера. Самое же отличительное, по словам Бурцева, что в основе баллады лежит заимствование из исторических или сказочных преданий. Словом, вариант былины или легенды. Усевшись на своего профессионального конька, Андрей Матвеевич продолжил конкретизировать содержание баллады, обращаясь к авторитету таких мастеров жанра, как Петрарка, Шиллер, Гёте, Гейне, наши Жуковский и Пушкин с Лермонтовым, но Николай Андреевич уже вполуха слушал, поскольку суть уловил... как наводчик противотанковой ракеты зафиксировал в дыме поля боя контур «Абрамса» или «Леопарда».

Вот в таких, «железных» делах опытный конструктор-оружейник даже в стихах балладу размером в авторский лист сочинил бы, но вот умозамещение? Опять же великий наш баснописец двести лет назад насчет пирожника и сапожника все разъяснил: доходчиво и в стихах.

Но с другой стороны: сейчас во всем мире и по самым различным направлениям идет замещение в живых организмах. Взять те же геномодифицированные продукты питания? Ведь все что относится к жвачке, особенно растительной, нынче совсем иное нежели бывшее лет двадцать назад. Единственно что названия прежние остались и внешняя похожесть. Но вкус совершенно иной... точнее отсутствие вкуса. Резиновые какие-то и храниться могут по полгода при любой температуре. Даже червь брезгует нынешними яблоками. И бабки, торгующие картошкой на рынке, давно не жалуется на колорадского жука. Видно и ему модифицированная бульба не по зубам...

А человек чем хуже в линейке такого заместительного прогресса? Ведь все в живом мире взаимосвязано. Склевала курица геномодифицированные зернышки и сама в чем-то изменилась, что-то в ее

организме заместилось. Потом курица в неживом, ошипанной виде попала на прилавок. Купила ее хозяйка и зажарила, подала на стол: детки скушали, а супруг стопку-другую ею закусил. И хозяйке крылышки достались. Вот и вся семья, ячейка общества, уже заместилась в каких-то биологических особенностях.

Разохотился Николай Андреевич и скоренько сочинил балладу об умозамещении.

◆ Джо Маркувиц, приглашенный профессор в подведомственном Лэнгли* Учебном центре интеллектуальных технологий (УЦИТ), что расположился неподалеку от «кормящей матери», в полусотне миль от Александрии, чуть подальше — Вашингтон, не жалел, что полтора года тому назад оставил Гарвард и переехал с молодой еще своей семьей в это тихое местечко.

Хотя и недавней постройки, но выдержан в стиле классических американских университетских городков: учебные здания со студенческим кампусом, а окрест их преподавательские коттеджи: профессорам целиковый, рангом пониже — один на двух, неважно, холостых или семейных. Никто из политкорректности вслух и даже в мыслях про себя не говорил, но бодрило и отсутствие в среде студентов и преподавателей цветных — черных и латиносов. Это имело свое обоснованное значение для специфики закрытого от непосвященных учебно-исследовательского центра. Да и собственно студенты были условные, в основном уже имевшие образование, гражданское или военное, год-другой проработавшие или прослужившие. Но те и другие курсанты, так правильнее будет назвать, в возрасте начала второй половины третьего десятка лет, имели квалификации и

---

* То есть ЦРУ, штаб-квартира которого находится в Лэнгли, штат Вирджиния. — Прим. авт.

начальный опыт работы, так или иначе связанные с психологией поведения, психолингвистикой, нейросетевыми технологиями и другими, более специализированными отраслями социобиологических, информационных, психосоциальных отраслей науки и практики. По этой причине, то есть наличия некоторого «стартового» образования, и срок обучения в УЦИТ составлял всего три года. Как в академиях для старших офицеров.

Предмет Джо Маркувица именовался несколько витиевато: «Введение в теоретическую и прикладную психологию замещения установок на уровне бессознательного». Однако статус закрытого учебного заведения — все свои, наружу не выйдет, а черный юмор в чем-то скрашивает жизнь — позволял заглаза, каждому в своем кругу общения, называть эту дисциплину *умозамещением*.

Впрочем, когда тридцатичетырехлетний — для Гарварда и вовсе молодой профессор — Джо год с лишним назад переехал в городок УЦИТ'а, то руководитель Центра, трехзвездный генерал, Впрочем всегда в штатском, обходившийся накоротке и в официальной обстановке без упоминания своего звания, представлял новоприбывшего профессора своим заместителям по научно-координационной и учебной части, тоже по-военному особо не политкорректировал:

— ...Джо Маркувицу предстоит создание новой для нашего заведения дисциплины. Поэтому первые пять месяцев, то есть до начала следующего учебного года, в учебном процессе участвовать не будет. По ранее имевшей место быть договоренности, он уже в Гарварде начал вчерно готовить свой специализированный курс, а в эти полгода без малого доведет его до завершения. Впрочем, большую часть этого времени Джо проведен в командировках, включая европейские и азиатские. Само же содержа-

ние этой новой дисциплины, а во многом и новой научной отрасли, профессор Маркувиц обсудит с вами. Говоря по-армейски, нечто навроде замещения в содержании головы. Это по части психологической обработки масс... когда потребуется. А судя по всему — я имею в виду европейские нынешние события, сложности с Китаем — это уже и потребовалось. Давайте знакомьтесь, профессора в дела вводите, а вечером у меня соберемся на барбекю под бурбон, отметим пополнение нашего замкнутого круга. Словом, до вечера!

Джо Маркувиц был в том возрасте, когда всякое новое дело в удовольствие. С каждым днем контуры новой научной отрасли превращались в строгие и выверенные алгоритмы и программы, пояснительные параграфы. Частые командировки в пределах Штатов, а Англию и Германию, в Японию, тамошние встречи «профессора из Гарварда» с ведущими учеными различных отраслей психологии и физики мышления, — все это давало новые импульсы. Темы бесед он строил нарочито безотносительными: полезными для себя, но не раскрывающими сути интереса для собеседников.

Впрочем, как ни маскировался Джо, но иногда его и «вычисляли». Особенно сложно было с проницательными британцами. То же светило английской науки, недавно ставший нобелевским лауреатом и удостоенный королевой титула сэра Роджер Пенроуз, специалист в области психофизики и механизмов мышления, внимательно выслушал доводы Маркувица в части управляемости передачей информации от подсознания в активное сознание, кивком головы одобрил их, а изустно не совсем внятно, рассеянно глядя обок головы американского профессора, задумчиво протянул что-то навроде «и до этого дело дошло значит...».

Памятуя подобные «проколы», Джо старался бо-

лее-менее конкретно разговаривать не собственно с большеголовыми мэтрами, а с сотрудниками среднего звена их кафедр и лабораторий, выбирая кого помоложе: у них только нужные ему цифры в голове, но жизненная проницательность еще не выработалась.

Будучи в Токио, встретился с профессором Мацуо Комацу, из беседы с которым он много чего изменил в своем подходе к определению роли детерминированного информационного шума в директивном формировании образцов подсознательной памяти. За эти пять месяцев со многими мировыми светилами имел честь познакомиться — ранее ему известными лишь по публикациям.

За месяц до начала учебного года, первого для Джо Маркувица в Центре, когда он завершил работу, с удовольствием воспользовался положенным отпуском, который и провел с женой и двумя детьми в пансионе на Великих озерах. Лететь куда-нибудь на Гавайи, французскую Ривьеру или Юго-Восточную Азию — с души воротило после почти полугодовых странствий. И супруга Бетти, родом из маленького городка в Пенсильвании, воспитанная в семье, еще помнящей квакерские традиции, не возражала провести месяц на спокойном и нежарком берегу Онтарио.

Отпуск в местах, воспетых Генри Дэвидом Торо в его нетленной книге «Уолден, или жизнь в лесу», прошел быстро и безмятежно. Заодно Джо до слов и интонаций отточил свою вводную лекцию, памятуя, что как себя поначалу преподнесешь, таким и останешься в глазах (и головах главное!) слушателей — условных студентов. Пришел и ее академический час.

◆ — Как Блеза Паскаля страшил вид бесконечного, непознаваемого ночного неба, — поздоровавшись с аудиторией собравшегося второго курса, начал Джо Маркувиц с оттенком гарвардского ши-

ка,— так и нас, ныне живущих в этом, не лучшем из миров, содрогает озноб в напряжении удержания своего разума от представления черты, разделяющей традиционное понимание сути эволюции человека и инобытия человечества, в котором, возможно, мы уже находимся, а сущности которого человеку знать не дано — только неоразумляемое движение к абсолютному расчеловечиванию.

По лицам вашим вижу, что не вчерашние школьники здесь собрались... опять же спецнабор, самые откровенные тестирования прошли. Поэтому и воспринимаете мои вводные слова не как черный юмор, но именно в объективной реальности их смысла и содержания. Увы, расчеловечивание — это сегодняшней диктат безжалостной к человечеству его же эволюции. И наши выдающиеся политологи, те же Тоффлер, Тойнби, вечный старина Джордж Сорос, прямо об этом пишут. Есть догадливые умы в Старом Свете; даже в далекой, вечно отстающей от западного мира России, где-то в ее глубинке профессор *Скородумофф* своеобразную концепцию расчеловечивания создает. Кто из вас знает русский язык, или с помощью автопереводчика, может ознакомиться в интернете.

То есть все человечество устремлено к полной своей примитивизации, но ведь мир-то, как и раньше, разделен на противоборствующие экономически, политически, религиозно и идеологически союзы и блоки. И имеет место реальная ситуация: люди, как библейские гадаринские свиньи, всем стадом мчатся к высокому обрыву над бушующим морем. Всех ждет одна судьба, но люди в этом беге к неминуемой стремятся, тем не менее следуя врожденному инстинкту взаимной вражды, даже в ситуации общей гибели стараются чем-то напакостить друг другу. Увы, человечество так и не смогло избавиться от инстинктов пещерного своего детства: борьба

за выживание, принявшая сейчас такие нелепые формы!

Самое существенное, что эта взаимная вражда поставлена на уровень государственного управления. И наше учреждение — его рабочий орган. Ну-у, это вам в той или иной степени откровенности объяснили еще на первом курсе. Это я говорю вам в качестве введения к нашему предмету, вновь, начиная с вашего набора, вводимого в систему обучения. Будем для краткости называть его *умозамещением*. Кстати, термин этот принадлежит уже упомянутому мною русскому профессору *Скородумоффу*. Задача ставится следующая: всеми возможными способами привести мысли людей противостоящего нам государства в ранг замещения естественных факторов индивидуального и коллективного мышления некими искусственными, навязанными извне, тем самым сделать эти массы управляемыми, что есть директивное ускорение в направлении окончательного расчеловечивания. Здесь кто кого перегонит на скорбном пути к тому самому библейскому обрыву. То есть внешне парадоксальная ситуация: человечество соревновательно поторапливает свою эволюцию умозамещением ускорить расчеловечивание.

Но хорошо бы требовалось умозаместить население противоборствующих стран, потенциального противника. Это понятно и традиционно: с пещерных времен все средства хороши в борьбе с теми, кто является действующим или потенциальным врагом. В борьбе тем оружием, которым располагает. И если в наше время таким оружием являются средства проникновения в мозг человека, то их и использовать! Это дипломаты политкорректно изъясняются в своем кругу. Но воюют-то люди с практическим девизом: цель оправдывает средства. Иезуиты здесь не при чем — реалии жизни таковы.

А все дело в том, что задача умозамещения рас-

параллеливается: с одной стороны, она направлена своим действием на противника; с другой же стороны, целью умозамещения является *все человечество* в совокупности! — значит и наши добрые, опекаемые нами граждане. Это не парадокс, не старинное рыцарское правило «сражаться на равных»... хм-м-м, были же времена? Нет, друзья мои, мы все — по ту и по эту сторону противостояния — имеем сомнительное удовольствие жить в эпоху уже торжествующей глобализации, а она, достопочтенная, возможна и эффективна только при всеобщем равенстве, в том числе и равенстве в категории умозамещения. Несколько натянуто звучит... как и все принципиально новое. Все тот же русский профессор *Скородумофф* именует это положительным решением теории Гёделя о неполноте. Но — это к слову.

In God we trust* — наш американский девиз. Конечно, в двадцать первом веке не в седовласового Саваофа мы верим, но в направляющую «руку» Мироздания, которое дает земному человечеству самые разнообразные «поручения», в том числе и вроде как направленные против него самого. Но это эволюция, которая не дает застояться человечеству, ибо стагнация прекращает развитие, движение и изменение жизни.

С другой стороны, человечество достигло потолка своего совершенства, предела развития ума. Это вряд ли подвержено сомнению. Ну-у, это вам на лекциях по курсу социальной философии мэтр Эндрю Маттлок более квалифицированно и подробно разъяснит. Я же, с вашего разрешения, сделаю пару глотков воды и перейду ко второй части вводной лекции — о практическом содержании нашего предмета.

♦ — Продолжим. Умозамещение отличается от традиционно понимаемого зомбирования. Последнее

---

* В Бога мы верим (англ.). — Прим. авт.

делает установку на цель, а умозамещение суть движение в изменении направления и содержания мышления. Сегодня мы слишком часто обращаемся к русским именам. Понятно, что в нашей специфической деятельности русские — наш неизбежный, в чем-то даже достойный противник, и здесь мы просто отмечаем мысли их ученых, вошедших в арсенал нашей научной дисциплины. Поэтому в контексте упомянем и Льва Троцкого. Надеюсь, эта своеобразная личность, не последняя в международном политическом мире первой половины прошлого века, знакома вам по университетским курсам, через которые большинство из вас прошло. Так вот, именно Троцкому обычно приписывают высказывание: движение все, цель ничто. Хотя бы оно и было заимствовано им у кого-то из философов эпохи Просвещения, кажется у Дидро.

Применительно к нашим интересам, цель умозамещения известна только, хм-м, эволюции, что не по нашему ведомству. А вот движение и составляет существо умозамещения. Начнем с простенького наглядного примера.

...Далее до окончания баллады об умозамещении слова профессора Маркувица Николай Андреевич «переводил» на понятийный, слегка литературно-художественный язык из содержания очередного научного труда Игоря Васильевича Скородумова (у американца Джо Маркувица — *Скородумоффа*... это как «наш» Тинькофф, не сходящий круглосуточно с «рекламных пауз»), что тот недавно презентовал своему другу со словами: «Почитай, Андреевич, на досуге. Прав я, а может и заблуждаюсь, но умозамещение прямо-таки стучится во все двери мировых домов, дворцов, хижин, саманных и глинобитных хат. Обдумай и свое веское, наблюдательное по жизни, мнение выскажи». Чуть помолчав, добавил: «Я, как сам хорошо знаешь, не отношусь к катего-

рии так называемых квасных патриотов. Это по части чиновников и телевизионщиков; тем они свои зарплаты оправдывают. А просто коренной русак, как ты и Андрей Матвеевич Бурцев, разумеется. На жизнь трезво смотрю... даже если мы с вами веселой компанией только что вышли из пятничной «Наливай-ки!». Но при всем при том не сомневаюсь ни на йоту, что все дерьмовое к нам идет из Америки. Не зря же еще Томас Манн определил эту страну как пришедшую к цивилизации, минуя этап культуры. А еще раньше Чарльз Диккенс, если не ошибаюсь, высказался в том смысле, что историческая миссия Америки — это опозлать не то что весь земной мир, а вообще Вселенную. Так что и умозамещение идет оттуда же... опробованное на самих американцах. Значит, опыт у них уже накоплен значительный. Теперь вот за остальной мир взялись. Не сомневаюсь, что и служба у них, что-то навроде филиала ЦРУ, соответствующая уже создана. Так что никакой конспирологии, друг мой, только факты и... здравая мысль!».

...Опять же забегая несколько вперед, когда в очередную пятницу профессор Скородумов, доцент-ракетчик Николай Андреевич и писатель Бурцев посетили заведение «Наливай-ка!» и отчитались о выполнении самими же придуманных заданий, то Игорь Васильевич похвалил Николая Андреевича за балладу об умозамещении и даже, всхрипев, поблагодарил за рекламу профессора *Скородумовфа* в среде американских ученых-цэрэушников. «Особенно приятно,— заметил профессор,— что такой демарш предпринят в наше беспокойное время, когда на Западе постановили «запретить» все русское, науку в том числе. Но мы хотя бы в литературном творчестве этому воспротивимся. Бум здравы!».

ПОЭМА О ТОЛЕРАНТНОСТИ: КЕШБЭКИСТОЕ СКАЗАНИЕ О БИЗНЕСЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

♦ Из нашей славной троицы, не претендующей на святость, заключившей пари на сочинительство во время традиционной пятничной встречи в заведении «Наливай-ка!» лишь Андрей Матвеевич Бурцев был профессиональным писателем. Ему и карты в руки, в смысле очиненное гусиное перо. И он не подвел друзей, сочинив поэму о толерантности... как Гоголь: поэму в прозе.

Как их учил уму-разуму в Литинституте на лекциях по фольклору улыбчивый Костя Кедров, начертывав мелом на доске

А и неА → побеждает А,

— все сказки строятся по одной схеме: персонаж **А** олицетворяет добро, а **неА** — зло; в итоге всегда побеждает добро. В зависимости от сюжета и морали сказки добро и зло есть персонажи, обстоятельства, процессы в их движении и так далее.

Добро усмехнулся Андрей Матвеевич, окунувшись в ностальгическом воспоминании в веселые и познавательные литинститутские годы. Но то сказка, а у него будет сказание, то есть осерьезненная сказка, отнесенная к текущей реальности. Так сказать (Бурцев мысленно извинился сам перед собой за случайную тавтологию), действительность в ее идеализации. Словом, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», стать одновременно «кузницей, житницей и здравницей», говоря словами товарища Саахова из бессмертной комедии Гайдая...

Но заминка в том, как не устает обосновывать профессор Скородумов все в новых и новых томах своей научной теории о конце привычного человеку традиционного мира, что добро и зло в современном

глобализованном мире стали равнозначными понятиями. «И пускай колючка на заборе, и пускай сметется вертухай», — воспринимается сейчас не как чуждый еще недавно блатняк, но почти как лирика славных прошлых лет.

И решил Андрей Матвеевич: вот сейчас включу буквально на пять-десять секунд телеящик-дебилизатор, включу наугад, нажав кнопку на пульте, не глядя на него, а что первое услышу, то и определит: в реальном мы мире живет или уже в виртуальном сказочном? Нажал он наугад кнопку и услышал окончание фразы, произносимой дикторшей в теленовостях: «...Отныне должников по алиментам не будут пускать на футбольные матчи» (в качестве зрителей, как он сообразил). После чего твердо решил: живем уже полностью в мире виртуальном — все по теории профессора Скородумова! Чуть было засомневался в категоричности своего утверждения, но вовремя вспомнил о недавних своих наблюдениях над ребятами от старшесреднего школьного возраста до студенческого, что разбойничьими ватагами мчатся по тротуарам на китайских электросамокатах, распугивая до нервной дрожи мирных пешеходов. Суть же наблюдения в следующем: если до недавнего времени относительно редко можно было увидеть катающихся парой на одном самокате, то после введения многотысячных штрафов за двухспальную езду число таких резко увеличилось. Пару раз встречал и тройную поездку, причем с экипажем только из худосочных девиц, явно восьмиклассниц — возраста первичной половой зрелости. Нет, точно виртуальная жизнь!

...Жаль, что давно уже ставший известным по этому и литературоведом Константин Кедров, ранее публиковавшийся в журнале «Срединная Россия», издаваемом его литинститутским студентом Бурцевым, не подавал вести о себе. А то можно было на-

прямою, по телефону или по «мылу», задать вопрос: справедлива ли та знаменитая формул про **А** и **неА** а наше странное время?

Подумал, подумал Андрей Матвеевич, огорчился, затем сходил на кухню, принял рюмаху диковинного французского кальвадосу *Duc de Normandie* — презент от благодарного автора журнала — и написал на одном дыхании поэму о толерантности, как кешбэкистое сказание о бизнесе и социальной гармонии, в которой **А** и **неА** чудесным образом объединились в нынешнем виртуальном мире... будь не к ночи он помянут.

◆ Но перед этим единым творческим порывом Андрей Матвеевич трое суток дожидался резкого снижения жары, стремительно, до полуторастолетних рекордов взявшей старт в самом начале этого летнего месяца. Причем эту пятидневную жаркую погоду, вроде как и обычную для середины лета, СМИ в теленовостях расписали в самых пугающих сравнениях и оборотах речи: иссушающий зной, сплящее солнце с небольшим перерывом на короткую ночь «макушки лета», застывший воздух, плотный и всежигающий — так и представляется схожая консистенция в самой большой доменной печи череповецкой «Северной Магнитки»... Словом, всякий имеющий глупость слушать метеосводки в теленовостях (по радио говорят сухо и конкретно, без красочных живописаний) понимал внушение: лучше в эти дни нубийской пустынной жары ничего не делать, сидеть сиднем возле кондиционера, а еще лучше в подвале своего дома, дожидаться шестого дня творения. А в этот спасительный день над Среднерусской равниной сшибутся сразу три антициклона, после чего температура упадет на десять градусов, что соответствует климатической норме.

Но особо не радуйтесь, суровела голосом телевестовщица: этот шестой погодный день творения и

вовсе желательно переждать в бомбоубежище — из числа тех, что сохранились с советских времен, в смысле не были приватизированы в девяностые и перепрофилированы под склады импортного товара. Ибо при такой тройственной встрече на бескрайних просторах нашей равнины забушует библейский Армагеддон с грозами, бурями, смерчами, дождями «ведро на квадратный сантиметр»... причем чувствовалось, что на языке дикторши так и вертится заворачивающее импортное слово «цунами», но произнести его теледива с голливудскими типоразмерами так и не решалась.

Как ни умудрен был писатель Бурцев в перипетиях сложной жизни своего отечества, но и он поддался на запугивание телеметеорологов. Полным дураком дожидался окончания «ужасающей жары», что на самом деле оказалось, разумеется, не осенним холодом, но и ни чем-то небывалым. Конечно, в пиджаке на улице жарковато, но в хлопчатобумажной рубашке-апаш с короткими рукавами вполне сносно. А шестой день обещанных катаклизмов обернулся приятными кучевыми облаками, неспешно плывущими по небу, и бодрящим ветерком — словом, как на картине «Свежий ветер над Волгой» нашего живописного классика. Ближе к ночи пролился недолгий дождик, отдаленно прокатился гром, пораскачивал дворовые деревья пятиминутный порыв ветра.

Андрей Матвеевич чертыхался, кляня себя за бездарно проведенные без дела дни, и в который уже раз задумался: а с какой целью главную метеослужбу страны назвали *Центром «Фобос»*? Конечно, нынешнее широкие массы вряд ли знают, что спутники Марса — Фобос и Деймос — переводятся: Страх и Ужас. А вот кто такую кликуху давал, вне всякого сомнения либо законченный умственный садомазохист, а скорее всего это целенаправленное издевательство над народом. Мол, пипл не просто

все схавает, а проглотит и промолчит в части явного издевательства. Для Великого глобализатора все средства расчеловечивания хороши, особенно если человечка запугать до полусмерти.

С особенным восторгом, но и с невольной завистью писателя — эк образно подано! — вспоминал Андрей Матвеевич радионовости десятилетней давности. Включил он на кухне зимним утром, расположившись позавтракать яишенкой с салом, тройкой сырников со сметаной и свежей заварки чаем, старинный динамик, намереваясь последние, в смысле первые на дню, новости послушать. А дикторша, молодая, судя по голосу, и развеселая, явно накануне (день праздничный был) отменно повеселившаяся на корпоративе, возможно и ночку темную «по обоюдному согласию» недурственно проведшая — иначе что ее так понесло? — такую филиппику выдала, комментируя небывалое для Среднерусской равнины понижение температуры середины января месяца, имевшем место быть прошедшей ночью, с $-9\text{ }^{\circ}\text{C}$ до $-11\text{ }^{\circ}\text{C}$: «Абсолютный нуль — ледяное дыхание космоса, прорвав слои земной атмосферы, охватило центральные регионы страны, заморозив все признаки цивилизованной жизни...». Но на этом слове вроде как не к месту врубилась музыкальная пауза. Бурцев догадливо усмехнулся: почувствовав, что новая их дикторша, молодая крашенная дура, устроенная по родительскому благу, явную чушь понесла навроде «баба бредит, да кто ей верит?» опытная сотрудница за режиссерским пультом и переключила эфир на музыку...

Чертыхаясь и жалея задарма потерянные дни, Андрей Матвеевич все же сочинил поэму о толерантности. Кешбэк ее онлайн задери!

♦ Правда, в загодя продуманный сюжет кешбэкистого сказания о бизнесе и социальной гармонии пришлось внести существенные изменения. Дело в

том, что пока Бурцев, поддавшись эсмэишному психозу об «иссушающей жаре, примчавшейся в наши среднерусские места из африканской Нубийской пустыни» (очередная дикторша накануне на девичнике подруги погуляла хорошо), отлынивал от рукописного творчества, в речи теледикторов появилось новое слово на американский лад: *кешбой*, по-русски что-то навроде кешбэкистого хлопца.

Андрей Матвеевич, давно уже разучившийся чему-либо удивляться, принял нововведение в бывший «великий и могучий» к сведению. Холодно, но принял: против лома нет приема; опять же с кем говорить — решетом воду носить! Оно, конечно, и в советские времена пробовали иногда радиотелевизионщики слово-другое, по импортному звучащее, в обиход ввести, но их обычно осаживали. У партии и правительства по части сохранности русского языка сомнений не было: хранить в перевозданной чистоте и... не шалить!

Как характерный пример, помнил Бурцев пример такой контры, причем также по теме прогнозов погоды. А именно: на самом рубеже семидесятых-восьмидесятых годов, прямо накануне «мишкиной олимпиады» в Москве, народ с изумлением по утрам в свежих последних известиях слушал из кухонных динамиков погодные новости, в которых атмосферное давление вместо привычных миллиметров ртутного столба начали измерять в таинственных, ничего никому не говорящих *гектопаскалях* (!?).

Коснулось ли это нововведение врачей-терапевтов, что измеряют давление у гипертоников тоже в миллиметрах ртутного столба,— Бурцев не знал, поскольку находился тогда в том великолепном возрасте мужественной молодости, когда если и обращаются к эскулапам, то преимущественно по линии кожвендиспансеров...

Народ же, в основном из числа женщин и пожи-

лых, то есть заботящихся о своем здоровье, не понимающий значения новомодных гектопаскалей, вернулись к дедовским временам, то есть интересовались у родственников или коллег по работе, страдающих ревматизмом: «Как чувствуете себя, Сан Саныч? Сегодня как ртутный столб: высоковат, в норме или вниз упал?».

К всеобщему ликованию населения 1/6 части земной суши скоренько гектопаскалей отменили и вернули трудящимся родные ртутные миллиметры. В народной среде устойчиво держался слух, что чужеродные гектопаскалей упразднили «по требованию широких масс».

...Прибыв на весеннюю сессию в Литинститут, Бурцев более правдоподобную версию узнал почти что «из первых уст»; среди заочников нередки были и молодые лейтенанты и старлеи по ведомству Лубянки. Двое таких имелись и на их курсе. Они со смехом рассказывали в пивной «Серебряная ладья», что в полуподвале дома между зданиями Моссовета и новопостроенной Генпрокуратуры, историю с незаконнорожденными гектопаскалями.

Среднеотвественный чиновник управления гидромета, молодой, то есть по родственному благу получивший должность, в преддверии Московской олимпиады захотел выслужиться, имея намерение на следующую ступеньку карьеры подняться. А именно решил сыграть на либерализации, показной и временной конечно — с одобрения высшей власти, кой-где проблеснувшей в сложном механизме подготовки к олимпиаде: от «европейской» расфасовки сыра палочками (по форме навреде почтовых сургучных) по сто граммов, обернутых в фольгу, до двойных надписей — на русском и английском языках — на вывесках заведений по обжорно-бытовому обслуживанию иностранных гостей спортивно-политических игр... По всей видимости указание сверху поступило

нечеткое, иначе чем объяснить, что наспех сделанные фанерные вывески на английском, во-первых, появились не только «в столицах и университетских центрах», но по всей нашей части земной суши, включая сибирские таежные поселки и поселковые советы оленеводческой тундры; во-вторых, указание власти на местах выполнили как-то кособоко: преимущественно обязали табличками *ins english* обозначить будки сапожников-частников, работающих по патенту. Теперь, по летнему времени с растворенными дверями, в будках сидели на табуретках и вбивали гвоздики в подошвы обуви седобородые инвалиды по рождению, усатые пожилые закавказцы, в основном армяне и айсоры (потомки ассирийцев), в неспешных разговорах с клиентами горделиво указывая кивком головы на свежую вывеску: «*Multiple repair shop of boots and shoes*».*

...Вот и жаждущий скорого карьерного роста молодой выдвиженец по совету тестя, профессора физики, решил предложить замену древних ртутных столбов на европейски цивилизованные гектопаскалы. Начальник же гидромета, выпускник рабфака тридцатых годов, поморщился, прочитав щегольски свернутый ему молодым подчиненным лист бумаги с обоснованием введения чужеземщины, но, вспомнив, что накануне на синей будке сапожника Михалыча, что прилепилась к углу его дома, появилась новая вывеска с «*Multiple...*», вздохнул, про себя проворчав, что-де Сталина на вас с борьбой с космополитизмом нет, черкнул разрешающую резолюцию.

Но вот прошла с блеском олимпиада, Мишка улетел в свой сказочный лес, потихоньку вернулись в столицу временно выселенные за 101-й километр про-

---

* «Мастерская мелкого ремонта обуви» (ломаный английский, поскольку тексты подобных вывесок в провинции администрация поручила составлять школьным учителям английского языка). — Прим. авт.

ститутки, которых тогда не было, и прочий декласированный люд, а вскоре гектопаскали заменили на родные миллиметры ртутного столба: вроде как то-варищ Суслов поднял вопрос на Старой площади.

◆ А раз кешбой, родной брат кешбэкистого парниши, усилиями эсмэишников за несколько дней непрерывным повторением в телерекламе наглухо ввинтился в нынешний американо-нижегородский, то аккуратист Андрей Матвеевич снял с книжной полки увесистый словарь Виноградова, то ли негласно, а может и официально-административно считающийся нормативным текущим сводом словарного состава русского языка. К оборотной стороне переплета им самолично была прикреплена липкой лентой, скотчем по-новорусски, полиэтиленовая папочка, в которую Бурцев помещал перечни вновь вводимых в обиход слов. Здесь были и распечатки с интернета официально вводимых новорусских слов, утверждаемых соответствующими культуртрегерскими службами: по триста, даже по шестьсот слов зараз; а на отдельных листах из папки Андрей Матвеевич скрупулезно записывал вновь услышанные, но еще в «Виноградова» официально не введенные. ...И записал про кешбоя, а заодно тоже недавно услышанное «блокинг». После чего уже прочно засел за кешбэкистное сказание о толерантности бизнеса.

Как профессиональный писатель, Андрей Матвеевич, экономия творческую энергию, ничего не делал даром, в смысле, принимаясь за очередное произведение, мысленно расцеховывал его будущее употребление: в форме рассказа или новеллы — в свой журнал и еще в пару-тройку достаточно престижных; также как и главу его использовать, когда душа загорится роман или солидную повесть сочинить. Так и сейчас: не тратить же напряжение мозговых извилин только для устного пересказа написанного на спор в очередную пятничную встречу в

заведении «Наливай-ка!». Потому и писал поэму о толерантности в расчете на ее публикацию. Ладно в своей «Срединной России» сам себе хозяин; что написал по велению души, то и напечатал в журнале. Но вот в других дублировать? Здесь надо поделдыкивать: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Опять же подстраиваться под усредненную идеологическую линию среднестатистических журналов — *формат*, как это сейчас называется по-американски. Поэтому, сожалеюче вздохнув, Бурцев, во-первых, ограничил рукопись десятью страницами, как обычно требуют редакции журналов; во-вторых, композицию, сюжет и характеристики основных персонажей соотнес со вкусами массового читателя, ориентированными на бандитско-ментовские и мелодраматические женские сериалы. Трижды матюгнулся про себя, но... клиент всегда прав! Что есть базис современной социальной гармонии: всяк сверчок знай свой шесток, или вор слезлив, а плут богомолен.

Сюжет незатейливый. Начинающий бизнесментер Федот и молодая бизнесвуменша Федотья (оба появились на свет в год миллениума, когда пошла мода на дурашливо звучащие старорусские имена) познакомились на бизнес-ланче, *слётали* на неделю в Таиланд в Патаевку, как ее переименовали постоянные сезонные обитатели из России, а по возвращении на годик-другой обвенчались гражданским браком — для проверки чувств и взаимного вложения капиталов: в крохотную торговую компанию «Русский банан» Федота и в ателье стрижки породистых собак у Федотьи. Конечно, Федот имел отношение к бананам, впрочем, виртуальным: его мелкооптовая фирмочка являлась буфером по всучиванию партий гнилых фруктов (впрочем, бананы — это трава по ботанической классификации). А вот ателье Федотьи, ввиду отсутствия в их городе породистых собак, дверь постоянно, *24-на-7*, как сейчас говорят, дер-

жало на запоре. Проще выражаясь, «сидела» Федотья на отмывке черного нала из ближней столицы.

Стартовые капиталы и квартиры, опять же как ныне принято, оба получили от родителей, попарно погибших в автокатастрофах. Заодно и сюжет упростился: не надо ломать голову сочинителю о встраивании родственников в сюжетную линию. Через год с небольшим официально сочтались — так для бизнеса удобнее. Конечно, с брачным договором на двенадцати листах формата А4.

Поскольку от частых аборт в вольные старшечлассные и студенческие годы Федотья была бесплодной; впрочем, как и Федот: от перенесенной в детстве свинки, так что фифти-фифти, без взаимных обид,— то детей, мальчика и девочку десятилетнего возраста (чтобы сэкономить на хлопотных детских расходах), заказали по интернету в приюте с хорошей репутацией.

Прошло двенадцать лет. Дети подросли в гармоничном мире бизнеса и социальной толерантности. Пора им оперяться. Так что, как принято, Федот и Федотья в одночасье погибли в автокатастрофе. Дети их уверенно продолжили родительский бизнес, объединив торговлю гнилыми бананами и стрижку виртуальных породистых собак согласно ценнику. Фирме дали новое название, что-то связанное с консалтинговыми услугами, и перешли полностью на отмывку черного столичного нала, но уже в прогрессивных новых технологиях: в криптовалюте.

Уже Федот-младший (они ведь неродной крови!) заговаривал о наследниках, а бездетная (см. выше) Федотья-младшая искала сайты приютов с репутацией, как случился у них бизнес-конфликт. И застрелил сводный брательник сводную сетруху со словами: «Извини, нареченная моя, ничего личного, только бизнес!». Взяли Федота-младшего на отсидку. Все активы фирмы младшенький потратил на адво-

катов, а саму ее, как сугубо виртуальную, без материальной и иной недвижности, вычеркнули из всех списков: налоговых, пожарных, санитарных. И в зашифрованных записях в организайтерах вожаков столичного такового бизнеса в нужных местах появились отметки: «Перенаправить с Федота на Якова». Следы же сидельца затерялись в мордовских лагерях. Все — тишина, как и не было в природе двух поколений бизнесментеров. Тишина же — высшая социальная гармония. Как в ноктюрне Клода Дебюсси «Облака»: тихая музыка на одной ноте бесконечно тянется, тянется и исчезает в небытие. А был ли мальчик?

— Почему назвал кешбэкистым сказанием? — поинтересовался Николай Андреевич, когда Бурцев прочел свое «домашнее задание» на очередной пятничной встрече в «Наливай-ке!».

— Потому что сущность кешбэкистая: как аукнется, так и откликнется!

Триолет об административном восторге

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПА-ДЕ-ДЕ

◆ Свой естественно-философский журнал «Феномены разума. XXI век» профессор Скородумов начал издавать в середине девяностых годов — самых успешных, говоря нынешним языком, для Игоря Васильевича: первый заместитель, то есть зам по науке, недавно созданного на волне многообещающих перемен в стране научно-исследовательского института медико-биологического профиля, недавно обретенные докторская степень и профессорское звание и самое весомое — председатель сразу двух диссертационных советов при местном университете, бывшем политехническом институте, хотя и периферийном, но с «именем», основанном в годы первых сталинских пятилеток, по своим оружейным специальностям мало чем уступавшем столичной Баумановке...

Поэтому и дела с журналом сразу навзлет пошли. Главное, небольшой, но основательный по вновь наступившим временам, тираж печатало издательство университета; ректор и все проректоры стали почти что друзьями руководителя аж двух диссертационных советов: у всех ведь имеются еще не остепененные дети, племянники и племянницы!

Игорь Васильевич и в ус не дул, только усмехался, когда столичные и иные профессора и даже полные академики удивлялись: «И как это вы, дорогой коллега, сумели, что называется на голом месте (извиняясь при этом за невольную двусмысленность) такое грандиозное предприятия с журналом развернуть?». Поскольку тогда сразу за горбачевской «борьбой с трезвостью» наступили веселые всепьянейшие девяностые годы, то и в профессорской среде все общение шло по банкетной линии. Поэтому принимающий столичных гостей Игорь Васильевич в

завершающих тостах — стремном и на ход ноги,— когда и задавались вопросы о журнале, отвечал фольклорно-загадочно, мол, кто-то забот ищет, а к кому они сами идут...

Диссоветы советами, со всем уважением к их руководителю, но следует учитывать и общую восторженность тех дурашливых лет: всяк горшок стремился заглавным себя в печи посчитать! В вузовской же среде, все институты, включая районные педагогические, вмиг в одночасье переименовавшие себя в «университеты классического типа», подналегли на инфраструктурную часть: множилось число тех самых диссертационных советов, увеличивалось разнообразие факультетов. И вновь создаваемые инициативниками, навроде Игоря Васильевича, научные журналы удачно вписывались в такую гигантоманию. Словом, дорогое яичко в известный день!

И еще один существенный момент: начальник профессора Скородумова был человеком недюжинных административно-организаторских способностей. Пользуясь благоволением первого «демократического» губернатора, к назначению которого он, как активист этой самой демобщественности, имел самое прямое и активное отношение, мигом организовал научно-исследовательский институт и соответствующий ему факультет в новоименованном университете. Поэтому и ректор, старинной советской заксаки, то есть всегда державший нос по ветру, стал лучшим другом начальника Игоря Васильевича. Отсюда и университетская поддержка журнала.

Жил и не тужил Скородумов, все более популяризуя свой журнал в научном и чрезвычайно расширившимся в девяностые годы околонуном мирах до начала годов уже двухтысячных. Вот здесь-то иные веяния пошли: настало время собирать камни, то есть возвращать напрочь разворованную страну к какому-никакому порядку. Устрожение административной

вертикали холодком своим коснулось и детища Игоря Васильевича. Во-первых, на какое-то время выборы губернаторов заменили на назначение сверху. Так вместо первого областного руководителя, благоволевшего к научно-исследовательскому институту, а далее всенародно избранного губернатора-коммуниста (область входила в тогдашний «красный пояс»), на этот пост назначили человека новой формации, то есть далекого от научных устремлений — других забот достаточно. Во-вторых, в университете сменился ректор, также особо не понимавший назначение журнала, редактируемого профессором Скородумовым, хотя бы тот к этому времени и стал двойным доктором наук, двойным профессором — получил два соответствующих аттестата; наконец, высший знак отличия получил — заслуженного деятеля науки. ...И скоренько подвело университетское начальство вольнолюбивый журнал Игоря Васильевича под кстати подоспевший закон о регламентации бюджетных средств, а именно под ту его статью, что разделяло соответствующие университетские расходы на целевые и на непрофильные. Философское издание Скородумова конечно же отнесли ко вторым. Печать тиража завершилась.

◆ *Выездные девочки —
В гости к вам примчимся.
Вместе оторвемся и повеселимся.
Всех себя вам отдадим,
Все равно вам угодим!*

— с грустинкой напевал на мотив «Взвейтесь кострами синие ночи»* Игорь Васильевич аляповатый

---

* Совсем не случайно заслуженный профессор напевал на этот мотив, поскольку в хоре солдат из оперы «Фауст» Шарля Гуно, из которого (хора) музыку незатейливые советские композиторы в 1920-е годы взяли для гимна советской пионерии, тексточка звучала так: «Башни с зубцами нам покоритесь, гордые девы нам отдадитесь!» — Прим. авт.

стишок из рекламного журнала с фото и телефонами проституток, что, смеясь, презентовал ему Гена, водитель персональной машины шефа, пояснив: когда въезжаешь в Москву по Варшавке, движение застопоривается от обилия авто — метр-другой едешь, пару-тройку минут стоишь. А ловкие ребята в спортивной адидасовской амуничке меткими бросками кидают в раскрытые по летнему времени окошки автомобилей эти самые журнальчики: приглашение «гостям столицы» на досуге «оторваться и повеселиться»...

Откуда в устах многостепенного профессора такие шаловливые слова? — А оттуда, что пришел он к самодовлеющей мрачной мысли: в странное время мы живем; получается, что современный ученый, равно как и писатель, представитель любой другой творческой профессии, должен не только бескорыстно трудиться, все свое время и творческую энергию отдавая на благо человечества, в том числе и государства своего, но к тому же и брать на себя все усилия и расходы — при нищенских своих доходах! — на сколько-либо массовое представление плодов трудов своих, того же печатания своих трактатов, романов, философских томов. И если древний летописец Нестор, создавая свои летописи в единственном рукописном экземпляре, все же имел уверенность, что труды его в последующих поколениях не пропадут втуне, то у нынешних Нестеровых, Нестеренко и Нестеровичей, увы, такой уверенности нет.

И приходится, не хуже тех выездных девочек (хотя они-то как раз и оплачиваются вполне *достойно*, говоря нынешним угодливо-лакейским языком), непрерывно суетиться, крутиться — опять же на нынешнем новоязе, непрерывно кланяться, угодничать, смиряя свою гордыню... словом, в чем-то приближать себя к жрицам древнейшей профессии.

Сплюнул условно-виртуально профессор, отверг-

нужен еще один фантастический вариант изыскания необходимых средств хотя бы на печатание микроскопического тиража, порядка пятидесяти экземпляров, — на представительство в научных кругах.

Огорчился донельзя Игорь Васильевич, даже к заветному шкапчику с угнездившейся там початой бутылочкой почти неподдельного дагестанского не подходил: такую тоску коньяком не заиграешь. Если только ядреным свекольным первачом под яишенку с салом, зелень с грядки, под гармошку и в компании деревенских мужиков. Эх размечтался? Вспомнил инженерную молодость в «Меткости» с организованными посылками в подшефный колхоз на картошку, свеклу и даже зимой на установку решетчатых загородей для снегозадержания на унылых белоснежных январских полях...

Хм-м, теперь даже деревенские мужики самогон не пьют — все на продажу! А подмосковные бывшие колхозы и совхозы, объявив себя «крестьянско-фермерскими хозяйствами», мигом начали в фабричном объеме гнать из той же свеклы и мороженой картошки самопальные «виски из Висконсина» и даже ликеры с коллекционными названиями навроде французских «Шартреза» и «Южного Кюрасо», немецких «Бенедиктина» и «Кюммеля».

Налей, налей бокалы полней...

Бетси! Нам грогу

Последний в дороге —

Бездельник, кто с нами не пьет!

— ну прямо по Бёрнсу...

Но тщетно отвлекал Игорь Васильевич свою-мысль многоречивыми — в голове — рассуждениями и воспоминаниями о самом приятном для человека... понятно, после общения с девушками и женщинами. Как бы то ни было, потехе-то час выпадает, а дело времени требует. Вот и Скородумов в

последнее время все его и тратил на поиски журнального финансирования.

◆ Само собой разумеется, как человек советского воспитания и типичный русский интеллигент во втором поколении, с самого начала своих безуспешных поисков *мек моней* Скородумов выбрал самый глупый и неверный путь: взывать к администрациям различного уровня, многостранично поясняя в представительских прошениях пользу науки для (здесь он досадливо морщился) «молодой российской демократии, динамично набирающей свои обороты на нелегком пути...». Здесь Игорь Васильевич несколько задумался в поисках политкорректного и верноподданнического оборота речи. Так ничего не придумав, сходил в лаборантскую, где всегда собиралось много макулатуры, нашел подходящую газету и скоренько выписал нужную фразу...

Получив от всех областных, городских, районных (нынче городские районы по-американски — у них дистрикты — переименовали в округа) инстанций однотипные, как под копирку, отрицательные ответы, мол, не нашего ведома дело, опять же финансовые затруднения и пр., профессор Скородумов вспомнил из отечественной классики: «Ну как не порадеть родному человечку?» — И пошел другим путем, оттого не менее неверным. А именно вспомнил присказку о долге, который платежом красен и одновременно об Антоне Крапивенцеве, которого с год тому назад он принял — по рекомендации своего знакомого из педуниверситета — к себе в институт старшим научным сотрудником... тем более Антон имел степень кандидата физико-математических наук и вообще до самого недавнего времени, несмотря на молодые годы, заведовал кафедрой все в том же педде. Но молодость и честное советское воспитание, которое в юности застал, как раз и подвели: пошел на принцип в возникших разногласиях с ректоршей, ба-

бой матерой и прошедшей хорошую школу наробразовского администрирования. Как итог, на скорых по времени случившихся плановых перевыборах завкафедрой договор (уже тогда по-американски: контракт) Антону не продлили. Так он и оказался под ласковой опекой Игоря Васильевича, тем более, давно приискивал себе в помощники физика-теоретика.

Крапивенцев скоро освоился в институте, а Скородумов нахвалиться не мог знанию и трудолюбию нового своего коллеги. Хотя и понимал: для него это явно некомильфо: из завкафедрой в эсэмэсы! Потому Игорь Васильевич особо не удивился, когда, проработав полгода — до начала очередной избирательной кампании в облдуму, Антон, заизвинявшись перед шефом и благодаря за участие в его судьбе, попросил внеочередной (очередной еще не выработал!) отпуск для участия в выборах в качестве кандидата в областные депутаты. Пояснил: о жизни в новом этом мире пора подумать, а в части выборов — есть хорошая поддержка от областного руководства одной солидной, умеренно консервативной партии, представляющей интересы промышленников, учитывая, что город и область традиционно индустриальные. Расстались добрыми друзьями, заверив друг друга во взаимном уважении, а Антон еще раз повторил свою благодарность Игорю Васильевичу; дескать, добрые дела не забываются, а у него память молодая, долгая...

Войдя в ареопаг депутатов нового созыва и получив при расцеховке место в комитете, ведающем наукой, Антон незамедлительно позвонил Игорю Васильевичу и настоятельно просил обращаться по всем делам, требующим депутатского участия и помощи. Скородумов благодарил — как только, так сразу — и пожелал бывшему подопечному успешной работы на благо... и так далее. Искренне, без подначки пожелал.

Решив — после мытарств с письменными обращениями в инстанции в части финансирования издания журнала — позвонить Антону, несколько поколебался: время сейчас такое, что люди прямо на глазах меняются. Но тот не изменился, сразу вник в курс дела и скорбных забот профессора, взял пару дней тайм-аута: «Все проясню, Игорь Васильевич, проконсультируюсь со старослужащими облдумы и все организую. До моего звонка, дорогой профессор».

Исполнил как штык! На третий день позвонил, по-деловому доложил: «Все решено; в следующий вторник очередное заседание их комитета, в повестку дня ваш, Игорь Васильевич, вопрос включен, почву я подготовил; начало в десять часов, пропуск будет заказан. До встречи и... постараемся сделать эту встречу успешной!».

♦ Она и прошла успешной. Комитет после недавних думских выборов заметно обновился, поэтому горел обычным для неофитов желанием засучить рукава и эх, поработаем! Более того, в силу научной «прописки», в составе комитета Скородумов, когда все собрались в совещательной комнате округ сборного совещательного стола персон этак на двадцать с лишком, обнаружил несколько шапочно знакомых лиц, которые охотно ответили на его поклоны головой. Все с видимым интересом просматривали, передавая друг другу, те несколько номеров «Феноменов разума», что захватил с собой Игорь Васильевич: и сам конечно додумался, и уже поднаторевший в думских делах Антон счел необходимым в давешнем телефонном разговоре напомнить.

Антон, разумеется, постарался заранее создать у комитетчиков ауру доброжелательства и приятности к заслуженному профессору. Поэтому его корректный десятиминутный — по регламенту — доклад был выслушан с непритворным вниманием и заинтересованностью. И вопросы докладчику задавали не де-

журные, на которые Игорь Васильевич отвечал кратко, но обстоятельно. Пару раз, вроде как оговорившись, с хитрецей назвал присутствующих «уважаемыми коллегами»... это как остановленные гаишниками автомобилисты величают тех *офицерами*: как в американских боевиках; гайцам это очень нравится...

Как то принято в депутатских делах, заседание вел председатель комитета в присутствии думской начальницы, также новоназначенной, известной спортсменки, в советское время неоднократно всесоюзной рекордсменки, а ныне заметной общественной деятельницы. Она со вниманием осмотрела номер журнала, предупредительно положенный Антоном перед ней на стол, но дальше списка редколлегии на первой странице листать не стала, зато нарочито строгим голосом спросила: «А почему нет фамилий ректоров обоих *наших* университетов? Неужели такие видные ученые недостойны быть членами редколлегии журнала, издаваемого в *нашем* городе?»

Игорь Васильевич, правильно поняв обращенный к нему еле заметный наклон головы Антона, тотчас согласился со словами думской руководительницы, что-де вне всякого сомнения фамилии ректоров украсят состав редколлегии, о чем им уже и сделано официальное предложение. Просто ситуация такова, что оба ректора только что избраны (так оно и было; бывшую же ректоршу педа, что изгнала Антона, и вовсе по партийной линии перевели на работу в столицу), поэтому им по научному этикету пока не следует торопиться тиражировать свои фамилии во всяких списках... Понятно, что все это профессор облек в официально-политкорректную лексику... Бывшая рекордсменка кивком головы приняла объяснение к сведению.

В заключении Антон, как инициатор комитетского слушания, зачитал заранее составленное обраще-

ние думского комитета по науке к таковому же в администрации области: ведь деньгами распоряжается не дума. Через некоторое время Антон сам зашел к Скородумову, огорчил отказом администрации: ее комитет по науке сам на «марочной диете». «Надо искать выход на губернатора,— посоветовал Антон,— тем более что таковой, новоназначенный, из «Меткости» — так сказать, почти коллега ваш!»

◆ А ведь действительно, он и нынешний, новый губернатор — «выпускники» трижды орденоносной «Меткости», но в разной, так сказать, весовой категории. Высший чин, достигнутый Скородумовым — начальник сектора, хотя бы и престижного, патентного. А вот Алексей Степанович достиг «степеней известных», потому, вращаясь в очень отдаленных кругах такого огромного предприятия, они даже и не знали друг друга в лицо, а Алексей Степанович Скородумова и по фамилии.

Но как подобраться к губернатору? Понятно, что какое-либо амикошонство насчет прежней совместной работы в «Меткости» не то что не мыслимо, но даже «технически» не представимо. Но и здесь судьба дала шанс, а именно: все в той же «Наливай-ке!», куда ближе к вечеру зашел в одиночестве, без Бурцева и Николая Андреевича, остограммитесь по поводу мрачно доверяющих мыслей о неудаче думского слушания... встретил там своего коллегу по работе в «фирме академика Гусакова», как в городе и вообще в военной промышленности страны за глаза именовали «Меткость». За приятельским общением и распитием по такому поводу бутылка чего следует, Игорь Васильевич узнал последние новости родного заведения. Конечно, услышал соображения в части поразившего город и область выдвижения Алексея Степановича в губернаторы, минуя множество промежуточных ступеней. Это вроде как из полковников сразу в генералы армии!

Но заинтересовало, что новый губернатор в качестве помощника ранга «портфель носить» забрал из «Меткости» Жору Бычкова, с которым они трудились в одном отделе, а Игорь Васильевич и вовсе приятельствовал с весельчаком и заводилой Жорой. Тот занимал должность «правой руки» начальника отдела по налаживанию и поддержанию деловых связей с руководством самых различных рангов. Видимо тогда-то он и приглянулся будущему губернатору, потому и взял его «портфеленосцем».

В тот же вечер, отыскав в записной книжке номер домашнего телефона Жоры, позвонил, поздравил с должностью. Тот на первых порах еще не возгордился, поинтересовался профессорской жизнью бывшего сослуживца. Когда Игорь Васильевич заговорил о сложностях с издаваемым им научным журналом, тотчас все смекнувший Жора мигом свернул опасливый телефонный разговор и предложил зайти завтра «лично поздороваться за руку со старинным приятелем» где-то часиков в восемь вечера: с вахты администрации позвонить ему, а он на пару-тройку минут, *если дела позволят*, выйдет к нему.

Назавтра, в указанное время, дела позволили Жоре выйти на вахту, поздороваться и выслушать просьбу профессора. Секунд десять подумал и изложил диспозицию: «Передавать образцы журнала с письменным обоснованием полезности его минимально-достаточного финансирования «через почту», то есть через приемную корреспонденции в двенадцатом подъезде, — дело гиблое, до *Самого* не дойдет. Через меня передать?» — ну-у, Васильич, здешний административный политес тонкий: и себя подставлю и дело твое загублю. Это ведь не наша прежняя простота, когда к самому Гусакову можно было зайти, если секретарша Зинаида Архиповна пропустит конечно, со срочной служебной запиской! Здесь же сам Штирлиц бы растерялся... Давай так: завтра —

Сам в первой половине дня точно на месте будет — в девять утра в двенадцатом подъезде сдашь незапечатанный пакет с парочкой номеров журнала и сопроводительным письмом в приемную внешней корреспонденции. Далее мое дело. То есть где-то ближе к десяти почту, адресованную губернатору, принесут мне для разбора, при котором будут присутствовать завканцелярией и технический секретарь — обе бабенки востроглазые и с хорошей женской памятью, то есть злопамятью. Как только я дойду до твоих журналов, то удивленно-радостно воскликну: «Ба-а! Да это же от профессора Скородумова, что с Алексеем Степановичем в «Меткости» много лет *вместе* трудились!» И вроде как машинально положу в тоненькую стопку почты для передачи губернатору. Договорились? Действуй! Да-а, вот еще что: у тебя с Алексеем Степановичем никаких осложнений, стычек в «Меткости» не было? Ну хорошо. Я позже о результатах сообщу — позвоню».

Через неделю Жора позвонил Скородумову и кратко, без обиняков, явно маскируясь, сообщил: «Не прошло... видно не та масть выпала».

На этом Игорь Васильевич все искания прекратил, а журнал начал издавать в электронном виде.

НОЧНОЙ ДИРЕКТОР

◆ Всякий раз, когда доцент Николай Андреевич с военно-технического факультета университета заходил в гости к приятелю своему профессору Скородумову, уютный кабинетик которого размещался в корпусе, пестревшем деканатами и кафедрами медицинской, биологической и даже спортивно-физкультурной принадлежности, то при любой начальной теме разговор завершался «часом воспоминаний», особенно после пары стопок чего-либо существенного и высококачественного, что всегда имелось у Игоря

Васильевича, коллекционера и гурмана, в заветном шкафчике.

И было что вспомнить! Оба они до начала девяностых, когда в стране свершился бардак, трудились в гордости советского военпрома, орденоносном объединении «Меткость», возглавляемом выдающимся оружейником академиком Гусаковым. Сама же «Меткость», основанная как «номерное предприятие» в годы первых сталинских пятилеток и уже в Отечественную войну «отметившаяся» самым различным стрелковым и артиллерийским вооружением, относилась к числу тех крупных кузниц советского оружия, где сложившиеся в сменяющихся поколениях работников традиции переплелись с легендами и былями, причем все это еще в восьмидесятых и даже в начале безалаберщины девяностых годов сохраняло внешнюю форму героических трудовых подвигов сталинской опять же эпохи.

О таких традициях Николай Андреевич знал еще с отроческих лет. Переезжая с маяка на маяк, что на выходе из Кольского залива в Баренцево море, а затем осев в городе подводников Полярном, семейство школьника Николки перевозило свой нехитрый, устоявшийся годами скарб, в том числе постоянно пополнявшуюся этажерку с книгами. Где-то к шестому классу Николка все их прочитал, а некоторые, как «Пятиэтажный город» Вилиса Лациса, «Ледяной дом» Лажечникова и «Юрий Милославский» Загоскина, двухтомную «Угрюм-реку» Вячеслава Шишкова, занимательную книгу «Тайное становится явным» автора Минаева о шпионской деятельности вражеских разведок против Советского Союза, перечитал по второму и третьему разу. И толстенный том «Журбиных» Кочетова прочитал с большим интересом. Даже собирался повторно прочесть, но как раз в это время, во время летней отпускной поездки в калужскую отцову деревню, что на

реке Угре, были куплены двухтомные исторические романы «Севастопольская страда» и «Переяславская рада», которыми Николка и занялся. Опять же по приезду в Полярный стал он постоянным читателем обеих городских библиотек.

Вот именно из «Журбиных», главными персонажами которых являлись представители большой, уже четырехпоколенной семьи потомственных кораблестроителей (уже позже он сообразил, что речь в книге идет о судостроительном заводе в черноморском Николаеве). А когда патриарху семьи, лекальщику Матвею Журбину вышел срок его рабочей занятости, а в сторожа тот идти не хотел, равно и с заводом не мог расстаться, хитрован-директор и придумал ему должность «ночного» своего заместителя. То есть теперь по ночам Матвей располагался в директорском кресле и отвечал на телефонные звонки, коль скоро такие случались. Много чего знал о положении текущих заводских дел, не стуживался он и в телефонном разговоре с судостроительным министром.

Понятно, что должность «ночного директора» в пятидесятые годы вовсе не писательская придумка: у всех в памяти еще твердо держались недавние сталинские годы. Вождь засыпал только к четырем часам ночи, а до этого мог запросто позвонить — с уточнением чего надо — наркому, далее министру, поэтому и они не уходили из своих кабинетов до этого часа, Соответственно наркомы-министры ночью звонили директорам крупных заводов. Иосифа Виссарионовича не стало, но традиция, вернее память о ней, как бы чего не вышло? — еще некоторое время сохранялась. Отсюда и «ночные директора».

...А книга заканчивалась хорошо, патетически: спуском на воду новопостроенного сухогруза с названием «Матвей Журбин». Хотя бы в действительности на Николаевском заводе строили советские

крейсера и эсминцы, а затем и авианосцы. Последним, уже в новейшие времена, со стапелей завода сошел советской еще закладки, российский тяжелый крейсер «Петр Великий». А сейчас и вовсе эпоха больших кораблей канула в лету.

♦ За пару дней до майских праздников начальник сектора, в котором Николай, еще не Андреянович, трудился в должности инженера-конструктора первой категории, что есть последняя ступень перед обретением титула начальника (в военной промышленности слово «заведующий» не используется), вернулся с утренней летучки у начальника отдела несколько озабоченным. Сел за свой стол перед двумя рядами кульманов с «приписанными» к ним конструкторами обоих полов и разных инженерных званий, задумчиво пощурился на ранневесеннее солнце, лившего энергичный свет через оконные стекла, без видимой надобности поменял местами пару карандашей, шариковую ручку, блокнот для текущих пометок. Откашлялся, хотя и не был курильщиком. И народ за кульманами заинтригованно притих, настрожился: а вдруг какая напасть, тем более в предпраздничные дни? И вообще — на дворе весна в свой разгар переходит, а тут и без того зловещие, какие-то отрывочные, не совсем понятные сообщения о чернобыльской аварии...

Вадим Васильевич явно пребывал в состоянии легкого цейтнота руководителя, когда должен выбрать верный тон в сообщении не то что неприятной, но несколько нерегламентной вести. Здесь к месту вспомнил старый анекдот о распределении отпусков, внутренне даже улыбнулся, после чего уже назидательно дважды кашлянул. Народ вышел из-за кульманов, готовясь выслушать очередную начальническую придумку на их малодолжностные головы. Но тут же все расслабились, узрев на лице Вадима Васильевича несколько плутоватую ухмылку.

— Что, граждане конструкторы, обсуждаете как с пользой для себя и общества провести праздничные дни? Понимаю и к женщинам даже не апеллирую: семья, дети, праздничный ужин, прием свекрови, опять же с подругами давно не бол... в смысле не виделись. Аркадий Ильич и Семен Юрьевич, как люди основательные и солидные, конечно на дачках своих целину будут поднимать. Святое дело — и себе полки в кладовках уставите трехлитровыми банками с соленьями-вареньями, и обществу поможете, частично избавив его от забот аграрного, так сказать, профиля. Но вот представители относительного молодого поколения — да-да, о вас, Леонид Павлович и Николай, значит Андреянович, говорю — дачными хлопотами манкируют. Понимаю, у Палыча сейчас напряженка с жилищно-квартирным вопросом, не до земледельческих занятий. Не совсем принимаю доводы Николая, что-де вырос на заполярных скалах, земли сызмальства не видел, потому и тяги к работе по ней не имею...

— Не тяни kota за хвост, Васильич,— встрял его штатный заместитель и внештатный друг-приятель Аркадий Ильич,— говори, какую разрядку на праздники нам придумали умные головы?

— А такую, что ни для кого не секрет, на праздники, если они более одного дня длятся, назначаются смены дежурных в кабинете *самого* Гусакова: полусуточные и по два человек в смену. На сей раз подошла очередь нашего отдела. Только что на совещании у Анатолия Алексеевича распределили по секторам. Нам выпала смена с восьми вечера первого мая до восьми утра, соответственно, второго мая. Условия царские: два отгула, по стойке смирно стоять не надо, будете спать поочередно на диване в приемной. Там же чайник электрический и шахматы с домино в шкафу; только тормозки с собой захватите. И никаких обходов, только двери из коридора в приемную и

из нее в кабинет Гусакова полуоткрытыми держать — порядок такой. Ну что, Леонид с Николаем, что выбираете: либо дома скучно ворочаться в постели, объевшись за праздничный день, или вполсон-вполювь, с чайком, с шахматешками провести полсутки в начальственном кабинете на мягком диване и в таких же креслах, заработав по паре отгулов... а как их хорошо можно будет провести летом, а? По пивку в центральном парке для разминки, а далее понеслось! Ну как, звонить Анатолию Алексеевичу?

Так Леонид с Николаем подрядились в «ночные директора».

◆ Проживали они в разных районах обширно раскинувшегося города с двумя речками, парой металлургических заводов и десятком крупных машиностроительных (понятно каких машин)... даже психиатрических лечебниц имелось две. То есть далеко не в «шаговой доступности» друг от друга. А у Леонида и телефона домашнего не имелось. Поэтому в тот же день все заранее обговорили: кому что взять — ночь скоротать.

Поскольку явиться на дежурство полагалось в «форме», то Николай, как и его напарник, освобожденные от добровольно-обязательного участия в первوماйской демонстрации, с утра прогулялся по близкому к дому центральному парку, с удовольствием выпил кружку пива, а в праздничный обед, несколько удивив домочадцев, ограничился стопкой «старки». Впрочем, подумав, еще одну пропустил под главное блюдо стола — гуся со сложным гарниром. Никто на большем и не настаивал: человек идет в ночь на ответственную работу!

Ответил на пару телефонных звонков, скорбно отказавшись от предложения знакомцев «по нижегородскому обычаю» прогуляться по известным предприяттям общепита: «С удовольствием бы поддержал, но мне вечером в «контору» на дежурство.

Мысленно с вами и... особо не шалить!». Все домашние пополуночи ушли погулять в тот же центральный парк, который своим праздничным многолюдством и полковой музыкой (в городе и его окрестностях базировалась воздушно-десантная дивизия и имелось военное училище) призывал окрестный народ через растворенные по-весеннему форточки.

Странное это ощущение: за окнами шумит, веселится город, а он один в квартире вроде как ни при делах. Все же грядущее ночное дежурство ломало устоявшиеся поведенческие рамки. Включил телевизор, прилег на диван — и почему-то, что называется без желания, задремал. Как и положено дневному сну, оказался он калейдоскопическим, вроде как искусственный после снотворного, а не отключенный полностью слух накладывал на скомканный сюжет сна отголоски речи из телевизора и все той же парковой полковой музыки. По пробуждении в памяти ото сна остался только — и почему-то? — давний, еще в начале инженерной деятельности, проезд на их предприятие космонавта Поповича. Николай шел по территории — в цех, подмышкой альбом чертежей, и на повороте налетел, едва успел шаг-другой вправо сделать, на начальственную процессию с космонавтом посредине. Сразу узнал по портретам в газетах и звезде Героя на кителе,

Взглянул на часы — почти пять, а он все также сам-один в квартире. «Загулялись однако», — добродушно усмехнулся. Занялся праздничным тормозком в «ночное», главное — наполнил плоскую четвертинковую бутылочку из початой поллитровки со «старкой». Праздник праздником и вахтерши в проходной снисходительны к редким входящим, но осторожность никто не отменял, а плоская посуда в брючном кармане, прикрытая полкой пиджака, а поверх и курткой-ветровкой, надежно замаскирована от любопытствующих взоров.

Но здесь и домашние вернулись, преувеличенно заботливо поинтересовались времяпрепровождением Николая, а хозяйка сразу начала разогревать ужин для уходящего на полусутки труженика.

Без четверти семь, учитывая, ехать сегодня «в лес» не на служебном автобусе, одном из десятка с лишним, что отправляется из их района, в смысле нескольких кварталов вдоль проспекта, но добираться на перекладных, шутливо отсалютовав, Николай вышел из квартиры, а от дома направился к близкой остановке. Шумный от праздничного народа троллейбус скоренько домчал его под горку до начала проспекта, где Николай пересел на третий номер трамвая, занял свободное место, раскрыл взятую с собой книгу. Полчаса с лишком времени «тройка», пересекающая три городских района и завершающая маршрут на самой восточной окраине города, гарантировала. Далее с полкилометра в пешем порядке вдоль бетонных стен завода и двух исследовательских «номерных» институтов, поворот уже в лесном массиве налево — и к проходным «Меткости».

♦ Очень непривычно входить в проходную с совершенно пустой заасфальтированной площади, не заставленной автобусами, без тысячной толпы народа, без очередей к нескольким входным дверям... А тут только одна, что справа, полуотворена. И единственная вахтерша в гимнастерке, с кирзовой кобурой старинчатого нагана, что скучала в своей кабине, справа в ряду таких же, заулыбалась на «здрасьте» вошедшего: «А-а, тоже на дежурство? Один ваш только что прошел. Да еще целая бригада утром прибыла, чего-то срочное делают. Какой твой номер?» Николай назвал четырехзначный номер своего пропуска, а вахтерша вышла из кабинки, сходила в такую же поодаль в ряду, через турникет которой Николай утром входил, а к вечеру выходил, отдала ему пропуск. Выйдя из проходной через дверь внут-

ренной стороны, сразу увидел остановившегося неподалеку Леньку, подошел, поздоровался, а тот отмахивая руки, свободной от пакета с тормозком, указал на тротуарную дорогу, что четырехугольником обегала корпуса и цеха предприятия. А во всю длину правого участка его рассредоточились работяги, которые разматывали с переносных катушек разноцветные провода в изоляции и свивали из них кабельный жгут.

— Что за праздничная внеурочка, Палыч?

Ленька, уже успевший перекинуться парой слов с шапочно знакомым инженером, бегавшим вдоль линии рабочих и проводов, пояснил:

— Срочный заказ на телеметрию. В цехе датчик собирают, а это кабель к нему. Вроде как для Чернобыля — для замера температуры. Сам Гусаков днем приезжал. Ладно, пошли ребят сменять.

Прошли вдоль трассировки проводов до инженерного корпуса, в котором гнездились начальство «Меткости», а затем мимо борющейся с дремотой вахтерши, поднялись на второй этаж, вошли в полуоткрытую дверь приемной Гусакова, где были приветствованы сменяемыми — из их отдела, из тематического сектора. А ровно в восемь, с военной точностью, вошел разводящий, он же инструктор — из службы режима, отставной подполковник.

Отпустив — с суховатой казенной благодарностью — предыдущую смену, режимник, безошибочно назвав новоприбывших по фамилиям, кратко и толково разъяснил их действия на последующие двенадцать часов: «Курить в туалете, но один обязательно в приемной остается; упаси вас бог, если за чайником не уследите, пережжете! самолично Зинаида Архиповна головы с вас снимет — она Самому из этого чайника заваривает. Телевизор на самую малую громкость, чтобы телефон из кабинета слышать. Хотя городской и междугородный сейчас пе-

реключены на секретарский, но в кабинете еще два аппарата имеется, пошли покажу.

Экс-подполковник завел их в кабинет, показал на обычный телефон и стоявший в дальнем углу стола — с гербом СССР на месте номеронабирателя. «Это вертушка. Вообще не прикасайтесь к ней — только если зазвонит, но это маловероятно. И вообще если кто и позвонит, то на секретарский, обычно из проверяющих инстанций. Что спросят, на то и ответите. По всем вопросам, если такие появятся, звоните мне в режим; номер в списке под стеклом на столе секретарши. И я вам пару раз позвоню. Все, дежурства вам и мне без хлопот!» С этими словами разводящий покинул приемную.

♦ Заварили чай, включили на малую громкость телевизор — баловство, которое секретарша Зинаида Архиповна позволяла себе под конец рабочего дня только когда Гусаков уезжал в командировку. Сам он полагал подобные штуки несовместимыми со служебной обстановкой. И сам-то телевизор солидной марки потому стоял в приемной, что являлся подарком к некруглому юбилею «Меткости» от скромных смежников из Заволжья. Приемная была общей для Гусакова и главного инженера: двери направо-налево друг напротив друга. Кабинет главинженера был Николаю и Ленке хорошо знаком: не раз подписывали у него командировки. Тот был человеком простецким, поэтому «чайных» церемоний навряде передачи бумаг через секретаршу не терпел.

Но вот кабинет Самого они осмотрели с интересом, уважительно обогнули угол стола со знаменитой вертушкой с гербом, особенно восхитила складная, навряде матросских на подводных лодках, кровать, принайтованная к стене: Гусаков не только телевизоры, но и диваны не одобрял. Решил часок отдохнуть, подошел к стене, отпружинил от нее кровать в форме топчана, зафиксировал в горизонтальном по-

ложении, прилег, прикрыл глаза и... продолжил обдумывать свои грандиозные военно-технические планы. Поинтересовались и содержимым большого, полупромышленного холодильника. Трехкилограммовая жестяная банка с черной икрой и солидный тамбовский окорок с умопомрачительным запахом подтвердили общеизвестное мнение, что академик признанный гастроном.

Вид и запах чужого едова возбуждали аппетит, хотя в желудках еще не улеглись недавние домашние ужины. Вернулись в приемную, развернули принесенное с собой, разлили в стаканы по полпромилле. Первомайский день выдался солнечным, поэтому вечер наступал долго. За неторопливой трапезой, разговором, тем более по второму каналу шел новый фильм из родственной инженерной жизни, поочередными перекурами в ближнем туалете, за окнами все же стемнело. Как-то незаметно стрелки настенных часов сошлись на цифре 12, а с ними и телевизор замок, замельтешил голубым на экране — в советское время ночью полагалось спать, смотреть сны, а не сериалы... И еще в унисон со встречей часовых стрелок проведаль режимный подполковник. Услышав, что телефонных звонков не было, пожелал поочередной спокойной ночи и удалился.

Выиграв на спичках диван на первые четыре часа, Ленка скоро заснул, а Николай, убрав верхний свет, устроился с принесенной книгой в мягком кресле сбоку секретарского стола, включив настольную лампу. Для уюта заварил свежий чай, перенес чайник и стакан на угол все того же стола. Если бы акуратистка Зинаида Архиповна застала такую вольнолюбивую картину, то по резкости — от шефа научилась? — характера вполне могла чем-нибудь легким, например линейкой, вчинить по лбу...

В половине второго дико в ночной тишине зазвонил секретарский телефон. Веселым голосом (и там

по полпромилле²⁾), представившись «из комитета», звонивший поинтересовался порядком, по-своейски посочувствовал, дескать, вот и он сегодня в ночные дежурные попал.

Ночная тишина обманчива. Выходя покурить — окна туалета выходили на внутреннюю территорию, — видел в свете специально включенных на ночь столбовых фонарей фигуры рабочих, уже сматывавших сплетенные провода на большую деревянную катушку. И в здании цеха напротив светились несколько окон. Прогудел тепловоз, затаскивающий грузовые платформы — железнодорожная ветка на противоположной стороне обширно раскинувшейся на вырубленном в подгороднем лесу квадрате.

Все же сон начинал подступать. Поэтому разбудив напарника в положенное время, только расположился на диване, как тотчас заснул. Снилось в тему: в его (уже прошедшее) бодрствование зазвонил в кабинете начальника телефон с гербом, причем звонок исполнял мелодию гимна. Николай стремительно подлетел к вертушке, взял трубку дрожащей от волнения рукой. «С вами будет говорить товарищ Зверев», — послышалось из трубки. Затем вступил уверенный, жесткий голос министра. Но беседа с министром так и не состоялась. Даже в крепком сне Николай разобрал слова Гусакова, в семь утра вошедшего в плаще и шляпе в приемную в сопровождении в чем-то оправдывающегося начальника производства. «...Ну и что? Поздно сообщили?.. а-а это что за ночлежка?» Оставшееся до восьми часов время, в ожидании сменщиков, Николай с Леонидом провели шатаясь по коридору.

Истинно сказано: на службу не набивайся, от службы не отбивайся.

КАК ТРИ МУЖИКА ГЕНЕРАЛА СОТВОРИЛИ

◆ Когда в следующую пятничную встречу друзей в заведении «Наливай-ка!» профессор Скородумов и доцент Николай Андреевич рассказали истории из своей жизни о соприкосновении с властью придерживающимися, то писатель Бурцев в долгу не остался и живо, с приличествующими модуляциями голоса, когда требовалось интонационно дополнить характеристику описываемых персонажей, рассказал и о своем участии в административных спектаклях.

Уже основательно подзабылись бурные начальные годы нового устройства жизни, будь не к ночи они помянуты... хотя? чудна же природа человеческая! Ведь по сравнению с благостойной устоялостью золотых советских шестидесятых-семидесятых годов, антиалкогольным идиотизмом воследовавшей горбачевщины и административным устрожением предыдущего десятилетия, вовсе горестно опускающая нынешнее время, начальные девяностые сейчас ностальгически — из огня да в полымя — вспоминаются как чисто русская, бесшабашная и малодумная пауза в малорадостной жизни невеселого нашего отечества... Как деревенскую, впрочем и городскую, свадьбу потом вспоминают не нарядом невесты, ее танцем со свекором, не пышно накрытым столом и прочим, но только упившимся до положения риз женихом и дракой между десятым и последующим тостом.

А позабылось по той причине, что в последнее десятилетие директивного оцифровывания живую память человека, записи, книги и фотографии на бумаге заменили электронной памятью в компах. Последние же живут, подобно искусственно синтезируемым в Берне и Дубне трансурановым элементам, мгновенья: щелк по клавиатуре или по экрану смарт-

фона — и все ушло в небытие. Стоп-кадр, стоп-память, стоп традиционная человеческая жизнь...

— Ну-у, Андрей Матвеевич, понятно дело писатель, потому и начинаешь так философски-живописно,— восхитился Игорь Васильевич,— но давайте по стопочке опрокинем, а затем продолжим слушать рассказ нашего литературного друга.

— Спасибо, дорогой профессор, так и поступим. Опять же — как это у Антона Павловича бас Михайла говорит? — от водки густота в голосе появляется! Ладно, продолжу ностальгически-бюрократическое воспоминания. Но только позволю еще одно отступление исторического характера, вполне уместное для введения в мое повествование о днях былых: веселых и трагических, запьянцовских по всей вертикали власти, говоря административным языком. За мечу, что со времен Катьки-царицы, сделавшей наш город губернским, везло его жителям на воевод с изюминкой, в основном с дурашливой косточкой.

— А вот Салтыков-Щедрин...— встрял было невежливо Николай Андреянович.

— Да-да, и я к тому же веду. Михаила Евграфовича за его едкий язык, литературный конечно, из губернии в губернию этаким футбольным мячом перепихивали. Как исстари у нас положено до сегодняшнего дня, исключая дисциплинированные сталинские времена, с повышением в должности. У нас он не более года пробыл управляющим казенной палатой — знаете конечно, в низу проспекта, в здании коммунально-строительного техникума, что сейчас по-импортному колледжем кличется, мемориальная табличка на этот счет. Но и этого года ему вполне хватило, чтобы в «Историю одного города» вставить в роли главы Глупова знакомого им губернатора — его начальника. Знающие люди говорят, потому с губернаторами нашему городу не везет, что все здесь наоборот. Даже кремль, в отличие от всех остальных

полутора десятков в России, единственный поставлен не на верхнем месте, а в самой низине. Потому царь Василий Шуйский и затопил в нем бунтовщика Болотникова с его воинством. И тож царю Лжедмитрию кремль наш не по нутру пришелся: всего месяц, перенеся столицу, просидел Гришка Отрепьев в нем, сплюнул и воротился в Первопрестольную... навстречу своему четвертованию и выстрелу с его золой-праху над Москвой-рекой. Впрочем, не буду пересказывать школьный учебник, советский разумеется, а перейду к делу, которому, как известно, время.

◆ Вспоминая о временах почти тридцатипятилетней давности, когда телерадиоведущие только начали американизировать русский язык, а народ с восторгом неопитов из уст в уста передавал услышанное утром из кухонного динамика навроде «первым русским тревелблоггером был тверской купец Афанасий Никитин», Андрей Матвеевич четко — для себя и своих слушателей за столиком заведения «с подачей» «Наливай-ка!» — сформулировал довлеющую социальную триаду самого начала девяностых годов: украть, пока другие не растащили; занять должность, где делать ничего не требуется; купи — продай, а прибавочную стоимость (по Марксу с Энгельсом) на доллары поменяй. Поскольку же Бурцев вступил в новорусскую жизнь уже созревшим советским человеком, то ни к одной из составляющих эту триаду профессий явно не подходил. Увы, себя не переделаешь.

Однако на учительскую зарплату и начальные литературные упражнения, еще не приносявшие гонораров (а дальше это слово вообще стало артефактом отечественной истории), человеку семейному в те годы финансовых экспериментов прожить было сложно, почти нетерпимо. Разобравшись в общественно-политической, по советской еще терминологии, ситуации, Андрей Матвеевич скоренько отыскал себе нишу подработки, более или менее близкой к его

профессии и литературным устремлениям, а именно: околачивание, по его собственному тогдашнему определению, возле предвыборных штабов мигом расплывшихся односезонных партий. Программку ли, листовку-прокламацию для разбрасывания по почтовым ящикам доверчивых граждан, газетку-однодневку сочинить — милое дело! Главное, как у одесских классиков: д-деньги вперед! Поняв пронизательно, что единственная настоящая партия, преемник КПСС, обречена внешними и внутренними разрушителями Советского Союза, Андрей Матвеевич не обращал внимания на названия и политические девизы-речевки обслуживаемых им партий, объединений и прочих провинциальных тусовок.

Кроме каких-никаких деньжонок на поддержание штанов и семейного очага, вращение в шумных политизированных компаниях расширило его литературно-познавательный кругозор: где шапочно, а иногда и за бутылком-другим почти что непаленой водовки, познакомился он как с технологией «ходьбы» во власть, так и со множеством земляков, ринувшихся ловить золотых политических рыбок в мутной губернской воде. Благо и текущая через промышленный город речка малопрозрачна. Кстати, опять-таки перебив рассказчика, Николай Андреянович заметил — со слов соседа, страстного рыболова, — что сейчас, учитывая деиндустриализацию города за прошедшие три десятка лет, речка очистилась от сбросов, а любители посидеть с удочкой на берегу летом, а зимой у лунки, возвращаются домой с хорошими уловами. Даже слегка бурчат, дескать, пора бы уже и стерлядкам, успешно разводимым в Оке близ старинного города Алексина, перестать брезговать ее притоком и почаще доплывать в наши пенаты...

Согласившись с аргументированным мнением доцента-ракетчика, Бурцев продолжил повествование о

стародавних временах становления Западом молодой российской (так тогда слышалось с телеэкранов и из динамиков на кухнях) демократии. Вот и судьба литературного негра-подработчика свела Андрея Матвеевича с образовавшимся в недрах губернской демократии группой, решавшей злободневный вопрос об областной власти. Здесь на короткое время образовался вакуум. Первых секретарей обкомов отменили. Ивана Христофоровича, благодетеля города и области, за четверть века преобразовавшего весь наш край, вместе со всеми его коллегами от Калининграда до Камчатки и Сахалина, вывезли в Москву, где их поселили скученно — на всякий случай для примотра. А председатель облисполкома, то есть де-юре глава региональной власти, оказался старорежимным коммунякой. По образцу передовых областей, столичных и университетских центров, назрел вопрос о поставлении на областную власть главы новой формации со старинчатым, главное — не советским, поименованием губернатором. Благо у американских благодетелей тоже губернаторы.

◆ Группа же озабоченных фигурой будущего главы области укрупнено делилась на две категории. Первая — сугубо деловые люди, ожидавшие от содействия постановки во власть губернатора многих его щедрот. Состояла она преимущественно из разнородных начальников средней руки... точнее даже полусредней навроде завотделами, начальниками исполнительных служб, то есть всех тех, кому при прежней власти предстояли бы долгие года, десятилетия сложной борьбы, выгрызания, шаг шагом, методом проб и ошибок, путей восхождения по ступеням карьерной лестницы с тем, чтобы ближе к пенсионным годам войти в тройку-пятерку руководящих в своей организации, на своем предприятии и пр. лиц. И на этом исчерпать свои потуги. Как люди осторожные — живем как на вулкане! — они не то-

ропились, как иные восторженные дурачки, публично рвать и жечь свои партбилеты, но хранили их дома в дальних углах ящиков письменных столов. Дескать, подальше положишь, поближе найдешь. Или как в инструкциях к аптечным снадобьям: «Храните в местах, не доступных для детей». Все та же врожденная или воспитанная осторожность повлияла и на выбор их пути в новой жизни страны: чиновное и иное служебное занятие. От пресловутого «предпринимателя — страны спасателя» их отвращала реальная возможность стать персонажами пословиц: «За тюрьму, за суму, да за богадельню — не ручись» и «Полтинного вора чествуют, а алтынного вешают».

А вот вторая категория — традиционная для всех в истории, начиная с Великой французской революции 1789—94 годов, крупных событий, связанных с коренными изменениями во всем укладе жизни. Короче говоря, это были восторженные идеалисты. По составу же — сущие разночинцы: учителя, грамотные рабочие и мелкие служащие, надомные изобретатели велосипедов и кухонные борцы за извечно недостижимую справедливость по типу «колбаса всем, а не только по спецпайкам», домашние же сочинители пухлых рукописей, содержащих ревизию Маркса — Энгельса применительно к современным условиям. Конечно, неизменная пара-тройка интеллигентных городских сумасшедших, а для украшения общества — тем более демократия с ее равенством полов! — пяток женского персонала. Опять же, как и у одесских классиков (глава о детях лейтенанта Шмидта), бабенки подобались перезрелые, некрасивые разведенки, восторженно-визгливые. Как водится, все они сочиняли самострочные стишки с глагольными рифмами, что раньше помещали в учрежденийских стенгазетах. Впрочем, водку на междусобойчиках пили охотно и не пьянели.

Не действовал даже стремительно вошедший в

обиход «бабоукладчик», якобы итальянский крепкий ликер «Амаретто», что гонят из турецкого спирта-ректификата и местного свекольного сахара-сырца в бывших подгородних совхозах. Как пояснил Андрею Матвеевичу заприятельствовавший с ним врач-психиатр, собиравший материалы для диссертации на тему общественных психозов, поэтому и посещавший различные политтусовки, этот тип женщин, то есть их организмы, индифферентны к спиртному. Мол, нормальный человек пьет или просто выпивает для создания в своей голове ложного медиатора эйфории (Бурцев даже записал этот термин в блокнот — вставить в рассказ или роман в будущем), то есть удовольствия раскрепощения, а «нашим бабеттам этого не требуется, ибо они все с заметной сумасшедшинкой, потому такой медиатор у них уже пожизненно сформирован в их малопривлекательных головках», — рассмеялся доктор, чокаясь с Андреем Матвеевичем в простонародной «стекляшке», куда они приятельски зашли после очередных посиделок на собрании демократической общественности.

И еще отметил Бурцев, не лишенный писательской интуиции: при всей внешней безалаберности и многословной болтовне таких сборищ, ощущалось некоторое неявное направляющее начало, как бы сейчас сказал высокоученый профессор Скородумов: детерминированный хаос есть способ управления сознанием людей...

◆ Меж тем, пока общественный комитет разговоры разговаривал, причем первая категория комитетчиков осторожно помалкивала, а разночинцы приносили запутанные речи с любительским обоснованием необходимости равняться в устройстве новой России на шведский социализм и обновленный марксизм — с допущением ограниченной конкуренции в сфере производства средств потребления, те самые незримые устроители детерминированного хаоса не

сидели сложа руки. Иначе откуда возникло вдруг единое желание тотчас приискать кандидата в губернаторы и везти его в столицу? Требование же к такому, исключая всякие мелочи в части профессионализма, опыта руководящей работы, склонности к демократии, либерализму, а еще лучше — к американизму, одно: должен быть пострадавшим от советско-коммунистической власти. И фамилия такого номинанта как-то сама собой обозначилась: Василий Антонович Белугин. Из партийно-хозяйственных сфер. Правда, пьющий, но здоровяк хоть куда. Тем более, что в запьянцовской атмосфере того времени это качества скорее приветствовалось, нежели лицемерно порицалось. Дескать, пьет — близок к народу; опять же народная мудрость: «Пьяному бог всегда соломки подложит», «Пьяный проспится, дурак никогда».

Главное, чего не отнимешь у Белугина — не просто пострадал от коммунизма, но скатился сразу по нескольким пролетам карьерной лестницы: из завотдела сельского хозяйства обкома — кормильца и поильца области! — на должность второго секретаря самого отдаленного и захудалого сельского района с центром чуть ли не в деревне. Председательствующий сформулировал и текст для характеристики кандидата в губернатора: «...как пострадавшего от партийно-властных структур прежней власти, а именно выступившего с резкой и справедливой критикой бездеятельности обкома, воспрепятствовавшего смелым новациям господина... (здесь председательствующий задумался, зачеркнул слово «господина», мол, негоже впереди лошади бежать) Василия Антоновича Белугина по повышению уровня молочно-мясного животноводства области».

Обе категории комитетчиков дружно проголосовали за предложенную кандидатуру, а ближе к вечеру все в той же «стекляшке» давешний врач-психиатр,

похохатывая в чеховскую бородку, рассказал Андрею Матвеевичу историю грехопадения Белугина, кстати во внеслужебной обстановке добродушнейшего человека, с которым доктор когда-то водил знакомство — жены их до замужества жили по соседству и учились в одной школе — и даже консультировал по части злоупотребления «менделеевской сорокаградусной».

...Вот она-то и подвела. На заседание бюро обкома Василий Антонович прибыл с корабля на бал, то есть прямо из двухдневной инспекционной поездки по свекловодческим колхозам и совхозам южных районов области. Завтракал же в день возвращения в передовом хозяйстве, где его на славу угощал председатель колхоза, с геройской трудовой звездой на лацкане пиджака и большой искусник по самоличному приготовлению наливок и настоек.

Поэтому когда Иван Христофорович дал слово раскрасневшемуся Белугину с отчетом по текущим делам в животноводстве области, то того понесло (или кто из недругов со злым умыслом ему накануне подсказал?) напропалую: мол, в нашей области, в северных ее районах коровы — рекордисты по мясному привесу. А вот южные коровы тощеваты, зато удоями доярок и начальство радуют. Потому нельзя ли выйти с всесоюзным почином, навряд ли знаменитого Щекинского эксперимента семидесятых годов, прогремевшего по всей стране: периодически, раз в три-четыре года северным и южным районам обмениваться коровьими стадами, с быками-производителями конечно, тем самым выравнивая их по рекордным надоям и мясным привесам? Обкомовцы потупились, а Иван Христофорович посмотрел пару секунд прозрачными глазами на животновода-мичуринца и перевел разговор на другую тему. Через неделю, сдав дела новому завотделу сельского хозяйства обкома, погрустневший Василий Антонович убыл в глубинный район. Кстати говоря, не северный и

не южный, но на линии их условно-географического раздела.

◆ На общественный кошт послали гонца, известного в городе и области адвоката, в Первопрестольную — искать ходы, входы и выходы в новой власти. Вернувшись, Семен Давыдович все разъяснил: ни Анатолий Борисович, ни внук детского литературного классика, в приемные которых он поначалу обратился, такой мелочевкой не занимаются. Постановлением же губернаторов ведали не совсем понятные люди, вроде как с Урала прибывшие. Непосредственно же такие дела вел некто с грузинской фамилией. Андрей Матвеевич точно ее не запомнил по причине созвучия с фамилией известного грузинского киноактера. Обычный фокус психологии человека, по русской присказке: с Федота на Якова, с Якова на всякого.

Стал вопрос: кому ехать с представлением, то есть с собственно Белугиным и «представителями широкой общественности»? И хочется иному — ведь все благодарности нового главы области на него свалятся, и колется — как бы чего не вышло, живем-то единым днем? Но смельчаки-самовыдвиженцы скоро нашлись. От первой категории — осанистый, с хорошо поставленным баритоном, гладко говорящий, весельчак в своих кругах, общительный, многим в городе известный как Пал Гнатьич, то есть Павел Игнатьевич, из педагогических доцентов. Разночинцы же выдвинули от себя Колю-водопроводчика. Андрей Матвеевич его хорошо знал: жил Коля по соседству, одно время трудился в ЖЭК'е, обслуживающем и дом Бурцева. Пару раз чинил краны в его квартире. Он иногда присоединялся к ним с доктором в посещении «стекляшки», хотя почти и не пил. Персонаж в нынешней жизни немислимый, но в советские семидесятые — начальные восьмидесятые годы не в редкость. Этакий аналог

немецкого рабочего-кожевника Иосифа Дицгена, жившего и работавшего в Германии, затем в Петербурге, а потом уехавшего в Америку, что в одно практически время и параллельно с Карлом Марксом самостоятельно создал учение о диалектическом материализме. Скородумов не раз это рассказывал. Так и Коля-водопроводчик по вечерам и ночам сочинял капитальный труд — теорию обновленного социализма. Себя он именовал последователем Георгия Валентиновича Плеханова. А на все, многочисленные тогда, городские митинги и манифестации ходил с личным новым знаменем.

...Когда представители демобщественности и Белугин вернулись из столицы, Коля много чего рассказал по-соседски Бурцеву о днях, проведенных их компанией в номере-люксе гостиницы «Россия», с ходьбой по разным местам и приемным. В итоге-то вернулись с полной победой: Белугин, с поддержкой многоречивого Пал Гнатъича и суровеющего бронзово-загорелым лицом (работа на солнце, на воздухе!), сжимающего пролетарские руки в кулаки Коли-водопроводчика, утвердили в искомой должности.

Как истинно пьющий человек, то есть вовсе не себе на уме и подспудно чувствующий свою вину, Белугин щедро, даже не по-губернаторски, а по-царски, отблагодарил инициаторов-общественников: каждой сестре по серьгам, в зависимости от вклада в дело поставления его во власть. Понятно, что высшие знаки благодарности получили Пал Гнатъич и Коля-водопроводчик, как непосредственные ходатаи. Первый из простых доцентов-биологов, перелетев через все ступени и пролеты губернской карьерной лестницы, очутился директором департамента образования области с подчинением сложной системы школьного наробраза, высших учебных заведений и техникумов, стремительно переименовываемых в колледжи. И это еще не все! Василий Антонович лихо

скрепил своей размашистой подписью постановление об образовании нового факультета в бывшем политехе, обретшем статус университета классического типа, и о создании (это в то время как рушились научные школы со столетней историей!) научно-исследовательского института. Само собой понятно, что деканом и директором, соответственно, назначался все тот же Пал Гнатьич. Кстати, того самого института, где за десяток лет трудился первым замом (по науке) профессор Скородумов, и того факультета, где он сейчас обретается.

Сложнее было дело с плехановцем Колей-водопроводчиком, имевшим лишь среднее вечернее образование. Пришлось Белугину изобрести для него диковинную должность областного ранга: что-то вроде руководителя-контролера всех правоохранительных служб, включая губернский ОМОН.

— Вот так и я хотя сбоку, но все же оказался сопричастным к высоким административным делам, — закончил свой рассказ писатель Бурцев.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ВАРАВИН И ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

♦ Англичане — народ исторически занятый своими делами, а при их исполнении требуется сосредоточенность, не располагающая к пустопорожней болтовне, тем более к душевным беседам. И это не зависимо от классовой принадлежности: от манчестерских фабричных рабочих и ливерпульских докеров до страховых агентов, мелких чиновников и «все выше и выше, и выше» до членов палаты лордов. Поскольку же без минимального общения человек дичает до полного отворачивания к жизни, то последняя сама подсказала выход: для рабочих — вечерние посиделки за портером в пабах, для тех кто рангом повыше, а одежда почище — ресторанчики с подачей виски в Сохо и других районах Лондона, Бирмингема и Ливерпуля тож. А вот для джентльменов средних и высших категорий — клубы, чисто английская придумка, распространившаяся по всей Европе. Докатилась же она в девятнадцатом веке и до России. Возьмите в руки почти любой роман того времени, полистайте и обязательно найдете: «<Такой-то, Стива Облонский, князь Нехлюдов и так далее> завтракал в Английском клубе»... или там же вечером играл в карты, взбодряя себя коллекционным портвейном или мадерцей «с корабликом на этикетке». И так далее.

А между двумя русскими революциями в столицах и крупных промышленных городах появились рабочие клубы: либеральные воротилы-купцы навряд ли Мамонтова, Морозова, Путилова, открывая их, сами себе копали могилу в недалеком семнадцатом году... Но вот советская личная жизнь и общение народа, особенно в городах, проходили в заводских и

фабричных, учрежденческих клубах и домах культуры. А где еще было встретиться в нерабочее время? — не в перенаселенных же квартирах, коммуналках, жилых полуподвалах, в снимаемых на окраинах углах и койках деревянных домов-развалюх, а уж тем более не в осточертевших общагах: комната, заставленная кроватями с панцирными сетками, где спят пришедшие со второй смены, третья собирается в ночь стахановские рекорды ставить, а первая, чтобы не мешаться под ногами, на танцах в клубах до их закрытия. Да еще с запасом времени девушку свою до дома проводить.

Но вот в шестидесятых — первой половине семидесятых волонтарист (и пробобелист, как тогда в газетах осенью шестьдесят четвертого года писали) Никита, а особенно «и лично дорогой Леонид Ильич», на смену коммуналкам и прочему стесненно-перенаселенному распорядились всю страну одеть в леса новостроек-пятиэтажек. Гигантское по объему строительство решило злосчастный квартирный вопрос, как положено, «доставшийся советской стране от человеконенавистнического царизма» и пр.

Клубы не то чтобы опустели, но приятная прохлада поселилась в них: детская самодеятельность, библиотечные посетители, праздничные мероприятия: все при деле, неторопливо, не очень людно. Только субботние и воскресные вечерние танцы наполняли клубы молодежью. Общение же перешло частично на кухни *своих квартир*. Обычно под «очищенную» сам-трое.

Но в те же годы улицы городов и даже сел обставились типовыми «стекляшками»; строились новые кафе и рестораны — все со смешной, по сравнению с нынешней частнособственнической, наценкой на спиртное, а закуски и вовсе по общепринятой общепитовской раскладке. В такие вот общедоступные «клубы с подачей» и переместилось общение

мужского, а в ресторациях и смешанного обоеполового, общения и отдыха после трудового дня. Опять же заметное снижение нагрузки на жилплощадь не всегда, но зачастую позволяло продолжить обоеполовое общение и по выходу из ресторанов и кафешек. Что, в свою очередь, благотворно сказывалось на росте числа браков и народонаселения страны.

В веселые девяностые годы народ и вовсе заходил домой только поспать, ибо все улицы городов покрылись брезентовыми палатками мобильных пивных с круглосуточным обслуживанием. Но затем, спустя десяток лет после миллениума, как-то все стремительно обнулилось: ни «стекляшек», ни нормальных кафе и ресторанов, тем более пивных. Так что и нашим неразлучным друзьям еще повезло: каким-то чудом сохранившееся заведение «Наливай-ка!» и дало им приют для пятничного общения.

◆ Выслушав пространные рассуждения профессора Скородумова во время традиционной пятничной встречи, уикэндовской на нынешнем американизированном волапюке, в гостеприимной «Наливай-ке!» в части зарубежной и отечественной истории клубов, Николай Андреевич и писатель Бурцев многозначительно переглянулись. Каждый по-своему понял причину такого экскурса. Андрей Матвеевич молча поднялся со стула и отправился к барной стойке за добавкой, а Николай Андреевич поинтересовался:

— Неужели *нашу* «Наливай-ку!» по жалобам окрестных бабок, что телесериалов насмотрелись, перепрофилируют на что-то бесполезное? Навроде магазина природных моющих средств или, ха-ха! салона интим-аксессуаров — вот внуки этих бабулек обрадуются!

— Да нет, Андреевич, пока дамоклов меч над этим славным заведением не завис. Опять же народ сейчас пьет мало, запуган, тихо себя ведет. Бабки тем более — по домам сидят, в теляцкик смотрят

или, взяв в сухонькие ручонки смартфон, пальчиком по нему водят. Нет, дело в другом, просто само понятие общения между людьми скоро канет в лету... А вот и литератор наш не с пустыми руками вернулся и соврать не даст.

— Да-а, Васильич,— добродушное лицо Николая Андреяновича затеплилось ностальгической улыбкой воспоминаний о былом, а были ведь у нас посиделки на пеньках в родном лесу, прямо за проходными «Меткости», а?

— А как же? — оживился Скородумов,— особенно традиционные шашлыки под Девятое Мая. С утра заготовителей отправляют со всех служб и отделов: кто смел, тот и успел занять мангалы, что годами, а может десятилетиями стоят бесхозными в березовой роще. И заметь: никто их не сопрет, от скуки не поломают, не изгадит. Одно слово — казенный лес при казенном предприятии! Опять же лишний народ здесь не болтается. К окончанию предпраздничного трудодня народ подтягивается ватагами к своим полянкам с раскочегаренными мангалами, в которых шашлыки уже доведены до степени готовности. Духмяный аромат даже ворон, что расселись на ветвях берез, заинтересовал. А шашлычный мастер с подмастерьем крутят шампур, кропя мясо сухим вином. По пенькам самые хозяйственные из отделиских женщин на расстеленных газетах расставляют пластмассовые стаканчики и заветные разноцветные бутылки, готовят закусочные — перед раздачей шашлыков — бутерброды. «Еще немного, еще чуть-чуть» и понеслось веселье. Под музыку принесенного кассетника и танцульки на годами притоптанном пятачке поляны после третьей-четвертой начинаются. Еще не освященные загсовской депутатшей райисполкома узами брака парочки временами удаляются поодаль пообниматься, пообжиматься. И так по всем полянам березового лесочка. По

законам физической акустики магнитофонная музыка, песняки, «топот пьяных мужичков», притворные женские взвизги и звонкий девичий смех — со всех полян сливаются в этакое звуковое гало, что накрывает эту часть подгородного леса. А ближе к наступающей темноте, когда вечерний раннемайский воздух свежеет и становится идеальным проводником звуковых волн, — с профессорской дотошностью продолжал Игорь Васильевич, — гомон шашлычного веселья накрывает и дорогу, ведущую от проходных «Меткости» к ближней городской окраине...

— Вот-вот, — рассмеялся Николай Андреянович, — потому-то наш начальник отдела возвращался с первого после праздника планового совещания у Самого с ухмылкой на лице, дескать, хорошо повеселились накануне в лесу? Вот и Гусаков всех вас вкупе похвалил: еду, говорит, вечером домой, по теплоте времени стекло опустил, и из рощи березовой как с именин у архиерея гомон и веселье доносятся. Значит хорошо ваши подопечные отдохнули? Поэтому и планы наши подкорректируем... в сторону ускорения конечно.

◆ — Чего только не услышишь на таких сабантуях, — продолжил Скородумов. — Раз под День Победы довелось нашему отделу разделить мангальную поляну с небольшой службой, обеспечивающей телефонную, селекторную, спецсвязь по «вертушке» и даже радиосвязь с самодвижущимися «изделиями», готовящимися к отправке на полигоны в казахском Донгузе и южноуральском Капустином Яру. В подобных подразделениях трудится народ основательный, потому и предпочитающий легкомысленным шашлычным вечеринкам сто грамм с прицепом на троих, а затем домой к калорийному ужину с прихваченной в попутном гастрономе четвертинкой или чем-нибудь основательным. Поэтому из всей службы в шашлычную рощу пришли только трое — мате-

рый, полтинник с лишним, но шумно-компанейский начальник связистов Семен Михайлович Варавин и два инженера, возрастом помоложе, один из них штатный заместитель Варавина. Ну ты, Андреяныч, разумеется Варавина знал, хотя бы по разговорам о столь приметном человеке, тем более в лицо, встречаясь на территории.

Понятно, такой компашке было бы смешно, да и самим скучно, претендовать на «свой» мангал, потому и подрулили к нам, внося гостевую лепту в стеклянной и газетной фасовке. Тем более, что Семен Михайлович не чужой человек — его старшая дочь, по мужу Жестянкина, работала в нашем отделе в той витиевато именуемой должности, не требующей «вышки», что переводится в обязанность отдельской делопроизводительницы и завхоза. Поскольку же число шампуров с мясом укладывалось на борта мангала всегда с запасом: кто запоздавший подойдет или аппетит разыграется? — то и гости в накладе не остаются.

...Когда, хотя бы и редко, главный связист «Меткости» на минутку заходил в наш отдел — что-то семейное сказать или спросить у дочери (жили раздельно), — то создавалось у многих впечатление внезапной заполненности кубатуры просторной комнаты. Особенно зимой, когда жилистый, почти двухметровый, косая сажень в плечах, высоколобый и носатый Семен Михайлович входил с улицы в казенном полушубке, крытом сукном, шапке-малахае, меховых обувках-говнодавах сорок шестого или более размера. Шапку же оставлял на голове не по причине невоспитанности, но от стремительности отцовского визита к дочери. Кстати, тоже в свои тридцать лет достаточно осанистой. И ростом родитель по наследству не обидел. Даже снег на меховом воротнике и шапке — от разыгравшееся февральской пурги — не успевал растаять за время от входа до выхода из здания.

От отделившихся подруг словоохотливой Лили Жестянкиной все вкратце знали верстовые факты биографии ее отца: родом с Херсонщины, из семьи евреев-землепашцев, по возрастному призыву застал последний год войны — служил на Дальнем Востоке, награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией», к которым в мирное время добавились полдесятка юбилейных наград и трудовые медали. Еще Семен Михайлович гордился редкой для гражданских лиц медалью «За отвагу на пожаре». Дело в том, что в конце пятидесятых — шестидесятых годах активизировалась деятельность добровольных пожарных дружин. Как поговаривали, общество это всесоюзное возглавил в раннепенсионном возрасте еще энергичный бывший цекковский работник, получивший за пожарную инициативу генеральские погоны... Впрочем, народу лишь бы позлословить насчет больших звезд на погонах чужого плеча.

— Что верно, то и истинно, — опять не утерпел Николай Андреевич, — как моя архангельская мать говорила: «Слышали вести — украли петуха с насести!». Извини, Васильич, продолжай, пожалуйста.

◆ — Мг-м-м. Продолжу. Вот и Семена Михайловича, видать, сагитировали: здоровенный, мол, мужик, фронтовик и так далее. Вступил в дружину, а на одном пожаре в Лентяевке, где частная деревянная застройка, отличился: за несколько минут до обрушения крыши в сенцах на руках вынес восьмидесятилетнюю старушонку, за что и медали удостоился. Жестянкина как-то приносила давнюю фотографию: на городском смотре общественных пожарных на переднем плане старшина команды Варавин в брезентовой робе и медной каске с гребнем, как Александра Македонского изображают на живописных полотнах, с брандспойтом, в позе изготовившегося к броску в огонь да полымя. На мужественном лице удаль и бесстрашие... Очень впечатляет!

Но — ближе к сути, а то нóлитая водка в стаканáх стынет. Так и тогда в березовом лесочке, когда мангал почернел своими угасшими головешками, а поляна осветилась костерком, разведенным обок его (тогда миллионными штрафами народ еще не запугивали), тамада разлил по третьей или четвертой, наступило недолгое затишье перед магнитофонным ором и народным песняком. На давно поваленной летним ураганом отжившей свое березе с отсеченными ветвями с десятков человек уселись, а в центре Семен Михайлович со своими неисчерпаемыми историями из прошлой и нынешней своей жизни. Главное, чтобы словесную наживку, нарочито кем-то поданную, заглотил матерый рассказчик. Хотя бы и сугубо ассоциативную. Так и здесь случилось. Кто-то из девиц или молодых бабенок засмотрелась на темное уже небо и радостно воскликнула: «Ой, спутник летит!» Мужская часть шашлычного коллектива добродушно рассмеялась. Кто-то знающим голосом пояснил восторженной девице: «Это всего-навсего рейсовый пассажирский самолет летит, а бортовой мигающий огонек — сигнальный, на случай если другой самолет на встречном курсе. Чтобы сообразил тамошний летун, что высотный эшелон занят, будь начеку! А судя по курсу, летит этот самолет в восточную сторону — навстречу *восходящему солнцу*.

Во вновь наступившей тишине все сидящие на березовом бревне явственно слышали как Семен Михайлович глубоко и шумно вздохнул и что-то неразборчивое пробормотал. Отметив устремленные на него вопросительные взгляды, главный связист «Меткости» с полминуты, явно колеблясь, промолчал, а затем удивил всех малопонятной репликой: «Куда летишь знаешь, а что там найдешь, не ведаешь».

Здесь тамада с парой откупоренных бутылок — водки для мужчин, десертной болгарской «Тамянки»

женскому полу — в очередной круг обходил рассевшийся на поляне коллектив, наполняя протянутые ему навстречу пластиковые стаканчики. Варавин с чувством выпил, довольно крякнул, закусил с растеленной поблизости газеты, промолвил: «А я вот тоже однажды навстречу *Восходящему Солнцу*, в страну, так именуемую, слетал. И такую память оттуда привез, что по сию пору раз в год мне медики полностью кровь переливанием заменяют. Вот так-то порок любопытства наказывается!». Сказав а, говори и б. Семен Михайлович, огорченно махнув рукой, овладел вниманием собравшихся повеселиться вовсе грустным повествованием. И поведал историю из своей богатой событиями жизни, заставившую слушателей иными глазами посмотреть на весельчака и анекдотчика, душу любой компании.

♦ Я, други мои, на свет объявился под самый Новый год, потому по возрасту был призван под тот самый победный сорок пятый. Проживало тогда наше семейство в эвакуации в Амурской области на железнодорожной станции Транссиба с чудным названием *Ерофей Павлович* — в честь первопроходца Хабарова; тоже и Хабаровск. Коль скоро, учась в школе, занимался по линии Осоавиахима* радиоделом, то меня и отправили в этот самый Хабаровск в училище связи с краткосрочной, по военному времени, подготовкой. Словом, войну с Японией уже встретил стрелком-радистом на бомбовозе — в сержантском звании, а маленькую звездочку на погоны получил к ее завершению.

Сразу после капитуляции япошек и разгрома Квантунской армии пересадили меня радистом на лендлизовский военно-транспортный дуглас. Бомбить вроде как некого, а народа военного много тогда ле-

---

* Общество содействия авиации и химзащиты — предшественник ДОСААФ.— Прим. авт.

тало туда-сюда на Сахалин, Курилы, где имелись японской постройки аэродромы, в Китай и Корею. Раз даже в Ханое побывал.

Как-то ввечеру драю сапоги до зеркального блеска и галифе отглаживаю — завтра увольнительный день, собирались с однополчанами хорошенько погулять с дамским присутствием, — как вдруг посыльный: к шести утра быть-стать на аэродроме. Погулял значит... Но самое удивительное ожидало утром: к экипажу добавили двух летунов — одного по штурманской части, другого ко мне приставили. Как он сказал, будет по рации, когда понадобится, по-английски говорить. А командир наш, запыхавшись пробежкой от штаба, где его с ночи инструктировали, прояснил такое нововведение: «В Японию полетим, а куда именно, то дублер штурмана знает. Сейчас пассажиры подтянутся». Хм-м, уже светает, так что в прямом и переносном смысле полетим в страну Восходящего солнца, оббить ее медь!»

Тут и кавалькада виллисов с «пассажирами» подкатила. Свят-свят, одни генералы, слегка прореженные полкашами — все с разными петлицами, в том числе и ядовито-зеленого цвета, то есть «химдымовцы». Тройка в штатском — явно от Лаврентия Павловича. Взлетели. Правда, курс не навстречу восходящему солнцу, в ровно на юг. Где-то через пару часов мой напарник перестроился на другую волну и заговорил по-английски. Я в школе немецкий учил, как ни вслушивался, только одно знакомое слово уловил: Хиросима, что с недавних времен у всех на слуху. Кое-что стало проясняться. Еще через час с четвертью мой и штурмана дублеры засуетились. Последний, не отрывая глаз от карты, что-то говорил беспрестанно пилоту, а они оба враз и поочередно разговаривали с землей через переводчика. Судя по ощутимым выражам и показавшейся — мне сзади, из-за спин только верхний краешек, и тот бо-

ковой, окна виден — самолет готовится к посадке, причем близко к морскому берегу.

...Уже потом, когда в наших газетах начали всячески клеймить американцев за двурушничество и антисоветский агрессивный настрой, ясно стало, что приглашение нашей военной делегации на место взрыва атомной бомбы вовсе не союзническое сотрудничество, но примитивное запугивание. Дескать, пусть генералы сами посмотрят что к чему и по начальству доложат вплоть до Сталина. И задумаются, мол, лучше не борзеть и америкосам в ножки кланяться! А на аэродроме, заставленном разномастными самолетами с американскими звездами, делегацию встретили ихние генералы дружелюбно. Подогнали все те же виллисы, в которые усадили наших. Экипажу же, вместе с одним из прилетевших в гражданском, велено было ожидать. Но я подошел к главному генералу, попросил, интереса для, взять с собой. Тому, как полагаю, мой рост понравился, а скорее всего не было особой инструкции насчет экипажа... словом, разрешающе махнул рукой.

Ну-у, описывать зрелище, что предстало перед глазами, не буду. Сейчас фотки того времени общеизвестны. Походили-походили по пеплу, прибитому дождями. Генералы, наши и американские, поугрюмели. Тогда ведь о радиации мало что знали, тем более только по окраине города ходили.

Да-а, звоночки-то в организмах через годик проявились. Приписали к московской клинике. Как уже говорил, ежегодно кровь мне заново меняют на донорскую. Генералы с полковниками уже покинули этот мир. Как лекари говорят, мне повезло: молодой, почти юношеский возраст. Опять же рост мой: голова и внутренности подальше от радиоактивной земли. А все любопытство!

НИКОЛКА И ЦАРЬ-БОМБА

◆ — А знаете, друзья-приятели,— подхватил тему пятничной беседы в заведении «Наливай-ка!» Николай Андреевич,— атомная бомба, тем более водородная, штука пакостная. Пока, слава богу, кроме образцово-показательных америкосовских «малыша» в Хиросиме и «толстяка» в Нагасаки, за прошедшие восемьдесят без малого лет они по назначению не использовались. Но вреда уже достаточно человечеству принесли, начиная от массового психоза запугивания до вольных или невольных жертв радиоактивного заражения. Как наш с тобой, Васильич, знакомый по «Меткости» Семен Михайлович Варавин. И промышленность их изготовления — не пирошки с повидлом печь. Да и «мирный атом» в этом не отстаёт: Чернобыль, Фукусима и все что между ними по времени и географии. Но все же главное — это даже не психоз ожидания, но некоторое шестое, сверхшестое чувство, как всякое чувство, давящее без словесного определения. То есть хреновато тебе, даже голова не трещит, что можно в один миг снять стограммовкой. Вот именно — без словесного выражения. А как говорит наш дорогой Андрей Матвеевич, без малого классик современной русской литературы, вначале было слово, затем...

— Тпру-у, Андреевич. Во-первых, это не я сказал, а цитировал священное писание; во-вторых, не вначале, а в *Начале* — совершенно иной смысл, то есть в Начале божественного творения!

— Хорошо-хорошо, пусть будет по-твоему, а по мне так все едино. Если же словами это сверхшестое чувство не описывается, то чего тут спорить? Гнетет и все! Конечно, у каждого своя душа по-разному скорбит и этот груз постоянно нависающей катастрофы, ее возможности все различно ощущают. Ведь на вкус и на цвет товарищей нет. Это как действие

спиртного, которое сейчас в прессе, на телерадио и даже на вывесках магазинов суконно-цинково именуют химическим термином «алкоголь», в то время как в русском языке масса замечательных, контекстных, как бы сказал наш уважаемый профессор, наименований: бухалово, кирка, водовка, самогоновка, плододыгодное, вино — в смысле водка, сухач, горячительная, злодейка с зеленой наклейкой, чернила (это у белорусов) — все что крепостью ниже двадцати градусов; опять же...

— Андреяныч, ты к делу-то поближе!

— К нему и веду, Васильич. Так вот, допустим, выпьешь стопарик нашей родимой, прозрачной и сорокаградусной — по Дмитрию Ивановичу Менделееву — желудок от восторга замрет на пятьдесят секунд, а потом как бабахнет таким животным теплом по всему организму! Другое определение, когда Андрей Матвеевич прихватит на пятничное застолье бутылек виски, настоящего, не в бывшем подмосковном совхозе выгнанного — от благодарных авторов своей «Срединной России». Введешь в организм неторопливо — маленькими глотками или тонкой струйкой, — так и тянет поанглосаксонски челюсть перекусить и ноги в ботинках на стол положить. От коньячка, особенно пятизвездного Ереванского коньячного завода, как в полублатной песенке: «...голова у нас в порядке, ноги не идут». Текилы новомодной хлебнешь и словно кактус пожевал: ни себе, ни людям! А вот от свекольного самогона, что бензином отдает, сразу появляется желание кому-нибудь, лучше компаньону, меж глаз засветить. И так далее. Правда, джина и абсента не пил, не могу ничего сказать.

— Не слишком ли рискованные аналогии: атомная бомба и сорта, так сказать, специфического продукта питания?

— Никак нет, Андрей Матвеевич! Как вы оба

прекрасно знаете, я родом из города подводников-североморцев Полярного. В самом-то городе, в его Екатерининской гавани только дизельные подлодки к пирсам швартуются. Но поблизости, в счетном числе миль, в губах атомные подводные крейсера базируются. Считай — один и тот же город, только рассредоточенный по левому берегу Кольского залива на самом его выходе в Баренцево море. То есть все всем известно. И что атомным подводникам в море выдают по сотке красного сухого вина, обычно болгарского навроне «Шипки», в обед. Вроде как способствует выведению радионуклидов из организма и заодно паническую нагрузку с души, так сказать, снимает. Сейчас-то все известно — телевизионщики с удовольствием эту тему смакуют в передачах о флоте. Но я к чему подвожу — к тому самому сверхшестому чувству, что на себе в заполярном своем детстве испытал.

◆ Новый, шестьдесят первый год начался весело — забавно было шестикласснику Николке наблюдать повсеместную суету денежной реформы: старые, большеразмерные рубли, на которых стоял 1947-ой год предыдущего обмена денег, теперь заменялись совсем крохотными бумажками: один новый за десять прежних. Самое интересное, что однодвух- и трехкопеечные монеты сохранялись в обороте, автоматически удесятерив свою стоимость. Словом, долго народ привыкал к переменам, да еще потом с десятков лет слова «новые» и «старые» не выходили из обихода.

Еще более весомое, радостное событие произошло в середине все того же года: закончилось маячно-кочевое житье их большой семьи. То есть приехал перешедший в седьмой класс Николка из второй смены пионерлагеря Северного флота в Геленджике не на островной маяк Большой Олений, а в новый их отдельный финский дом, бывшую районную биб-

лиотеку, что под номером «7» на улице имени героического матроса Сивко в Старом Полярном. Так географически делился на две части, Старый и Новый, город Полярный, раздвоенный глубокой межсопочной ложиной, тянувшейся вместе с ручьем Чайковский до самых пирсов подплава* на материковом берегу Екатерининской гавани. Соединялись же Новый и Старый Полярный загородной объездной (лощину) автомобильной дорогой с бетонным — для спецтранспорта — покрытием, а для пешеходного сообщения использовался ставший притчей во языцех деревянный Чертов мост, сотнями своих ступеней и несколькими площадками со скамьями для отдыха огибавший по рельефу покатые склоны сопки Старого и Нового города, лощину между ними, а над ручьем Чайковским оправдывавшим свое наименование моста...

На маяке поселка Белокаменка Николка явился на это свет; младенчество и начало детства провел на маяке Палагубский, что напротив западного входа в Екатерининскую гавань; в школу пошел, в смысле был доставлен на гидроотдельском катере, с островного маяка Седловатый; последний же маяк Большой Олений отделялся от Полярного островом Екатерининским и двумя неширокими проливами. Все годы школьной учебы в маячной жизни Николка и его подрастающие два брательника девять месяцев в году проживали в интернате при школе. Было от чего возликовать, вернувшись из черноморского пионерлагеря в свой дом *в городе!* Только тот может понять глубинную, усталую радость Николки, кто с семилетнего возраста три четверти жизни провел в отъединении от семьи...

---

* Принятое в военной и гражданской среде Полярного тех времен неофициальное название обширного берегового «хозяйства» 4-й эскадры подводных лодок, базировавшейся на пирсах города.— Прим. авт.

Вот уже два месяца, без одного завтрашнего дня, ходит учиться семиклассник Николка не из интерната, что в полусотне шагов от парадного входа в школу, а солидным горожанином спускается с вершины сопки, на которой вразной раскидан неполный десяток финских домиков, составляющих улицу имени Сивко, на главную улицу Старого Полярного с названием Советская, прямо к киоску Союзпечати — поинтересоваться: не завезли ли свежие номера журналов «Радио» и «Филателия СССР», а затем, обогнув угловой трехэтажный дом — небоскреб для Старого города! — выходит на деревянные мостки, ведущие поверх слегка выровненного строительными взрывами гранита к Чертовому мосту. Миновав вниз-вверх сотни его ступеней, ступает на такие же мостки сопки Нового Полярного. Дойдя до помещительного одноэтажного ресторана «Ягодка», в котором в годы войны герои-подводники отмечали возвращения с победного выхода в море, а ныне, по причине введенного Никитой Кукурузником сухого закона на Северном флоте, перепрофилированного в столовую первого класса — с официантками и ресторанным качеством заказных блюд, брал курс на восемь румбов, то есть перпендикулярно вправо, миновал недавно построенный кинотеатр «Север» и — вот она, Полярная средняя школа номер один... она же сам-одна в городе.

◆ Поскольку школа, хотя бы и помещительная, трехэтажная, протяженная по фасаду, с пристройками для начальных классов, была единственная в Полярном с его почти тридцатитысячным населением, включая несемейных флотских срочников, то занятия велись двухсменные. Седьмым классам в этом учебном году выпала вторая смена. Это и к лучшему, учитывая быстро наступающую к началу второй же четверти полярную ночь. Собственно, еще не ночь, но уже на рубеже октября-ноября смеркать-

ся начинало после первого урока второй смены. Не погуляешь!

На предпоследний же день октября, как принято накануне завершения первой четверти, назначены диктант по русскому языку и контрольная на уроке математички Елены Васильевны. А если к ним присовокупить урок физкультуры и истории, которую Николка в охотку осваивал по учебнику вперед, то получалось: сегодня и вовсе первая половина дня гуляй-не-хочу! домашних заданий нет как таковых. Цельные полдня свободы — для среднеклассного школьника это почище чем в киоске на Советской, первым среди одноклассников, купить только что появившуюся серию марок о полете Гагарина! И погода подстать: как раз недельный перерыв между унылыми холодными дождями вперемешку со снегом и ноябрьскими штормами. Уже выпавший неглубокий снег чистым белым покрывалом одел окрестные сопки, крыши домов в городе и все уличное пространство, исключая проезжие дороги, деревянные тротуары и Чертов мост, расчищаемые солдатами-стройбатавцами. И тишина, никакого ветерка на суше, даже мелкой ряби на морской воде. Только на смене октября ноябрем считанные дни такое благолепие на всю предстоящую долгую зиму выпадает жителям побережья Кольского Заполярья, тем более на самом выходе в Баренцево море.

...Вторая школьная смена, равно как и летняя пора незаходящего солнца, по разным причинам, но одинаково смещают часы сна: ложишься поздно, а наутро глаза протираешь, когда родители уже ушли на работу, равно как и оба брата — привилегия начальных классов на первую смену — сам с собой дома. Даже обе собаки, отдаленный потомок лайки Север и откровенный «дворянин» Боцман IV (три предыдущие номера проживали на маячных островах), имевшие местожительство в снях на подстил-

ках из тюленьей шкуры, выпущены на вольный выпас. Как и все их сородичи Старого Полярного. К вечерней похлебке и ночевке вернутся. Днем же забегут на территорию подплава, где вволю налопаются остатками усиленного пайка подводников, что из пищеблока выносят им добродетельные береговые коки. Собаки в городе есть существа экстерриториальные и неприкасаемые. Зато и поведения благовоспитанного: не лают и на людей косо не посматривают, а двуногим в черных мундирах приветливо и отчаянно машут хвостами — кормильцы!

Поев еще не остывшего, Николка вышел из дома, имея намерение совместить полезное с приятным. Первое — зайти в конце улицы Советской в новое здание районной библиотеки, что ранее помещалась в теперешнем доме Николкиного семейства, сдать прочитанные тома из собраний сочинений Золя и Диккенса, взять новые — по порядку их нумераций: характер подростка складывался в русле дисциплины и порядка окружающей флотской жизни.

Обменяв книги и уложив вновь взятые в матерчатую сумку-нищенку, взял курс вправо, затем по ступенчатой лестнице, напоминавшей Чертов мост, поднялся на невысокую сопку, далее спустился с нее на другой стороне... словом, через час после выхода из дома уже стоял на плоском пятачке — вершине самой высокой сопки в череде окаймлявших Полярный с трех сторон. Четвертая — водная, акватория Екатерининской гавани. Лишь недавно Николка узнал от учительницы географии, что сопка эта, нависшая над городом, гаванью и восточным входом в нее со стороны Кольского залива, имеет историческое название — гора Энгельгардта, в честь дореволюционного архангельского губернатора, осматривавшего эту местность по поручению царя на предмет создания здесь базы планируемой Флотилии Ледовитого океана — предшественницы Северного флота СССР.

◆ Взбираясь с тыльной, по отношению к городу и Екатерининской гавани, стороны на вершину горы Энгельгардта, Николка напевал недавно услышанную от ребят хулиганскую песенку:

...Две полудевочки, один роскошный мальчик,
Который ездил побираться в город Нальчик.
А возвращался на машине марки Форда
И шил пиджаки, элегантны как у лорда.*

Так распевали на мотив рок-н-ролла, выплясывая его на перемене, забравшись на верхнюю площадку левой боковой лестницы школы, куда за ненадобностью никто из персонала не поднимался, ребята-старшеклассники...

Но блатные словечки и стукотной мотивчик забургорного танца мигом вылетели из головы, как только перед ним открылся с вершины сопки вид на весь город, Екатерининскую гавань, забитую вдоль материковых пирсов кораблями различного класса, но с преобладанием подлодок, замыкающий гавань гористый остров Екатерининский, а за ним, строго по курсу на север, как на слегка приподнятой с дальнего, горизонтального края гигантской макетной столешнице, что стоит в школьном музее, четко виднелись уходящие друг от друга берега Кольского залива, что, расширяясь в этих берегах, на линии горизонта уже становился Баренцевым морем, его береговой оконечностью. Глаза привычно, хотя в них и защипало слегка от невольных слезинок умиления, отыскивали места прежнего обитания. Слева, в широ-

---

* Чтобы, не дай бог в наше время административной строгости, не подумали ничего дурного по части ЛГБТ — педермостства, надеемся надолго у нас запрещенного, поясним: «На Дерibasовской открылась пивная» — блатная песенка, а в этой среде извращенство строго наказывается. То есть «полудевочки» — что сейчас на сленге именуется телками, не девушка, ни бабенка — нечто среднее. — Прим. авт.

ком выходе из гавани крохотно виднелся общий дом нынешних жителей Палагубского маяка. Прямо за Екатерининским островом расположился остров Большой Олений. Правда, по линии взгляда сопка на Екатерининском закрывала также общий маячный дом. Виднелась расположенная вправо от него белая башня маяка-наутофона.*

Но вот крохотный островок Седловатый, еле видный отсюда, оттененный близким к нему левым берегом Кольского залива, все же узнавался большим зданием с прожекторной вышкой — маяком «сирена», одновременно звуковым, ревущим на самых низких нотах, и световым — с вращающимся мощным прожектором со стеклами из искусственного рубина.

Понятно дело, светлым днем, хотя бы низкое осеннее солнце закрывалось серою облачностью во все небо, в безветренную погоду, со свернувшимся уже ночным туманом, все маяки словно вымерли. Николка знал, что в такие благословенные дни дизель-генераторы на маяках остановлены на все светлое время, а маячники заняты неспешными регламентными работами — пополам с перекурами, как сами они говорят, усмехаясь.

Три цвета перемеживались в открывшейся взору Николке картине: берега и острова с накинутыми белыми снежными покровами; синее, но еще не зимнее свинцовое, водное пространство, окаймленное скалистыми берегами; и светло-серое, без каких-либо контрастных оттенков небо. Высокооблачное, но плотное, так что даже приблизительно не угадывалось присутствие низкого солнца.

...Всегда, когда Николка видел в такую тихую

---

* Звуковой маяк, то есть ночью или днем в туман подающий резкие звуки, частота и длительность которых внесены в мировые лоции. — Прим. авт.

погоду с горы Энгельгардта раскинувшуюся перед его глазами плоскую до самой черты горизонта картину, как ожившую географическую карту, вспоминал он летнии, отпускные разговоры за бутылкой-другой в чайной калужской деревни Дворцы отца с его дальним родственником, художником-пейзажистом, тоже приехавшим на лето из Калуги. После третьей стопки Андреян так вдохновенно описывал северные красоты в тихую погоду, что художник, тоже после третьей-четвертой, возбуждался и обещал непременно навестить своего родича и пару недель постоять с мольбертом в знаковых местах, столь велеречиво описываемых его заполярным родственником. Но... так и не собрался навестить. Оно и к лучшему, как понимал Николка: расположись тот с мольбертом на горе Энгельгардта, прямо над хозяйством подплава, так скоренько бы набежавшие патрульные матросы, углядевшие снизу живописца, доставили его в особый отдел. Поди им докажи!

◆ На таком воспоминании о калужском родственнике-пейзажисте Николке вдруг показалось, что в тишине замершего мира, лишь слегка нарушаемой отдаленными, снизу доносящимися криками чаек и пыхтящими звуками-выхлопами с подлодки, что отошла от пирса и на середине гавани что-то опробовала из своих механизмов, нечто невидимое плотно обхватило его всего, тут же отпустило, а по ушам, лишь слегка прикрытым меховой шапкой, врястяжку и хлестко ударило. Вроде бы знакомый звук — так падает сверху, когда пролетающий истребитель, взлетевший с аэродрома Сафоново, близ Североморска, то есть не так далеко, именно здесь преодолевает звуковой барьер. Физику этого Николка уже знал: в момент преодоления барьера самолет догоняет свою же звуковую волну, что ранее опережала его. Волна прежняя сталкивается с новой — оттого и хлопок ударной волны. Посмотрел вверх, но на небе истре-

бителя не видно, а при такой высокой облачности, как сегодня, выше они не поднимаются.

Мгновенно стих гомон чаек над гаванью, а поверхность воды по всей акватории покрылась рябью: это как сбоку сильно подуешь на тарелку с горячим супом. Удар быстро затих, но еще с пару-тройку секунд легчайший ветерок щекотал щеки Николки. Снова, но уже встревоженно, загомонили чайки, рябь на воде исчезла, все вернулось к прежней тихой, безветренной погоде.

Озадаченный Николка, помахивая сумкой с библиотечными книгами, отправился в обратный путь: разогреть обед для вернувшихся из первой смены братьевников, самому порубать с нагуленным аппетитом и отправиться в школу. Сколько в тот день он не расспрашивал одноклассников о странном, со стороны моря налетевшем грохоте, никто ничего сказать ему не мог: не слышал, мол, или внимания не обратили. Только Сашка Белозеров отметил странное поведение своего кота: ни с того, ни с сего мявкнул и метнулся под диван. Из расспросов Николка сообразил: грохочущий звук шел поверху, миновав на высоте город, окруженный сопками

Когда в вечерних теленовостях диктор сообщил об очередном испытании ядерного оружия на полигоне Новой Земли, то и здесь Николка никак не связал с этим сегодня им испытанное: такие сообщения об испытаниях давно стали регулярными, к ним народ по привычке. На следующий день после уроков он остался в школе на занятиях радиокружка, то есть в обратном направлении переходил Чертов мост, освещенный фонарями на столбах, где-то уже в начале девятого вечера. А когда подошел к дому, то явственно услышал — или показалось? — легкий звон, явно от дребезга оконных стекол. Усмехнулся, что-то в природе творится? Но все стало на свои места, когда еще через пару дней поймал на радио-

приемнике «вражеский голос», благо в еще державшейся ровной погоде федингов* на коротких волнах не наблюдалось, а мурманская глушилка явно ослабила бдительность.

«Голос Америки» сообщил о недавнем взрыве на Новой Земле сверхмощной водородной бомбы. Взрыв был настолько ядерным, что звуковая волна, зафиксированная соответствующими станциями, трижды обогнула земной шар.

Вот оно что! Несмотря на поздний час, Николка не поленился взять тетрадку и ручку. Длину окружности Земли помнил хорошо с уроков астрономии: сорок тысяч километров. Исходя из нее и скорости звука, выходило: звуковая волна огибает земной шар за тридцать три часа. Дальше проще: высчитав время от грохочущего звука на вершине горы Энгельгардта до дребезжания оконных стекол, получил эти самые тридцать три часа!

Так Николка на себе почувствовал отдаленное дыхание взрыва той водородной бомбы в пятьдесят восемь мегатонн, что вошла в историю под названиями Царь-бомба или Кузькиной матери...

А через два с половиной месяца, в первый день после новогодних каникул, в самом начале первого же урока со стороны подплава раздался страшный грохот, во всем городе выбило стекла и погас свет. Взорвалась лодка Б-37 и стоявшая рядом С-130. Как потом поговаривали, БУКИ-37 готовилась к походу. Загрузившись в нужном месте атомной торпедой, должна была идти на Новую Землю и отстреляться...

---

* То есть замираний сигналов: на коротких волнах радиосигнал многократно отражается от ионосферы, а если она неустойчива, например, в магнитную бурю, то и радиосигнал «прыгает». — Прим. авт.

ПИСАТЕЛЬ БУРЦЕВ И МИРНЫЙ АТОМ, ИЛИ О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ

◆ — Да, друзья мои, покачал головой Андрей Матвеевич, выслушав в пятничную встречу в «Наливай-ке!» рассказы своих приятелей, профессора Скородумова и доцента-ракетчика Николая Андреяновича, — вы люди, как говорится, науки и техники, в оборонке вволю потрудились, потому сам бог... тьфу-тьфу, черт конечно, и подкидывает вам истории с военным атомом. Я же по образованию, профессии, а главное по убеждению и жизненным устремлениям, человек сугубо гуманитарный. Потому если каким боком и касался атомных дел, то исключительно мирного применения. Хотя бы и здесь очень даже скверно все оборачивается. Как и довелось со стороны посмотреть на это.

— Так расскажи! А то вы, письменники, мастера на длинные предисловия и, так сказать, идеологические обоснования.

— Ладно, к делу так к делу. После очередной стопки, разумеется. Бум здравы!

...В начале осени беспокойного для страны семьдесят девятого года писатель Бурцев утренним московским поездом прибыл в Киев одним днем. Благо причина приятная и даже слегка гонорарная. Дело в том, что некоторое время назад получил он от своего литинститутского однокашника и приятеля Сашки Гриваченкова лестное предложение. Сам Сашка выбился в люди: стал членом Союза писателей и по родственно-блатным связям получил должность зама главного редактора достаточно солидного издательства художественной литературы. Потому и перебрался из родного Харькова в украинскую столицу. Чтобы проявить себя на новом месте, как водится, Гриваченков выступил с ненаказуемой инициативой издания модной в последнее время «кассетной»

серии книжек современных молодых авторов — карманного формата объемом до полутора сотен страниц. Поскольку серия печаталась на русском языке, что гарантировало приличную прибыль от реализации крупного тиража по системе всесоюзного книготорга, то инициативу одобрили. Понятно дело, Сашке и поручили все дела и хлопоты.

Ноги в руки — Сашка, долго не рассуждая сам с собой, разослал предложения поучаствовать в святом гонорарном деле всем своим друзьям, приятелям и просто однокашникам по Литинституту; мол, вручайте, братья-письменники и да обрящете слегка звонкую монету! А то ведь скоро, уввы, наступят времена, когда само понятие гонорара исчезнет из обихода — как в воду глядел прозорливый Санек!

Тоже сказано — сделано; опять же особо не задумываясь, приглашенный в авторы «кассетной» серии Бурцев скомпоновал машинописи небольшой повести и полудесятка рассказов, придумал несколько туманное, что очень уважают издатели, название книжки и отослал заказной бандеролью в Киев.

Поскольку «кассетная» серия издавалась стремительно — куй деньги, пока текут ручейком! — то по мере готовности набора очередной книжки автор вызывался, если он не из Сибири, в издательство для окончательной вычитки гранок-оттисков. Посылать почтой туда-обратно как-то все по срокам издательство не устраивало... Дошла очередь и до Бурцевой «Саги непройденных лет».

...Горячо поприветствовав однокашника, Сашка, которого рядовые редакторши и корректорши уже именовали Александром Геннадьевичем, усадил Бурцева с пухлой стопкой гранок в своем маленьком кабинетике, велел молоденькой сотруднице принести из буфета бутербродов и большую кружку кофе, а сам, попрощавшись до вечера, умчался по срочным делам в типографию на другом конце города.

К шести часам, когда Бурцев просматривал уже последние страницы, объявился и Сашка, вызвавшийся проводить давнего приятеля до вокзала. С заходом, разумеется, в досуговое место, где можно, расслабься, вспомнить литинститутское былое, с кем «из наших» сейчас общаются и так далее. Издательство располагалось вблизи Крещатика, так что уже скоро они расположились в приличном пивном зале. Закусывали креветками и удивительно вкусными сардельками. В начале девятого вышли и на метро доехали до вокзала, где дружески распрощались.

Московский поезд отправлялся в полуночный час. Отойдя от кассы, Бурцев присел на эмпээсовскую жесткую скамью и попробовал задремать, что не удалось; справедлива пословица: на новом месте плохо спится.

♦ Хотя и сентябрь, по календарю к началу осени приписанный, но в здешних полуножных местах почти лето на его исходе: не жарко, но как-то «объемно» теплом окутано; в просторном, высоченном, с галереями по всем четырём сторонам, главном зале ожидания не душно, но тянет выйти на свежий воздух: даже в большом городе, с маслянистыми запахами от железнодорожных путей и постоянно проходящих составов, маневровых свистящих электровозов и тепловозов, дует, как у классиков «в Петербурге сразу со всех сторон», освежающий вечерний ветерок. И неизменный аромат вечера — начала ночи даже полуножного сентября: «...формалинный запах осени бодрящий», — как вспомнил строку литинститутского приятеля, поэта из семинара Старшинова.

Так он и проводил замедленно текущее время ожидания до полуночного московского поезда. Выйдет на перрон, прогуляется вдоль него туда-сюда, затем присядет на скамейку в привокзальном скверике, неторопливо покурит. Вернется в вокзал, обойдет большой и те что поменьше залы ожидания, затем

поднимется на галерею, ее тоже обойдет, посматривая сверху на неторопливую жизнь в зале с пассажирами. Здесь же в буфете съест с пробудившимся аппетитом пару бутербродов с настоящей полтавской колбасой умопомрачительного вкуса и запаха, выпьет стакан «кофе на сгущенном молоке».

Поневоле и от нечего делать, стоя у перил галереи, классифицировал пассажиров. Преобладали ожидающие, как и он сам, посадки на московский поезд. Их он метким писательским — польстил себе — взглядом поделил на две преобладающие категории. Первые навряд ли него — командированные* или просто едущие по делам, своим или чужим. Они сидят, бродят неприкаянные поодиночке, мысленно уже почивают на купейных или плацкартных полках вагонов. В другой группе, не сходящих со скамеек, кучкуются семейственные. Судя по определенной разношерстности и обставленности крутобокими сумками и баулами, по-родственному направляются гостевать *у Россию*. Или же возвращаются с гостинцами в уже начинающую голодать *Россиянию* от своих украинских родичей.

Еще с самого появления на вокзале Бурцев бездумно, мимоходом отметил: изредка встречаются мужчины, лет сорока или чуть поболее, явно из работяг или сельхозников-колхозников, но почему-то одетых в полевое солдатское обмундирование, но без погон и каких-либо знаков отличия, совсем не новое, именуемое интендантами *бэу-три*. То есть ношеное-стиранное, не раз по году и более лежалое на вещевых складах. Словом, что сдать в армейское утильсырье не позволяет профессиональное скопидомство

---

* Зла на неграмотность киношников не хватает: упорно в своих фильмах, ныне сериалах, именуют командированных «командировочными», хотя бы командировочные — это деньги, выдаваемые на руки убывающим в командировку... — Прим. авт.

хозяйственных прапорщиков. А обувка и вовсе неуставная: вместо кирзачей неуклюжие громоздкие ботинки на толстенной подошве, с парой заклепок в начале шнуровки, в которых ходят рабочие професий тyani-толкай. Пару раз Бурцев видел такие на магазинных полках с этикетками «Ботинки рабочие. Цена 6 руб.». Несмотря на смешную цену, боты эти отличались своей несносимостью и, как танки, грязи не боялись.

Все они явно из городских или пригородных, с провожающими их женами, скорее всего на местный полуночный поезд. Часам к одиннадцати все новые и новые люди в бросовой амуничке, что им выдали прапоры по отношению из военкомата, заполняли зал ожидания, усаживаясь с неброско одетыми женами на скамейки. Сидели молча, с сосредоточенными лицами. На мужиков вовсе не действовала водка, подносимая им женами, наливаемая в стаканы из бутылок, доставаемых из сумок. От закуски отказывались. «...На припятский дизель,— услышал Бурцев соболезнующий женский голос — две товарки чуть поодаль его разговаривали,— новый набор в Чернобыль из запасников. Вишь, берут-то мужиков в возрасте, у кого с детьми вопрос уже решен. Молодых да неженатых хоть жалеют!». Но Бурцев и сам уже догадался что к чему. Даже долгожданное объявление по вокзальной трансляции о посадке на московский поезд не сняло тяжести с души.

◆ Билет он купил в купейный вагон. Выйдя из вокзала на перрон с той же угнетающей тяжестью, почти физически ощущаемой — вот и прокатился по гонорарным делам на Украину! Впервые напрямую столкнулся с последствиями чернобыльской катастрофы... — Бурцев успокаивал себя, дескать, в купе обычно не шумят, прилягу на свою нижнюю полку, тотчас засну, а к утру и отпустит.

Не тут-то было! Истинно сказано: многого захо-

чешь, пораньше с постели вскочишь. Если в купе нет женщин, то покоя не жди. Бурцев вошел в купе вторым, поздоровался с находившимся там парнем лет двадцати, сразу сообщившим, что едет домой в Калугу, и присел на свою нижнюю полку — как он любил: по движению поезда. Поставил свой портфель в изголовье, думая об одном: скорее бы состав тронулся, проводница разнесла белье и... спать, спать, спать!

За дверью послышались в унисон веселые голоса. В купе шумно вкатились похожие друг на друга, словно братья-близнецы, мужички самого оптимистичного возраста, около сорока-сорока пяти, слегка коротковатые, с умеренными зальсинами того вида, что по народной присказке «от спанья на чужих подушках», круглолицые и крутобокие. Словом, типичные киевляне. Именно киевляне, как в Одессе проживают одесситы, а в Баку бакинцы. Не хохлы, не русские, а киевляне — безо всякой мовы и суржика, с раскатистым говорком, не отличимым от московского.

Мысленно усмехнувшись, Бурцев вспомнил сцену из своего предыдущего, пяток лет назад, пребывания в Киеве, когда каким-то вывертом судьбы попал в группу отмеченных городским наробразом недельной поездкой в украинскую столицу на Октябрьские праздники. За успехи в школьном учительстве. Чем-то молодежавый преподаватель истории приглянулся наробразовской инспекторше, по долгу службы присутствовавшей на его открытом уроке.

Поселили их в приличной гостинице с неоновой вывеской, установленной по фасадному краю крыши: *Готель Червоний Жовтень*. Прибыли затемно, поэтому ужинали по номерам всухую, с удивительного качества местной лимонной водкой. Наутро пошли завтракать и «освежаться» в гостиничный буфет. Продвигаясь с подносом вдоль раздаточного стелла-

жа в сторону кассы, Бурцев впервые по прибытию в Киев услышал мову: парень, стоявший через одного позади него, явно приехавший из Львова или Тернополя, спросил раздатчицу: «Кава е?». Оглянувшийся Бурцев увидел, как долговязый парень повертел головой туда-сюда, слегка порозовел щеками от неловкости и переспросил: «Кофе у вас есть?»

...Меж тем коренастые мужички ловко внесли в купе и поставили стоймя под столик продолговатый фанерный ящик, покрашенный в нейтральный серый цвет, с оттиснутым через трафарет заводским номером и с верхней крышкой на петлях, с наружными защелками, опечатанной сургучом на шнурке. «Мы экспедиторы-установщики,— по ходу дела охотно, не дожидаясь расспросов, пояснили они,— аппаратуру штучную, по спецзаказам от нашего физприборного объединения развозим и подключаем. Сейчас вот в Подмосковье намылились».

Здесь и проводница принесла в купе комплекты белья. Когда Бурцев снял сверху матрас и начал раскладывать его на *своей* нижней полке, то один из экспедиторов, с привычной для этой категории вечных командированных ласково-убедительной наглостью, обратился к нему: «Ты, товарищ, устраивайся на вторую полочку. Понимаешь, мы давно уже на пару разъезжаем, а ящик между нами, ха-ха-ха!». Обезоруженной народной логикой, Бурцев постелил себе на верхней полке, хорошо тоже по движению, забрался на нее и приготовился уснуть, зажмурив глаза.

Благими намерениями известно куда дорога вымощена. Внизу, под полкой, все длилась веселая суета, в которую крепыши вовлекли и калужского парня. И до его плеча под одеялом дотронулась ладонь: «Давай к нам для знакомства. Все одно сон перебит, если пополуночи ложишься, а?» Но Бурцев отказался, дескать, суетливый день случился, отдохнуть

требуется.— «Нет так нет, понимаем. Мы верхний свет уберем. Спокойной ночи, попутчик! Звиняй, если что».

Все же вечернее пиво и распитая с Саньком райска* водки начали действовать. Веки глаз тяжелели, смыкались, в голове мутнело, еще немного и сон придет... но звон стекла, тройной разговор со смешками и частыми всхлываниями — профессиональные командированные отчаянные анекдотчики! — и дружное закулочное чавканье отгоняли пугливого Морфея. Забытые сменялось полубодствованием, отяжелевшие веки силились разжаться, снова забытые... Словом, не сон, но мученье.

◆ Поначалу, пока внизу шла деловая часть, то есть выпить-закусить, утолить первичную жажду, Бурцев в полусне к голосам не прислушивался: обычные будь-здоров, за знакомство, в поезде не выпить — время понапрасну потратить. Но в какой-то момент полубодствования он уже осознанно начал вслушиваться: «...А что? — время такое подошло, что пора настала разбегаться по своим курням. Тем более нас сорок миллионов! И ООН нас поддержит. Вот и появится в Европе новая страна, по размеру и населению равная той же Франции и Англии... даже по территории больше последней». — «Вот именно, — вступил его напарник, — давно пора Украине войти в число развитых европейских стран, ведь мы не лапотная Россия со всеми ее окраинами азиатскими и кавказскими. И нахлебниками не будем. Сами станем половину Европы нашим черноземным хлебушком кормить. А по промышленному развитию немногим лишь уступаем самым индустриальным государствам. Уголь, металл, развитое маши-

---

* Так в горбачевщину, в отместку за «борьбу с трезвостью», в народе называли розлив водки в бутылки 0,33 литра, пепсикольные.— Прим. авт.

но- и приборостроение, военно-промышленный комплекс, энергетика, в том числе четыре атомных электростанции, не считая чернобыльской, — все на высшем уровне! Наука, образование, подготовка специалистов — все есть у нас. Согласен, Петро?»

Сообразив, что обращаются к парню из Калуги, Бурцев уже с интересом ждал его реакции на самостоятельного-незалежные рассуждения. «Да-а, конечно, как мы в школе учили и сейчас — я в пединституте калужском, вот немного к началу учебного года задержался — по общественным дисциплинам объясняют: каждая союзная республика имеет право на отделение от Союза, то есть может самостоятельным государством становиться. Так-то оно так. Вот и по американской конституции все пятьдесят штатов имеют право на самоопределение. Но ведь и США за триста лет их существования, а тем более Россия, тысячу лет формировавшаяся, стали едиными нациями не для того, чтобы буквально на глазах разбежаться? Опять же у Украины нет главной составляющей индустрии и всей самостоятельной жизни — нефти и газа...» — «Петро, дорогой, мало ли чем нам головы учителя и доценты с профессорами забивали! А газ с нефтью нам Россия качать будет. Куда ей их девать? А мы в обмен хлеб, уголь, сталь, станки, да хушь и ракеты стратегические с днепропетровского Южмаша. Понимаешь, это как два брата в родительской хате до взросления живут мирно и не думают о будущем разделении. Но вот время пришло, поженились, тесно в доме стало — вот и разъехались. Но кровь-то одна, вот и живут побратски, хотя и каждый сам по себе». — «Вот-вот, — встрял другой, — чи русский, чи украинец, какая разница? У нас в Киеве и не различишь. Делить нам с Россией нечего, но разделяться пора пришла. Тут ничего не попишешь. А раз кровь одна, то и до смертоубийства не дойдет, как в Средней

Азии и на Кавказе. Мы же дружбы своей не нарушим. Приедешь, Петро, к нам в гости — горилкой з'пирцем и салом угостим. Мы, как и сейчас, командиремся в твою Калугу — тоже, чай, в гостевании не откажешь, ха-ха-ха!»

Далее Бурцев беседу веселой компании слушать не стал. Повернувшись лицом к стенке, плотно прижался правым ухом к подушке, и на левое натянул угол одеяла, еще положив на него ладонь левой руки. Бедный, бедный наш народ! В кои-то века без небольшого полстолетия спокойной жизни выдалось, за что спасибо, главным образом, Сталину. Но сейчас антитеза его на кремлевский престол поставлена: начал с трезвости, а закончит горьким похмельем — не для себя, сам зараза меченая, не пьет, для народа, в первую очередь русского. Чернобыль же примета грядущего уничтожения страны. Как комета Галлея в восемьсот двенадцатом году. Но тогда-то выкарабкались? А сейчас?

♦ — Что случилось сейчас, на своей шкуре чувствуем. Забудь надолго, Андрей Матвеевич, о поездках в Киев... и вообще в западную сторону, — задумчиво промолвил профессор Скородумов, выслушав рассказ Бурцева, — вот вам мирный атом! С Чернобыля, как провозвестника, началось, а сейчас и конца не видно. Такова особенность гибридный войн двадцать первого века. Не везет, так не везет. В этом году мог бы на этом самом мирном атоме, как иной Амундсен, на Северный полюс за казенный счет прокатиться — и что получилось?

Все трое дружно расхохотались, включая и нисколько не сконфуженного Бурцева. Недавняя история уже облетела все интеллигентное сословие города, в основном из-за своей нелепости.

...Иногда заполярный уроженец Николай Андреевич, особенно на дружеских посиделках в «Наливай-ке!», полушутя именовал Бурцева отдаленным

земляком. Дело в том, что мать его была родом из Заонежья Архангельский области, где и жила до окончания школы в начале пятидесятых годов. А выйдя замуж за будущего отца Андрея Матвеевича, служившего на сверхсрочной в тех краях, оказалась в нашем городе, родив по приезду будущего писателя. Впрочем, появление на свет первенца не помешало в дальнейшем, проживая в собственно родительском доме отца, ему и матери Андрея, участь на вечернем, окончить, соответственно, механический и педагогический институты.

Став на стезю писательства, Бурцев очень внимательно слушал словоохотливые рассказы матери о ее северной жизни, что и нашло отражение, скорее воплощение, в недавно изданном им романе. Как раз в это время, год тому назад, на глаза ему попало объявление в интернете об учреждении Союзом писателей всероссийской литературной премии для авторов книг на северную тематику. Памятуя олимпийский принцип «главное не победа, но участие», взял да и послал свежееизданный роман для того самого «олимпийского» участия в конкурсе, слабо надеясь на успех. Однако в начале этого лета с некоторым удивлением прочитал в «Литературной газете», что он, Бурцев Андрей Матвеевич, вошел в число победителей. На предложение оргкомитета приехать в заполярный город для торжественного вручения премиальных знаков, Бурцев, не долго раздумывая, вежливо отказался, мол, дела, занятость, а знаки с удовольствием получит по почте. Истинная же причина — поезд (самолеты он на дух не переносит: не по трусости, но по абсолютной зависимости от множества обстоятельств) идет под двое суток, а курение в них запрещено. Это с водкой всегда можно перетерпеть, а с травкой никотианой это не проходит...

Лиха беда начало: еще через пару дней позвонили из оргкомитета и радостно сообщили что Атом-

флот, благо что летом ледоколы простаивают, Северный путь естественным образом освобождается ото льда, предлагает победителям северного литературного конкурса *бесплатно* (при коммерческой стоимости путевки аж в два с половиной «лимона») прокатиться в туристическом рейсе атомного ледокола «50 лет Победы» на Северный полюс. По пути он зайдет на остров Рудольфа в архипелаге Земли Франца-Иосифа то ли забрать, а может и высадить знаменитого путешественника Федора Конюхова. Аж дух у нашего литератора захватило! Но как насчет курения выяснить? Взятся помочь друг Николай Андреевич, тамошний заполярный уроженец: «Да у меня в мурманском Атомфлоте, в его береговом управлении, одноклассница Нелька Смекалина всю трудовую жизнь проработала, только недавно на пенсионный отдых вышла. Мигом с ней по емэйлу свяжусь!». Что и сделал... и огорчил приятеля: увы, Матвейч, мирный атом — дело тонкое, тем более в море; вроде как команда имеет полулегальную каптерку, а вот туристам баловаться запрещено. Сочувствую, дорогой, бросать курить нам уже поздно, вообще нормальные врачи после сорока лет не рекомендуют. Так что путь Амундсена не придется тебе повторить. Как говорится, звонок бубен, да страшен игумен! Мой совет: не вздумай сочинять роман про Антарктиду, ха-ха-ха! туда еще дальше добираться на премиальную путевку. Там не то что курение будет запрещено, но и от водовки придется отказаться!

...Самое интересное: в этот же рейс ушел по платной путевке известный профессор нашего университета: продал лишнюю ему квартиру, их у него несколько скопилось, хотел было именную стипендию основать, но был осмеян коллегами: да они будут пропивать ее, тебя же хуля! — и исполнил мечту своей жизни: побывать на Северном полюсе. Был он некурящим.

Триолет о хождении во власть

ЗИМНИЕ БОТИНКИ, ИЛИ НЕЗНАНИЕ ПОЛИТЕСА

♦ «Хм-м,— размышлял профессор Скородумов, с утра понедельника прохаживаясь по своему уютному кабинетику, что означало разминку и обдумывание рабочего расписания на трудовую неделю,— у мусульман пятничная молитва в мечети задает тон всей последующей неделе, а у нас с Николаем Андреевичем и Бурцевым уикэндская встреча в «Наливай-ке!» обозначает домашнее задание на выбранную тему, которое и следует совмещать со своими служебными делами. Словом...». Игорь Васильевич усмехнулся и вполголоса пропел старинную хулиганскую песенку:

*Как поедешь на Европу,
Солнце светит прямо в ж...
Как поедешь на Кавказ,
Солнце светит прямо в глаз!*

«Солнце светит в левый глаз,— по-профессорски въедливо поправил Скородумов неведомого сочинителя,— надо знать географию и астрономию хотя бы в рамках неполной средней школы, а потом уже браться за стихотворство!»

Размышления же Игоря Васильевича относились не к его текущим «научным упражнениям», как он сам с юмором называл свою деятельность — здесь все ясно и продумано на долгое время вперед,— а как раз к пятничному «домашнему заданию», тема которого суть хождение во власть. Ни много, ни мало. Хорошая тема, особенно для нашего отечества в его тысячелетней истории злободневная. Но и поучительная, достаточно вспомнить мучеников — князей Бориса и Глеба, московских царей и петербургских

императоров, не своей смертью покинувших это мир и свой престол... Иной раз стоит и задуматься: устремление к власти — это не бесконечный математический ряд, а радостная песня, гимн советских авиаторов «все выше и выше, и выше», поневоле навева-ет и грустную мысль о конечности взбирания по властной лестнице... ну, здесь народная мудрость все по местам расставила: легко шагать по этой лестнице, зато тяжело падать с нее.

Может поэтому на такую-то лестницу не всякий отваживается вступать... или ограничивается боязливо осторожными шажками: ступенька, другая, от силы третья-четвертая. Чтобы и тщеславие свое даже невеликой должностишкой побаловать, а в случае падения не получить сколь-либо тяжелых повреждений — в смысле моральных и резкого снижения материального благополучия. В последнем случае учитывается действие закона геометрической прогрессии: чем выше ступенька, тем больше порядок должностного оклада содержания, выражаясь старинным чиновничьим языком. Впрочем, все это основательно описал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Кстати, любимый писатель профессора Скородумова, тоже острого и язвительного на язык.

В силу такого психологического расклада, на стремительное восхождение по начальственной стезе решаются люди особой категории, в головах которых сочетаются самые противоположные, порой и взаимоисключающие качества: осторожность и безбашенный натиск, дипломатическая вышколенность и откровеннейшее хамство, сентиментальность и безжалостность и тому подобное. Так обычно сгоряча или по незнанию тонкостей думают и говорят. Но вот стоп-факт обескураживающий: стоит начальнику, вплоть до вышесредней категории, скатиться с должностной лестницы, либо же по хвори, по причине почтенного возраста самому отойти от власти, так сразу возвра-

щается к нормальному человеческому облику. И совершенно искренне, словно наносная пелена дурмана с него сошла. Куда мыслями не раскинь, получается, что, начав взбираться по властной лестнице, человек надевает на себя маску, раскрашенную чересполосицей в два цвета: белый и черный, при этом белое выдается за черное и наоборот.

Но это именно до чинов вышесредних. Далее идет номенклатура, от нее маска не отлипает, иначе рухнет авторитет власти в любой ее иерархии... или вертикали, как сейчас принято говорить на административном наречии. Это исторически выработано и той же историей проверено. Со ссылкой на самые серьезные авторитеты от Древнего Рима, где и формировались каноны административной практики, до итальянского, преимущественно флорентийского, позднего Средневековья, в котором Макиавелли, Гвиччардини и другие все четко расписали в части соответствия табели о рангах и правил поведения обладателей этих рангов...

♦ Но Игорь Васильевич сказал себе «тпру-у» и стреножил потный вал вдохновенного умничанья. А потому резко прервал мысленную риторiku, что вспомнил досадливую присказку: «Неча на зеркало пенять, коль рожа крива». В том смысле зеркала, что легко вольнолюбиво рассуждать о высоких материях, а попробуй-ка сам на себе примерить этот самый чиновничий мундир и узнаешь почем фунт лиха. Не так-то все просто. Мол, захотел вступить на лестницу власти — и шагай себе, причапував к физиономии пресловутую черно-белую маску. Не-е-т, дорогой мечтатель и теоретик администрирования, для начала должен ты, уподобясь новозаветному верблюду, протиснуться сквозь игольное ушко. И уже с усмешкой, почти с садистским сладострастием, как по нотам мысленно прочитав историю своего «хождения во власть», решив побаловаться ею, не

сообразил: она дается от бога, а говоря на языке диалектического материализма, как будущий поэт рождается с таким устройством правого полушария своей тыковки, что она сама генерирует рифмы, так и грядущий обладатель власти, хотя бы над несколькими подчиненными, должен появиться на свет также с соответствующими хитросплетениями нейронов, аксонов и синапсов — но только левого полушария, отвечающего за логику мышления и жизненного поведения. Все это в совокупности именуется генофенотипической предрасположенностью. Нет, двойной профессор и двойной же доктор наук, в том числе биологических, Скородумов в теории все это понимал, но... теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо, как-то примерно этими словами поучал Фауста, тоже доктора своих средневековых наук, Мефистофель. А дьявол первой категории, то есть прямой заместитель Сатаны по земным делам увязки и конкретного охвата в пропаганде антихристианства, знал что говорил... и творил конечно, ибо практика есть проверка истины.

...А замахнулся сдуру, полез в административные воды, не зная брода, Игорь Васильевич в середине достопамятных лихих девяностых, когда все тот же первый наш новодемократический губернатор Белугин, в становлении которого на этот пост некоторое участие принимал и писатель Бурцев, попал на отсидку вместе со своим сынком-предпринимателем (России спасателем, как тогда иронизировали... в том числе и сами «спасатели»), явно не поделившись с кем надо сэкономленными бюджетными денежками. На освободившийся пост с большим энтузиазмом «красного пояса», в который входила наша область, был избран народный губернатор-коммунист.

Как положено, новая метла, да еще со сменой политического вектора на противоположный, вычис-

тила все высшие областные авгиевы конюшни, оставив лишь работников технических служб, которым до фени вся эта политика, лишь бы жалованье аккуратно, что было существенным в те годы, выплачивали, причем в размере, достаточном для поддержания штанов — своих и семейства.

Точно также и Игорь Васильевич дистанцировался от политических пристрастий. На нескромные вопросы о принадлежности к какой-либо из неимоверно расплодившихся партий и движений отвечал искренне, с прямоотой римлянина: «Ни при советской власти, ни тем более сейчас и в страшном сне не привидится, что в кармане пиджака бережно хранится партбилет». Если очень приставали, особенно в дружеской или околослужебной (тогда пили все и всё) компании, то обрубал надоедливые расспросы: «По убеждениям беспартийный большевик-сталинист». Еще Скородумов увлекался идеями теоретика анархизма князя Кропоткина.

Тем не менее, будучи человеком общительным, в публичные начальные девяностые годы составил о себе представление в среде активистов советской закваски самое положительное. Опять же его должность первого заместителя, зама по науке, директора научно-исследовательского института, известность в научных и вузовских кругах города — все это привлекло к нему внимание этих самых активистов в начавшемся комплектовании администрации области под народного губернатора-коммуниста.

♦ Первыми потянулись бывшие обкомовцы, уже явно начавшие «злоупотреблять», собираясь в «стекляшке» на проспекте, рядом с бывшим кормильцем-обкомом. В заметно теряющих от времени лоск пиджачных парах, без галстуков, они допоздна засиживались, ругая новодемократическую власть, ностальгически поминая прежнюю, а под закрытие заведения и вовсе переходили на годы учебы в

ВПШ* под завершающую «отвальную», жарко спорили: насколько прав был Владимир Ильич, столь резко отвергая на одиннадцатом съезде РКП(б) вроде бы здравые предложения Устрялова, хотя бы тот был раньше кадетом и министром в правительстве Колчака?

Отставные партайгеноссе были хорошо знакомы в советские годы с нынешним новой главой области (старорежимное слово «губернатор» он запретил): председатель передового племенного колхоза, со звездочкой трудового героя на лацкане пиджака, видный общественник и прочая. Вот и прежних своих начальников он встречал в своем кабинете радушно, дружески похлопывая по плечу. Кого-то сразу назначал на среднеответственную должность, другим — «буду иметь в виду, Виктор Трофимович». Как опытный хозяйственник, отбирал не по званиям и былым чинам, но по «профпригодности» в нелегких новых условиях. Кого-то по давним знакомствам из Москвы и соседних городов привлекал. Словом, по образцу своего орденосного племенного хозяйства комплектовал большой, областного размера, колхоз, где все при деле и в полном соответствии со знанием этого дела.

Как истинный коллективист, не чуждался советов рядовых однопартийцев, ставших известными в городе общественниками. С некоторыми из них Скородумов был знаком, преимущественно шапочно — по бурным митингам и демонстрациям начала девяностых, на которые, обычно в статусе зрителя, Игорь Васильевич ходил из любознательности... как и большинство остальных жителей города, особенно из центральных его частей. На рабочих же окраинах не до баловства, там народ о хлебе насущном беспокоился, матерясь и багровея скуластыми пролетарскими

---

* Высшая партийная школа. — Прим. авт.

лицами, постоянно слыша от своего заводского начальства издевательское, что в нынешние непростые времена полугодовая задержка с выплатой зарплаты есть обычное дело, зато как приятно будет потом получить целый мешок обесцененных кредиток с тремя-четырьмя-пятью нулями!

На одном таком митинге познакомился с Петром Смышляевым, одного возраста с ним, инженером по профессии, кстати, родом из старообрядцев, как и друг Стародумова доцент Николай Андреянович, но только воцерковленный, соблюдающий посты и все другие установления «церкви древнего благочестия», как Смышляев именовал свою конфессиональную принадлежность. Одновременно был он искренним коммунистом в советское и нынешнее время, то есть не только платил членские взносы, но раньше состоял членом парткома своего Конструкторского бюро, а сейчас и вовсе имел партийную должность, соответствующую прежнему второму секретарю городского райкома.

Причем познакомились — бог видит на ком шишка! — именно в тот редкий в году день, когда даже строгим староверческим уставам дозволяется (ее же и монаси вкушают) верному сыну церкви, если на нем нет прегрешений, в меру выпить и закусить скоромным. Тем паче, что митинг проводился перед самым входом в Центральный парк, от которого до знаменитой в городе парковой стекляшки «Сосенка» полсотни неспешных шагов, да еще в изумительные позднемаяские погоды. Выпили — закусили — разговорились по душам, каковые оказались у потомка древнеправославных Петра Ильича и имевшего в роду только ревнителей никонианской церкви Скородумова истинно по-русски широкими, а глотки если не лужеными, но хорошо устроенными, чтобы по ним строграммовки соколом пролетали...

Много чего интересного услышал Игорь Василь-

евич как в части расстановки политических сил в городе и области, так и по идеологии старообрядчества — Смышляев, как истинный старовер и коммунист, чередовал эти темы. Очень профессора заинтересовала трактовка названий букв старославянской азбуки, то есть *аз, буки, веди, глаголь, добро* и так далее. «Нет, дорогой профессор, — горячился Смышляев, — ты читай их со смыслом и переводи на современный язык; получается: *я буквы ведаю (знаю) и говорю доброе...*» — и Петр Ильич складно прочитал Скородумову весь алфавит как связное и выверенное наставление в добром, вечном, благополучном. Игорь Васильевич представился своей визиткой — привел в полное восхищение визави обилием своих ученых степеней, званий и наград.

Расставаясь, называли друг друга по именам, обещая продолжить знакомство.

♦ Хотя и мало времени прошло, не более года, что для абсолютной памяти профессора, которой он очень гордился, не более чем миг, но когда ему позвонил некто, представившийся Петром и назвавший Скородумова по имени, Игорь Васильевич не сразу и сообразил: что за мужик основательный, судя по тембру голоса, звонит и амикошонски обращается? И только услышав родственную его собственной фамилию Смышляев, живо восстановил в памяти образ — прошлогоднее знакомство на митинге с продолжением в парковой «Сосенке» — коммуниста из староверов. Петр же Ильич по-деловому напросился в гости и через четверть часа уже стремительно вошел в кабинет профессора.

От предложенной «разгонной» под икорные бутерброды из кабинетного холодильника отказался, дескать, извиняй, боярин — пост великий! Опять же дело и разговор высшей степени серьезности. Но на бутерброды в те несытые годы посмотрел с интересом. Сошлись на чае свежей заварки — настоящим

цейлонском; что касается чая и коньяка, то профессор позволял себе баловство даже в годы олимпийски галопирующей инфляции.

Смышляев столь же стремительно перешел к делу, приведшему его к первому заместителю директора — заму по науке — новопоставленного научно-исследовательского института: «Понимаешь, Игорь... — здесь гость слегка замялся, но, учитывая определенную официальность встречи, добавил отчество, — Васильевич, новый наш губернатор напрочь разогнал прежних дерьмократов, что при Белугине оккупировали областную администрацию, а новый состав формирует, при поддержке и прямом участии городских и областных коммунистов, из людей реальных, ранее себя уже проявивших, главное не нынешних воров и карьеристов. Словом, наша районная парторганизация, учитывая твои научные заслуги, звания, солидную должность, известность в городе, опять же открытый и доброжелательный характер, решила рекомендовать тебя, Игорь Васильевич, на должность председателя областного комитета по науке...» — «Стой, стой, дорогой Петр Ильич, без меня меня крестили! ведь я ни раньше, ни сейчас в партии коммунистической не состоял... и вообще ни в какой не состою». — «А это даже к лучшему, как бы это странно не звучало. Сам губер... то есть глава области так прямо и поставил вопрос: новая администрация должна состоять не из членов партии, как таковых, но из грамотных организаторов и специалистов своего дела, естественно, на первое место ставящих развитие нашей промышленной и одновременно аграрной области, интересы человека труда полезного, а не лавочника, вымогателя и иного, паразитирующего на шее рабочего, крестьянина, трудовой интеллигенции. А что во главе комитета по науке будет стоять беспартийный, но честный специалист своего дела, так это, Игорь Васильевич, во-первых, для поль-

зы нашего общего дела; во-вторых, что не маловажно, заткнет рот всей этой дерьмократической тусовке, как сейчас по-новорусски размовляют, что в своих подметных газетенках обвиняют новоизбранного, дескать хочет он администрацию по образу и подобию прежнего обкома сформировать.

...После полуторачасовой беседы Игорь Васильевич должен был уступить натиску Смышляева, в риторике которого удачно сочетались прямолинейная логика убежденного коммуниста и веками, со времен святотатца Никона, выработанное у староверов умение ненавязчиво заставить человека прийти к внутреннему ему решению с одновременным пониманием самостоятельности такового.

Опять же сугубо практические доводы самого Игоря Васильевича: любопытство попробовать себя в должности чиновника высокого ранга и огорчительная новость: вроде как новый глава области собирается прекратить финансирование их института, учитывая, что директор очень активно проявил себя в постановке во власть ныне арестованного Белугина.

Скородумов все же взял тайм-аут в пару дней.

В первую же ночь ему приснилось чиновничье будущее. С чьих-то необязательных слов во сне привиделось: к должности председателя комитета прилагаются служебный автомобиль с шофером и... пистолет. Времена-то какие на дворе! Дал согласие.

◆ Еще уговорщик посоветовал за неделю, что осталась до оговоренных в администрации смотрин кандидата от науки, самому по возможности что-то предпринять в свою поддержку. «Основных у тебя, Игорь Васильевич, конкурентов двое,— пояснил Смышляев,— один из университета, другой директор химического исследовательского института, почти обнуленного. Известно ведь, что американцы через своих агентов влияния в первую очередь ликвидируют у нас исследовательские и промышленные пред-

приятия и организации, занимающиеся электроникой и тонкой химией. Вот этот-то директор и готовит себе запасной аэродром».

Памятуя из разного читанного и слышанного, что многое в таких деликатных делах совершается через женщин, дескать, шерше ля фам, Скородумов скоренько отыскал в памяти тех, кто мог бы быть задействован: в годы бурной молодости, перешедшей в основательную теперешнюю мужественную зрелость, Игорь Васильевич не избегал вольнолюбивых отношений с «противуположным» полом. На его удачу, одна из таких ранее знакомых девушек-женщин оказалась как раз секретаршей того самого химического директора; другая, просто давняя, со студенческих лет, знакомая еще в окончании советских времен заняла пост заведомо обкома. Естественно, что и сейчас вошла «в обойму» новой власти. У третьей же отец раньше тоже был обкомовцем по сельхозчасти.

Держа в голове нетленные строки Ивана Бунина *«для женщины прошлого нет — разлюбила и стал ей чужой»*, многого Игорь Васильевич от их участия не ожидал, но — попытка не пытка (правильно я говорю, Лаврентий Павлович? — из старого анекдота), созвонился с ними, а с последней и встретился. От первых двух разведал кое-что полезное о своих конкурентах: их слабых и выигрышных сторонах характеров. Это следовало иметь в виду, представляясь по (возможно?) будущему начальству. А вот дочка партийно-сельскохозяйственного папы, видимо не потерявшая еще до конца виды на молодцеватого профессора-замдиректора, тем более возможного члена областного руководства, уговорила отца порекомендовать «выдающегося ученого и организатора науки» своим бывшим обкомовским коллегам из числа теснящихся сейчас вокруг нового руководителя области.

...Иначе почему так предупредительно, почти по-

дружески, встретил Скородумова с представляющим его Смышляевым ответственный за формирование новой администрации, бывший бессменный партийный руководитель крупного промышленного района области? Дружески похлопывая профессора по плечу, уже именуя его будущим коллегой, он развернул на столе вычерченную схему размещения департаментов и комитетов: «Вот, Игорь Васильевич, смотри: *наши с тобой* кабинеты соседними будут! А еще, по образцу некоторых других областей, собираемся все службы администрации назвать министерствами. Так что, дорогой профессор, министрами с тобой будем, ха-ха-ха!»

Вышли из помпезного здания администрации совсем сдружившиеся Игорь Васильевич и Петр Ильич гордые собой и воодушевленные. Ради такого случая последний, несмотря на пост, принял предложение профессора «отметиться» в ближайшем заведении с подачей... «Поддела сделано, — наставлял Смышляев, — даже на три четверти сделано! А через три дня пойдем с тобой на окончательное утверждение к Костальдину. Он сам из наших мест выдвиженец, в последние советские годы работал в аппарате цеха, какой-то технический отдел возглавлял. Вот его *Сам* и позвал на должность своего зама по кадровой политике. Кстати, большой формалист — цеховской выучки! Ты уж примундирься по форме».

Не вынося галстуков, Игорь Васильевич схитрил: надел — по позднемартовской погоде сойдет — недавно купленный импортный пиджак с застежкой «под ворот». А кадровый начальник стопроцентно оправдывал свою фамилию: костляво-высокий, узкоплечий, длиннорукий, с унылым бледно-мертвенным лицом. Опять же костюмчик, явно советского еще приобретения, умеренно поблекший.

Выслушав представление Смышляева, цеховский

выпускник произнес несколько общих фраз, налегая на то, что «мы подбираем кадры не по партийной принадлежности, но по их деловым качества...» и так далее. При этом не сводил несколько удивленных глаз с ботинок Скородумова. Кстати, первый сезон носимых и утром им начищенных до армейского блеска. И чего это его заинтересовало так? Отпустил представившихся опять же с неопределенными словами: «Мы тщательно и всесторонне рассмотрим предложенную кандидатуру. До свидания».

В опубликованном через полторы недели списке состава новой администрации Игорь Васильевич себя не обнаружил. Пост председателя комитета по науке занял ставленник ректора университета — бывший декан технологического факультета, хороший знакомый Скородумова, отличный анекдотчик и душа всякой компании.

Уньло брел профессор в тот день по тротуару проспекта — и столкнулся с дочерью сельхозрекоммендателя. Рассказал о проигранной виктории. Та же с ужасом посмотрела на его ботинки, все те же зимние: «И ты в них представляться ходил?» — «Ну да, а что такое?» — «Да в тот день уже все люди сменили зимние на демисезонные!» Почему сменили — она объяснить не смогла. «Эх ты, а еще профессор! Интуицию включать надо: раз все перешли на демисезонную, так и ты должен!»

Через полгода случайно узнал: давняя знакомая, что теперь секретарша химического директора, донесла своему шефу о конкуренте-профессоре, пьянице и бабнике (дескать, по себе знаю), а тот сделал соответствующий донос Косталындину. Нет, это у них в Париже шерше ля фам. У нас же проще, по-русски: все зло от баб! Одному с женой горе, а ходуку вдвое...

ПОДЪГОРИЛИ! ПОДКУЗЬМИЛИ!

◆ — Вот так-то, друзья мои, — резюмировал профессор Скородумов на пятничном сборе в любимой «Наливай-ке!» — жить в наше время: сиди тихо, не высовывайся; упаси боже во власть сунуться! — за одни зимние ботинки в конце марта мигом вышибут даже с самой нижней ступеньки административной лестницы.

— Ну-у, Игорь Васильевич, — вступился за нынешнее время оптимист Николай Андреевич, — всякому овощу свой сезон. Сам же в своем двадцатитомном трактате постоянно напоминаешь: будущее есть воспоминание о прошлом с точки зрения настоящего... что-то ведь в этом роде, а?

— Это ты к чему так витиевато и со ссылкой на меня говоришь?

— Да все к тому, что у нас в России, слава богу, времена идут от соляных и медных бунтов до насильственной цифраизации, цифрофрениии по-твоему, а в основе-то своей характер народа нашего не особо меняется. Как в хорошем, так и в противоположном ему смыслах.

— И в части неумелого хождения во власть, когда обязательно подножку подставят?

— А в этой в особенности. Имею что рассказать на этот счет. Из жизни отца моего соседа по лестничной площадке. Вы его не знаете, ровесник наш с вами. Сейчас от сует жизни отдыхает, внуков воспитывает, а всю трудовую часть ее, то есть жизни, проработал на заводе электроэлементов, что в Поречье, дослужился до заместителя главного инженера. Впрочем и самого отца его очень даже хорошо помню: их семейство и наше почти под полусотню лет в доме соседствуют уже в третьем поколении. Ладно, к рассказу. Только вспомните, что наш город являлся центром совнархоза из пяти областей — одна из

многих причуд Хрущева с его волюнтаризмом и загадочным для народа пробелелизмом. Хотя, если держать в голове не аляповатую фигуру Никиты Сергеевича и его малограмматическую речь, то идея с совнархозами имела здравый смысл. Тем более нечто подобное в России, как стране обширной и с большим различием в плотности населения, климате и в прочем, в наметках уже с царских времен продумывалось.

Николай Андреянович, откашлявшись и извинившись за необходимое предисловие школьного характера, продолжил.

— То есть своего рода индустриально-сельскохозяйственное районирование. Как-то попалась мне в руки ветхая книжка — учебник географии Российской империи для гимназий. Года издания не помню, где-то ближе к концу девятнадцатого века. Вся относительно населенная Европейская Россия делилась на условные «пространства» навроде: Пространство лесное, Пространство горнозаводское и так далее — Валдайское, низменное, мануфактурно-промышленное, черноземно-пахотное. Отдельно выделялись Польша и Финляндия. Каждое из этих «пространств» включало в себя ряд соседних губерний. А над губернаторами их стоял ответственный за это условное объединение генерал-губернатор или наместник. Таковое районирование уже на обоснованных доводах было использовано в тридцатых годах сталинской индустриализации: укрупнение областей. Знаете, конечно, что и наша область тогда была юридически ликвидирована и вошла в состав Московской. Значит это не хрущевская выдумка, а постоянно вызревавшая полезная тенденция. Страна наша, особенно в советский период, это не та же Франция, которой достаточно Парижа — единого управляющего административного центра. Или как у лягушатников говорят: Франция — это Париж. А Людовик номер такой-

то и вовсе заявил, что государство — это он! Наверняка Госплан, Совмин и другие управляющие органы все обосновали, трижды-четырежды на счетах и арифмометрах «Железный Феликс» посчитали, а доводами своими убедили политбюро и, главное, Хрущева в полезном рассредоточении промышленных министерств, число которых составляло не один десяток, по периферийным совнархозам. Пресечение же существования их — уже в традициях русской бюрократии и администрирования. Раз сменилась главная фигура власти — пришел «Второй Ильич», то первым делом следует отменить все нововведения предшественника. Нашептали же Брежневу о вреде и якобы неэффективности совнархозов с подачи тех обиженных чиновников, что были разосланы с теплых и уютных столичных министерских мест по просторам необъятной страны. Впрочем, действовать этот «заговор обиженных» начал уже в конце царствования Никиты-волонтариста. Хм-м, сказка ложь, но в ней намек — всяким добрым молодцам урок. Все-все, преамбула завершена, приступаю к сути дела.

◆ Михаил Власьевич Ранович из белорусов, но уже в третьем поколении осевших волею судеб в Заволжье, откуда он ушел в призывном возрасте на войну, а после ранения и окончания ее поступил в Москве в Плехановский институт. Потребность послевоенной страны в кадрах стремительно двигала молодого экономиста по служебной лестнице. На середине четвертого десятка лет назначен был начальником планово-экономической службы крупного, только что организованного совнархоза, недалекого от столицы. По прежним меркам это соответствовало должности отраслевого замминистра.

Сын сельской учительницы, сам выросший в заволжском селе, правда многолюдном, на пересечении путей, до революции торговом, ярмарочном, повоевавший и получивший добротное образование в глав-

ном финансово-экономическом вузе страны, Ранович — истинное дитя сталинской эпохи, в которой к специалистам-управленцам предъявлялся короткий, но определяющий список требований, весь укладывающийся в известную пословицу, которой пушкинского персонажа Петрушу Гринева напутствовал его отец, благословляя на воинскую службу. Что Михаил Власевич, именовавшийся по отчеству сослуживцами, в смысле подчиненными начальниками, еще со стажа работы молодым специалистом, в охотку, не нарочито и показушно, и исполнял. При этом неизменно, опять же искренне, не наигранно, оставаясь добродушным, участливым и так далее с полным набором позитивных качеств. Словом, из той категории, для которой рост по службе (карьера — этот термин тогда являлся ругательным) не возжелание, но сама по себе составляющая этой службы. По заслугам и честь. Как человек в жизни прирастает годами, так и трудолюбивый и не без царя в голове по службе.

Слегка за сороковник, супруга со студенческих лет, двое детей — главное, после переездов по городам и весям по служебным назначениям, прижился в этом городе, уже и менять местожительство ни к чему: совнархоз основательный, он сам на своем месте, да и расти далее по должности особой охоты не имеется. Может к пенсии и перейдет с третьего на второе место в руководстве совнархоза, станет первым заместителем — и то и другое устраивает, без разницы: профиль работы не изменится в чем-либо особенно, а так называемые личные блага? Не приучен «на серебре и злате едать», жена с пониманием, одного с ним поля ягода, дети в школе в среднестарших классах, квартира хотя и не в «сталинском» доме, но приличной кубатуры, в центре города, если не географического, то административного и культурно-значимого: напротив через двор «обкомов-

ский дом», окна квартиры первого секретаря прямо смотрят на окна их дома. Словом, все как у людей, себе цену знающих, довольствующихся если не малым, но и не сверхизлишним.

А чтобы выдвинуться на первое место, то есть условно сравняться с премьер-министром средней европейской страны, не то что не думал, даже и не задумывался. Когда же в дружеском, доверительном кругу — оттепель в стране! — понятно дело за праздничным столом, его безобидно подначивали на этот счет, то Михаил Власевич совершенно искренне отшучивался: «Рылом рабоче-крестьянским не вышел для калашного ряда! Хлопотно все это, и лишней стопки за свое здоровье не поднимешь... Опять же, хотя и не тридцать седьмой год на дворе, но найдутся тотчас любители подъегорить, подкузьмить. Моя-то биография чиста как хрустальное стеклышко, а вот мигом смотаются в Вердеревщинский район на Тамбовщине, порасспросят тамошних доверчивых людей и радостно застрочат в понятно какие органы, дескать, к матери супруги товарища Рановича, занимающего столь ответственный пост, в бытность ее девицей на выданье, сватался аж сам атаман Антонов! Опустив, разумеется, что будущий застрельщик антисоветского тамбовского крестьянского восстания во время сватовства и не помышлял о своем атаманском будущем. Конечно, где надо поспеются над доносами, но... на всякий случай пометку где следует сделают. Как говорится, у хорошего прокурора в заглашнике на всех дела хранятся, ха-ха-ха!»

◆ Не зря Вадим Львович, доцент философии местного пединститута, иногда заходя по-соседски, с коньячной бутылкой, скоротать на кухне с Михаилом Власевичем ненастный позднегоябрьский вечер, указывал на историческую приязнь русского человека к длительным правлениям великих князей, царей, императоров и генсеков. Преимущественно добром

вспоминают первого Романова — Михаила Федоровича, его сына Алексея Михайловича Тишайшего, Екатерину Вторую наравне с Елизаветой, двух первых Александров. Даже Ивана Грозного, Николая Первого (Палкина) и Иосифа Виссарионовича словно заученно, как по прописям внушенным, поругивают. «А все потому, — лекторски степенно, закусив стопку коньяка шпротиной с положенным на нее лимонным полукольцом говорил Вадим Львович, — что страна наша сугубо административная. Это ни плохо, ни хорошо, но исторический факт! И народ понимает: придет, говоря словами Салтыкова-Щедрина, медведь на воеводство, пошумит для острастки, а затем и успокоится. И всем хорошо при устоявшемся, налаженном порядке».

Михаил Власьевич соглашался с сутью высказанного соседом-философом. И для утверждения в такой сути на себе примеривал. Действительно, с образованием совнархозов и с его переводом на нынешнюю работу в одном из них, жизнь потекла ровнее, спокойнее, когда на службу утром идешь с удовольствием, а вечером домой с радостью возвращаешься. И как бы ни выплясывал Никита Сергеевич, ни потешал и одновременно огорчал добрый наш народ, но в общем-то жизнь страны во всех сферах устоялась. Стерпится — если и не слюбится, то настолько попривыкнется, как будто и всегда так было.

Все чаще начали всплывать в голове Михаила Власьевича рассуждения Вадима Львовича о нелюбви нашего народа к смене верховной власти, когда стало ясно, что кризис ее назрел. Не революция, не дай ее бог, конечно, но слишком далеко все же зашел Хрущев: ни вашим, ни нашим спокойно жить и трудиться не дает!

Но... покой нам только снится. Все чаще, возвращаясь из Москвы, приходил глава совнархоза на плановые совещания руководства с несколько задум-

чивым выражением лица. И все собравшиеся хорошо понимали что к чему. Причем четко разделились на две группы. Сдерживали осторожную радость «москвичи», что при создании совнархоза были присланы из столицы — из ликвидированных отраслевых министерств и ведомств. Понятно почему. Но большая часть, собранная из областей, подведомственных совнархозу, с преобладанием местных, столь же тщательно скрывала тревогу, ведь что случись — кто и как устроится? На прежних местах их мало ждут, свои руководящие кадры подросли. Идти же на меньшие, а то и вовсе малозначащие должности? — возраст уже не тот, чтобы заново кроить и тропить свой жизненный путь. А ведь и семьи прижились в новом для них городе у приезжих из соседних областей, дети в школах и местных вузах учатся. Жены трудоустроены...

Михаил Власьевич как раз был переведен во вновь образованный совнархоз из соседней Калуги, где занимал высокую номенклатурную должность председателя обкома профсоюзов. Естественно, что такие «кресла» в обрат не возвращают. Супруга, сама трудившаяся по экономической части в автономном подразделении совнархоза, ведавшем строительством промышленных предприятий в пяти областях, нахмурилось. Даже дети-школьники, изо дня в день наблюдая посерьезневших родителей, вроде бы как беспричинно приуныли.

Впрочем, хмурость несколько сошла с обычно улыбатого лица Михаила Власьевича, когда Сам, собрав по делам своих замов, вроде как безотносительно — по пословице не говорить о веревке в доме повесившегося, о возможном роспуске совнархозов в стране деликатно все помалкивали — наметнул: «Сверху затребовали ваши личные дела. Толком не объяснили зачем. Что-то навроде единой базы номенклатурных специалистов задумали составить.

Ну-у, им тоже в Москве чем-то надо заниматься...». Намек все поняли: раз в эту самую номенклатуру вписался, то при любом раскладе не обидят, дадут местечко для прокорма...

◆ Недолго ждали, ломать не строить. Началась великая сумятица. Децентрализация завершилась. Как в той пьесе Антона Павловича: «В Москву! В Москву!». Фактически совнархоз еще работал, но в столице уже формировались, восстанавливались отраслевые министерства. Кое-кого из совнархозовских «москвичей» уже переводили в обратную сторону. С руководством Сам беседовал поодиночке. Из разговора с ним Ранович узнал конкретную диспозицию в отношении себя: решается вопрос о «прописке» его по одному из министерств: химическому и топливному, а если конкретнее, то следует ожидать перевода либо на должность замминистра по планово-экономической работе в министерстве нефтегазовой промышленности, или же чуть севернее Москвы — в Ярославль, директором крупнейшего в отрасли шинного завода. «Так что готовься, Михаил Власьевич, в столичные или ярославские жители. А в Москве и видеться часто будем — сватают в Госплан, как раз по части курирования, в числе прочего, ископаемой горючки... да, Власьич, дело тонкое, а ты человек бесхитростный, так что до официального решения полный молчок. Знаю, супруга твоя не из разговорчивых, но и ее предупреди. Народа хваткого у нас, тем более в Москве, предостаточно, мигом ринутся на перехват. Люди сейчас разбаловались, мало чем побрезговать могут».

Супруга, по тамбовской боязни и опасению высоких должностей — подставят, посадят еще! — от Москвы отговаривала, дескать, лучше в Ярославль податься. Опять же города наши одного ранга, все равно что шило на мыло менять! Не привыкать. Жалко только ребятам придется к новой школе, да и

вообще к другому городу привыкать... Но тут же и передумала: в министерстве-то не первым лицом будешь, не тебе в случае чего удар на себя принимать, а вот директор завода за все отвечает. Опять же детям не вечно в школу ходить. А в Москве институты на любой выбор, тот же *наш* плехановский. Ведь по себе знаешь, что столичное образование не сравнишь с периферийным. Впрочем, чего это я неубитого медведя делю? — как получится, так и сойдет, не привыкать. Только прижились — и на тебе!

И не поспоришь. Даром, что оба они в институт пришли с фронта: он из пехоты с ранением, а она два последних военных года под бомбежками планшетисткой на прифронтовой зенитной батарее служила. И права насчет неубитого медведя: куда пошлют, туда и поедут. Так и бывает: жена на него решение сбросила, а он перебросил еще раньше: как в столичных верхах заблагорассудят решить.

Потому успокоился, а раз совнархоз еще существует, то Михаил Власьевич и приходит каждое утро в помпезное здание сталинского ампира со стенами под «норвежский гранит», следует в свой кабинет, листает книжку ежедневника и принимается за урочную работу. Так и в тот злосчастный день.

В книжку ежедневника в то утро не смотрел: на сегодня докончить начатый позавчера, в понедельник, тщательный, по каждой позиции и цифре, просмотр годового отчета по предприятиям, выпускающим военную продукцию, «опекаемым» совместно минобороны, миноборонпромом и совнархозом. Дело срочное — завтра с утра капитан фельдъегерской службы повезет отчет в Москву. Поэтому сразу по входу в здание зашел в первый отдел — туда лично надо, секретаршу Надю, по служебному табелю именуемую техническим помощником, не пошлешь! где под залог пропуска-удостоверения взял свой личный, опечатанный особой печатью «секретный портфель»,

поднялся с ним в кабинет. Выложил из портфеля пухлую стопку листов свежееотпечатанного отчета, на первом, титульном листе которого стоял гриф «совершенно секретно», название документа и его шифр, под которыми в две колонки, напротив отпечатанных фамилий, стояли подписи главных специалистов-исполнителей. Не хватало только двух: его самого и утверждающей подписи руководителя упрямняемого совнархоза. К окончанию сегодняшнего трудового дня и они должны появиться. Затем в переплет и пусть дожидается капитана Соколенко, что от «Кленового переулка», то есть областного управления КГБ, обслуживает совнархоз по спецдоставке.

◆ По заложенной бумажке развернул пачку листов на нужной странице, при этом верхнюю, большую часть стопки отложил налево, титульным листом вниз, и включился в работу, по мере прочтения очередной страницы переносил его текстом вниз влево — на уже просмотренные листы отчета. Работал не прерываясь, разве только чтобы прикурить очередную «беломорину», радуясь быстрому утоньшению стопки листов под правой рукой. Главное — толково все составлено, не придерешься и к «секретной» машинистке не надо ходить — опять же самому, Наде не поручишь — за перепечаткой.

Не заметил, как и обеденный час наступил. По инструкции должен был, выходя из кабинета, все секретные документы уложить в портфель, опечатать его и положить в личный сейф... но если все инструкции соблюдать, собственно на работу времени не останется! Поэтому, как обычно, обе стопки, уже толстую левую и тонюсенькую правую, положил в выдвижной ящик тумбы стола, но портфель, не опечатывая, все же в сейф засунул. Береженого бог бережет, как любит говорить с хохлацким юмором капитан Соколенко, добавляя: а не береженого конвой стережет. Поэтому и кабинет на ключ закрыл. Тем

более, что Надя уже пообедала в положенный для служащих час и оставалась в приемной за хозяйку. По неписанному правилу высшее и среднее начальство харчевалось позже коллектива.

Вернувшись из учрежденческой столовой, Михаил Власьевич очень скоро, по-стахановски завершил работу над отчетом. Перевернул лицом пачку, готовясь расписаться и... вместо титула увидел страницу с началом оглавления. Еще не веря невероятному, потянул ящик стола — может нижний лист левой стопки прильнул к днищу? Увы, ящик скучал своей пустотой. Задергал другие ящики и осмотрел все скрытые и закрывающиеся места сложносочиненного большого стола, которым очень гордился: по местной легенде стол этот был вывезен «в счет репараций» из Германии после войны и вроде бы стоял он ранее в кабинете какого-то рейхсминистра... Тщетно. Расспросил Надю: выходила ли из приемной в его отсутствие? Та, засмутившись, призналась: выходила на четверть часа к подруге из угольного треста (в области имелось под сотню шахт, добывавших бурый уголь), занимавшего целое крыло здания совнархоза — посмотреть на входившие в моду женские сапожки, что привез ей муж из командировки в Чехословакию.

...Все дальнейшее словно в кошмарном сне, что случается после обильного праздничного стола. Повторный тщательный осмотр стола, кабинета и приемной вместе с начальниками первого отдела и внутриобъектового режима. Уже без участия Михаила Власьевича еще более пристальный досмотр двумя прибывшими оперативниками из «Кленового переулка». В это же время приехавший с ними подполковник дотошно расспрашивал Рановича, делая пометки в своем блокноте. А ближе к вечерней темноте уже в самом этом «переулке» его допрашивал сам генерал, начальник областного управления. Как потом в

доверительном кругу признавался Михаил Власевич, он, воевавший в пехоте, сержант и командир отделения, списанный по серьезному ранению с орденом Славы, «чуть в штаны не наложил» от грохота генеральского голоса и его обвинений во всех грехах смертных...

А что потом дома творилось? — все предрекания осторожной супруги относительно опасности высоких должностей сбывались. На работе кто с сочувствие пожимал руку при встрече, а иные обходить старались. Сам, прошедший огни, воды и медные трубы, рекомендовал крепиться; авось кривая выведет? — ведь время не прежнее суровое. Но про московское и ярославское места работы говорить избегал. А когда через месяц пришел приказ о расформировании совнархоза с приложением списка новых назначений бывшего его руководства, то должностей замминистра по части нефти и газа и директора ярославского завода в нем вовсе не значилось. Кто-то из сторонних их перехватил. Напротив же фамилии Михаила Власевича стояло: «В распоряжение промышленного отдела горкома (даже не обкома!) для согласования и трудоустройства». Как побитая собака притащился видный собой Михаил Власевич в свой бывший кабинет — собирать немногие личные вещи. Выдвигая поочередно ящики «рейхсминистерского» стола, в третьем сверху ящике левой тумбы обнаружил выехавший с торцового простенка тот самый титульный лист: вроде как случайно упал в простенок... хотя бы при всех досмотрах стол только что не разобрали по частям!

Так и осталась тайной с грифом «Совершенно секретно» эта блестяще проделанная, достойная пера Сименона, Агаты Кристи и майора Пронина, операция. Хорошо хоть дело в «Кленовом переулке» закрыли.

На безрыбье и рак рыба. А в горкоме Михаила

Власевича рекомендовали главным экономистом на небольшой завод технологических изделий, что недавно образовали на окраине города. Для утешения через год добавили приставку «замдиректора — главный экономист».

ЛУЧШИЙ ГРАЖДАНИН МИРА, ИЛИ ПОЭЗИЯ РУССКОГО ВРАНЬЯ

◆ Профессор Скородумов и Николай Андреянович, рассказав на пятничной встрече трех давних друзей в непримечательном заведении «Наливай-ка!» свои истории о «хождении во власть», молчаливо посмотрели на писателя Бурцева. Дескать, а ты, дорогой Андрей Матвеевич, чем удивишь? Тем более человек литературный, небось у тебя история на истории по любой теме! Тот сделал вид, что не уловил в их веселых взглядах намека на писательско-сочинительскую фантазию.

— Да, конечно, наш брат пишущий наблюдателен, даже в мелочах — это же пролог к наработке хлеба насущного. Услышал, отложил в долгий ящик своей памяти, то есть в подсознание, а в нужный момент вытащил историйку из этого комода — глянь! и кипа листов уже исписана: рассказ, повестушка, а то и целиковый роман. Самое существенное — к делу этому подходишь профессионально, то есть архисерьезно, даже если пишешь фельетон. Словом, кто в армии служил, тот в цирке не смеется.

— А без идеологического обоснования?

— Можно, Игорь Васильевич, и без него. Кстати, таковое в писательском деле именуется вступлением или завязкой сюжета. Это так, к слову. У литературоведов же, людей грамотных по филологии, еще разные латинские названия имеются. Все это к тому, что даже самые обычные человеческие качества и поступки у людей сочинительского цеха приоб-

ретают несколько иной оттенок... опять же не буду филологической терминологией утомлять, но попросту это враньем называется. Русский же лгун, как писал известнейший писатель конца девятнадцатого века Боборыкин, ныне напрочь забытый, вообще восхитительное явление! Но и это полдела, а все дело в том, что писательская натура, то есть сугубо творческая, начинает верить в свое же вранье. Вот пример того же рода из французской классики: Флобер пишет в своих дневниках, что когда он описывал в «Мадам Бовари» ощущение своей героини, принявшей яд, то настолько вжился в образ персонажа, что вроде как и сам почувствовал привкус яда во рту. Эк, мол, дописался, скажет иной...

— Есть определяющий это качество термин в психологии: фрустрация, — авторитетно подтвердил Скородумов.

— Это у вас, профессуры, на все названия придуманы; «если не сведут с ума римляне и греки, что придумали тома для библиотеки», как мы в молодости распевали модную тогда песенку, якобы приписываемую средневековым вагантам. Мы же люди простые, всего лишь литературный институт, да и то заочно, одолели. А так все просто: сочинил некто про героическую жизнь своего литературного героя, да так вжился в образ, что уже на свой поношенный пиджак мысленно примеривает все мыслимые воображаемые награды: от скромной пенсионной медали «Ветеран труда» до командорского ордена Почетного легиона или — бери выше! — британского ордена же Бани, дающего автоматически титул сэра... а может и пэра? точно не помню; словом высшее дворянство.

— Ближе к делу, Ги де Мопассан!

— Грубость тебе, Николай Андреянович, совершенно не идет к добродушному лицу. Особенно после нескольких стопок хорошей водки производства

Ленобласти, пропущенной через серебряный фильтр. Правда, на этикетке вольно сочинить и про очистку в космосе, но ведь приятна на вкус и ощущения, а? Ладно, именно к делу. Также и с пресловутым «хождением во власть». Как ни странно звучит, но нынешнему писателю — от самодеятельного поэта или просто графомана до утонченного эссеиста и крепкого романиста, но сейчас напрочь лишенного гоноров, тиражей, читательской известности, главное и самих читателей — проще простого совершить такое хождение. Как так? А все по причине того же перевоплощения или фрустрации по-профессорски. Ведь в чувствованиях человека важна не собственно реальная, заметьте — очень хлопотная, власть, но ее ощущение. Вот и возжаждавшись власти, писатель мысленно, фрустрационно внушает себе чувство власти, избирая при этом наиболее, так сказать, нематериализованный ее вид: власть дутого авторитета, вещественными знаками которого являются мифические награды, премии, звания и прочее. Как и в научном мире, о чем столь обстоятельно ранее говорил Игорь Васильевич. Тому ярчайший пример и образец наш местный литератор Александр Дмитриевич Омшанников. О нем и пойдет речь.

◆ Александр Дмитриевич, родом из соседней Рязанской области, гордился, что сызмальства жил в есенинских местах и учился в средней школе села Чернава, где в старших классах возглавлял школьную комсомольскую организацию. «Представляете, друзья мои,— восторженно говорил он в любом кругу слушателей,— в есенинской школе с полутора тысячу учащихся я управлялся с пятьюстами комсомольцами! И в райкоме не мне на вид ставили, ха-ха-ха, а меня ставили в пример!». Уже в нашей области, учась в районном городе в техникуме, также руководил комсомольцами. Тож в армии, где служил младшим лейтенантом по техникумовской специ-

альности, был комсоргом роты. Только на филфаке университета, еще в одном соседнем областном городе, сменил общественную специализацию: возглавил факультетскую профсоюзную организацию. Вернувшись в наш город, одно время трудился ассистентом на кафедре русского языка и литературы пединститута, морщась, когда знакомые и посторонние люди интересовались его должностью; отвечал туманно и уклончиво: «Занимаюсь фундаментальными (очень уважал это слово) исследованиями творчества Сергея Есенина — вхожу в число ведущих есениноведов». И так далее. Более солидным ему показалось место редактора краеведческой литературы солидного по провинциальным меркам книжного издательства.

Ведь даже рядовой редактор приятно ощущает свою власть над сонмом нагловатых и робких, старейшин местного писательского цеха и новичков, тщедушных молодых и осанистых «полтинничных» посетителей издательства, стремящихся — не хуже того библейского верблюда — втиснуть свое *ФИО* и название новой книжки в формируемый на следующий год план издания книг. И хотя здесь от рядового редактора почти ничего не зависит, но многозначительное умалчивание в ответ на вопросы, покачивание головой, осторожное покашливание, сложная жестикуляция рук — производят неизгладимое, почти магическое, как у телевизионного Чумака, впечатление на пока не обилеченных членством в писательском союзе авторов. А выработанная еще в годы комсомольско-профсоюзного руководства манера глядеть прямо, не отрываясь, в глаза собеседника и вовсе сбивала с толку, невольно спутывая заранее заготовленные убедительные просьбы. Только матерые аксакалы писательской организации, знающие практическую психологию человека почище доцентов и профессоров по этой, кормящей их, специальности, не терялись от таких остекляневших

взглядов: «Полно тебе, Дмитрич, глазенки-то вылу-
пять! Давай-ка по рюкзаке-другой махнем и о деле
поговорим».

...Только в новейшие времена, когда в широкой
продаже появились — переводные с американского
издания — популярные книжки и брошюры с ча-
рующими названиями навроде «Как стать миллионе-
ром», «Успех в бизнесе — это просто» и так далее,
все вокруг да около наживы, любопытствующий на-
род сообразил: это не пресловутое честно-партийно-
пионерское «смотри прямо в глаза, не лги!», а со-
всем наоборот: если приказчик в бутике-магазинчике,
начальник с подчиненными и пр. смотрят тебе в гла-
за не отрываясь, то он стопроцентно и убедительно
врет. «Кстати, друзья мои,— отвлекся Бурцев от
сюжета повествования,— вы оба в универе служите,
потому сами знаете: у вас как раз принято глазенки
вылупять при беседах тет-а-тет... не у вас лично,
конечно, не подумайте чего, а у профессиональных,
так сказать, преподав. А они, по роду своих занятий
и складу характеров потомственных доцентов и про-
фессоров, интуитивно следуют правилу, сходному с
лозунгом Старшего Брата в знаменитой антиутопии
Джорджа Оруэлла «1984»: «Правда — это ложь!».
Но я продолжу».

Совсем не странно, что в партию Омшанников
не вступал, справедливо полагая, что двойная ответ-
ственность *партийного* ограничивает его устремление
даже к виртуальной власти. Поэтому в советское
время он игриво и мелко диссидентствовал в узком
кругу, а с наступлением новых времен, то есть в де-
вяностые и начальные двухтысячные годы, начал
склоняться к ностальгическим идеалам советизма и
коммунизма. На словах, разумеется. И в чуть боль-
шем круге общения. А далее перешел в стан обоб-
щенных, то есть без идеологической конкретики, пат-
риотов. При всех этих перевоплощениях только Ста-

лина порицал, утверждая, что тот руководил войной по глобусу...

◆ Горбуны от рождения злы на все человечество — что-то в этом роде писал Бальзак, вообще пристально относившийся к ним. Омшанников же имел очень малый рост, что называется метр с кепкой. Потому пользовался услугами лучшего в городе ортопедического мастера-сапожника, которому уже много лет заказывал летнюю, демисезонную и зимнюю обувь на высоком, пятисантиметровом каблуке. Более того, чтобы отвлекать глаза окружающих от сравнительной оценки его малого роста, никогда не фотографировался на групповые снимки, где все стоят. Но главной его затее компенсации «метра с кепкой» люто позавидовали бы самые искусные профессионалы этого дела: от театральных гримеров до столь ныне востребованных во всем мире имиджмейкеров. А именно отрастил себе крайне немодные бакенбарды под Александра Сергеевича, дополнив их другими хрестоматийными чертами солнца русской поэзии: зачесанными «коком» волосами на голове и несколько выпяченной грудью. Понятно, что для последнего эффекта носил только пиджаки индошива с умеренно наваченными передними бортами. Поскольку все держали в памяти со школьных уроков литературы небольшой рост Пушкина, то, видя перед собой загримированного Омшанникова, хотя бы без единого намека на голове и лице на эфиопское происхождение, все по тому же психологическому закону фрустрации вопрос о малом росте Александра Дмитриевича сам собой отпадал.

Как бы ни удачно Омшанников маскировал свой невеликий размер по вертикали, но он постоянно держал эти метр с чем-то в голове, причем в том отделе мозга, куда человек упрячивает все досадливые, часто неразрешимые вопросы, задаваемые самому себе. Единственная же реальная компенсация

всего на свете есть власть, та самая палочка-выручалочка, что движет миллионами честолюбцев, желающих ею, как вещает телереклама женской одежды, «скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства».

Но какая реальная власть у простого, хотя бы себе на уме, редактора провинциального издательства? Утеха повыпендриваться перед молодыми, робеющими авторами не в счет. И пушкинский «прикид» с ботинками на пятисантиметровых каблуках присмотрелся в самом издательстве и в писательских кругах города. Отсюда и легкое, без ущерба для себя, диссидентство Омшанникова — от обиды на советскую власть, которая была устроена в части продвижения по должностной лестнице таким образом, что не ты выбираешь, а тебя замечают и продвигают, если доказана кем надо польза от такого продвижения. Этот отработанный сталинский подход в определенном смысле действовал до окончания этой самой, ныне ностальгической власти.

Ход с «есениноведением» не проходил. В наших патриархально-провинциальных пенатах литературоведение находилось в забросе, исключая мощную фигуру Льва Толстого — по месту его бывшего жительства недалеко от нашего города. То есть толстововеды полностью подмяли у нас всех остальных «ведов». В столицу же, где только и можно состояться известному литературоведу, именно кормящимся от наследия Есенина, провинциалам путь наглухо закрыт: спутницы бурной жизни поэта, их потомки, а главное долгожительницы-сестры Сергея Александровича, его душеприказчицы, создали в свое время плотный заслон чужакам. «Оставь надежду всяк сюда входящий». Это-то Омшанников хорошо осознал.

Некоторое относительное утешение доставлял условный эквивалент опосредованной мелкой власти, а именно склонность, то ли врожденная, а скорее всего

воспитанная, нашего есениноведа к интриганству: в своей служебной среде, в местной ячейке писательского союза, членом которого Омшанников — тоже не без подковерной борьбы — стал в начале девяностых, в так называемых «кругах интеллигентной общности».

Но интриганство, при всей его увлекательности и доставляемом мелкомстительном удовольствии, все одно что вегетарианская морковная котлета: форма есть, цвет похожий, также без ножа одной вилкой уминаешь, а вкуса-то нет! Другого жена бы утешила, но Александр Дмитриевич женским полом не увлекался. Зато в романах его множество любвеобильных сцен — на грани с порнографией. Понятно, сочиненных в постсоветские времена.

◆ — А далее, как ты, Васильич, об академической самопальной эпидемии в околонуучных кругах недавно рассказывал нам, — продолжал Бурцев, — этой же волной и Омшанникова накрыло девятым валом. Здесь-то он и испытал истинное удовольствие мифической власти «авторитета». Но — подробнее к делу. Определенный здесь грех на моей душе. Ну, слушайте.

...Как некогда русская императрица восемнадцатого века в благодарность за введение ее на престол дала вольную грамоту дворянству, такую же получили в начале «лихих девяностых» все воспрянувшие духом, тайные доселе частнособственнические лица — за активную общественную поддержку новодемократической власти, демонстративно либеральной, производной от «американской мечты».

На гребне вседозволенной волны «купи-продай» Омшанников проявил всплеск мощной предпринимательской энергии: явно в нем ожили молчавшие до сей поры гены деда по отцовской линии, содержавшего на паях сам-двое лавочку в родном селе. Точно также на двоих с местным литератором скоренько

организовал небольшое частное издательство.* Пользуясь еще не остывшим интересом народа к чтению книг и их собирательству, компаньоны поставили на поток переиздание книг Дюма, Сименона и зарубежных детективов. Верхним чутьем сообразив через год, что реалии жизни вот-вот пресекут этот интерес к книгоприобретательству, Омшанников ловко кинул совладельца бизнеса, всю прибыль перевел на свой счет, ликвидировав издательство.

На этом он остановился в деланье денег: бизнес уик энд, говоря на нынешнем американо-нижегородском новоязе. Опять же трезво — был малопьющим — просчитал: путь в олигархеры, теперешние властители дум, долог, труден, главное опасен. Приличные же деньги, оказавшиеся у него, позволят издавать книги и снискать реноме видного современного писателя. Есениноведа и поэта тож. Пусть провинциального, но в теперешней жизни, после полного разрушения плановой, бывшей всесоюзной, системы книготорговли, потери авторитета писательского союза, его раздробления, литературный процесс в стране полностью децентрализован. Потому каждый дудит в свою дуду и в меру возможностей, в смысле денежных, кует свой литературный авторитет — эквивалент власти... над «умами и душами» еще оставшегося читающего люда. День ото дня тающего, стремящегося к абсолютному математическому нулю.

Задумано — сделано. Очертив в перспективе издание полного собрания сочинений в тридцати томах, каждый из них объемом в пятьсот-шестьсот страниц, в текущем краткосрочном плане обозначил эпопею в четырех томах под названием «Я и Вселенная». За

---

* Подробно этот эпизод изложен в книге: Алексей Яшин. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-столетия.— СПб.: Изд-во «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 404 с. (В электронном виде на сайте www.pz.tula.ru).— Прим. авт.

полиграфическую основу взял современное издание «Войны и мира» с тем расчетом, чтобы каждая книга его тетралогии превышала соответствующий по номеру том Толстого строго на половину авторского листа. Идеологическая же канва была избрана Омшанниковым по типовому голливудскому сценарию: герой-правдолюбец сражается увещеваниями и обличениями со всем своим окружением, средоточием зависти, ненависти и всех других мыслимых негативных качеств. Понятно, что на его стороне лишь бескорыстная и любящая подруга, в сценах утешения своего героя почему-то всегда в «красных плавках».

Разумеется, в главном персонаже эпопеи однозначно угадывался ее автор: пушкинские бакенбарды, горделиво откинута голова и так далее, исключая упоминание о росте. Даже в откровенно сексуальных сценах подружка восторженно восклицает: «Ой, дорогой, опять по-пушкински! хи-хи-хи». Нововведением явились подлинные имена других, положительных персонажей — местных чиновников различных ведомств. За упоминание военкома области, дважды побывав на условных сборах, Омшанников выправил чин подполковника запаса с авиационными погонами. За иные упоминания тиражи эпопеи выкупались у автора за казенный счет, а книги раздаривались участникам официальных мероприятий. Местные литературные корифеи сжимали зубы, щеки их покрывались пятнами злости, когда они наблюдали на экранах телевизоров на местном канале репортажи с таких мероприятий, где в президиуме горделиво восседал Омшанников.

◆ Как-то Бурцев, местный писатель, недавно начавший издавать на общественных началах литературный журнал «Срединная Россия», поделдыкнул Омшанникова: «Что ж ты, Александр Дмитриевич, в президиумах заседаешь, чуть ли не сам губернатор Белугин тебя иначе как лицом областной литературы

не именует, а ты еще не академик!» Вот это мимо-летное, ироническое замечание что-то сдвинуло в голове Омшанникова, пустился он во все академические тяжкие. Как раз к середине девяностых число самострочных общественных академий в стране превысило три сотни.

Вот чего ему не хватало для полного самоудовлетворения и возвышения над всеми окружающими его людишками! Начал он с окольных путей: тогда интернет только-только начал опутывать своими дьявольскими сетями головы всего человечества. Узнавая же название очередной академии и адрес, по которому за умеренную плату высылался диплом и удостоверение с фото 3×4 см нового академика, Александр Дмитриевич только за один год стал действительным членом или членом-корреспондентом (это где хитрецы дважды брали вступительные: за полного академика и членкора) трех десятков таких диковинных учреждений. Были и с солидными наименованиями с упоминанием «фундаментальных наук» или имевшие прилагательные «международная», «всероссийская», «национальная» (без указания конкретной национальности). Но не брезговал и сомнительными, навроде коммунально-хозяйственной, биоэнергоинформационной и других экзотических центров научной мысли и дерзаний.

Очень гордился Казачьей академией наук Центрального круга. Конечно, не непереводаемым на понятный язык названием, но роскошным дипломом из дубового шпона с металлографической надписью, а главное, к диплому прилагалось удостоверение генерал-майора казачьих войск того же таинственного Центрального круга. «Существенная добавка к пенсии», — как говорил эмэмэмовский Ленья Голубков. Так и Омшанников к своему отставному званию подполковника с авиационными погонами заслуженно (две тысячи USD) добавил и генеральское виртуаль-

ное звание. А как-то приглашенный Александром Дмитриевичем на «некруглый юбилей классика современной русской словесности» писатель Бурцев ненароком, по ошибке зайдя в кабинет мэтра, узрел стопочку свежеотпечатанных визиток, свидетельствовавших о звании «Летчика-космонавта СССР» подполковника авиации Омшанникова...

В эти же годы веселые ребята из Одессы, разехавшиеся по всем цивилизованным весям, начали доить доверчивых бывших соотечественников, организовав печатание «всемирных энциклопедий», грамот о почетных званиях и штамповку медалей различного достоинства с серебряным, золотыми и платиновым покрытием. Все это Омшанников алчно скупал, включая роскошный диплом Выдающегося ученого мира с установкой после кончины его обладателя почетного памятника (без похорон) на площади перед Арлингтонским мемориальным кладбищем...

Как-то Бурцеву попала на глаза областная газета, в отделе платных объявлений которой он с удовольствием прочитал: «Срочно в номер! По решению Международного комитета нашему земляку, всероссийски известному писателю, академику А. Д. Омшанникову присвоено звание Лучшего гражданина мира. Ввиду своей занятости — работой над фундаментальным литературным исследованием — Александр Дмитриевич не смог вылететь в Лондон для получения диплома и золото-платиновой медали из рук принца Уэльского, представляющего в комитете королеву Елизавету. Поэтому комитет перепоручил...». И так далее.

Бурцев получил приглашение в ресторан, где отмечалась-обмывалась высокая награда. Умеренно пьяненький Омшанников сидел во главе составленных столов с анодированной медной медалью (полторы тысячи *USD*) на спортивной ленточке через шею и рассказывал знакомой литературной даме: «...Так

вот Татьяна, прочитавшая от корки до корки всю мою эпопею, и говорит отцу, что-де ведь ни единого слова Омшанников неодобрительно про тебя не написал! Разве он не достоин высокой государственной награды?» Напомним — девяностые годы...

Сидевший рядом с Бурцевым чиновник средней руки из департамента культуры, летающий на дармовщину в Европу — учиться новой культуре, усмехнулся и негромко сказал соседу: «Эти медяшки в западных аэропортах в ларьках сувениров по три доллара за штуку с бланком диплома всяким дурачкам впаривают!»

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ВАЛЮТА ДОВЕРИЯ

♦ Как-то раз на традиционной, послерабочей пятничной встрече трех закадычных друзей в заведении «Наливай-ка!» зашел разговор о роли случайности в жизни человека. Писатель Бурцев, то есть человек глубоко гуманитарный, потому далекий от математически выверенной теории вероятностей, выразился в том смысле, что кому на роду написано утонуть, того не повесят. Грубый натурализм высказывания обычно человеколюбивого Андрея Матвеевича был объясним: сегодня с утра заходил в типографию, где уже не первый год печатал крохотным тиражом издаваемый им провинциальный литературный журнал «Срединная Россия» и был огорошен: за прошедший квартал (журнал выходил четыре раза в год) цена печатания на треть возросла.

— Понимаете, — горячился Бурцев, оставив философскую тему случайности в жизни и перейдя к ее суровой практике, — говорю хозяйке, а она, как и мы с вами, советского воспитания, не хитрюга и не выжига, оправдывается: события последних двух лет, полная заморозка отношений и торговли с Западом, переход на поставки из Китая. Но ведь китайское-то дешевле западного? Тех же расходных материалов, которые и определяют стоимость полиграфическую. А у вас, в смысле у всех типографов, что ни квартал, так на тридцать-сорок процентов цены растут? Она же в ответ, мол, дорогой Андрей Матвеевич, не так все просто и прямолинейно. Печатное-то оборудование еще в девяностые-двухтысячные годы в Европе и Америке куплено, любой ремонт и замена теперь — только через третьи страны, различные азиатские, что в пустынях и степях расположились,

так ведь и они рады-радешеньки маржу солидную на перепродаже поиметь! Даром что дружественные. Да и расходники: сами жалуетесь, что с китайскими качество печати печальное. Вот и их частично через тех же пустынно-степных посредников приходится закупать. Нд-да, мужики, получается как в современном интернет-юморе:

*Раввин и викинг в жарком споре
Сошлись на том, что правда в Торе...*

— Остынь, Матвейч,— рассудительно заметил профессор Скородумов,— относись ко всему философски. Добро бы ты хоть копеечную прибыль от своего журнала имел! А то все свои кровные на него тратишь, оставляя лишь на семейно-бытовые расходы и маленькие мужские радости, навроде как по пятницам в «Наливай-ке!» с друзьями встречаться. Потому не все ли равно тебе от роста цен на полиграфию? — пока в силах тянуть, плати, все туже затягивая ремень на штанах. А как до последнего отверстия на нем дойдешь, так и заканчивай это баловство по нынешним временам — печатание журнала на бумаге. Переходи полностью на интернет... тем более, что сейчас никто и ничего литературного не читает: ни на бумаге, ни на экране, ха-ха-ха!

— Ну-у, спасибо, дорогой Игорь Васильевич, утешил! Как будто и ваши научные изыски кто-то читает?

— Разумеется, никто не читает. А зачем голову задурять? Нынешняя так называемая наука проста до изумления. Вот недавно вечером по ошибке на пульте телевизионном не ту кнопку нажал и попал вместо «Культуры», где должны были старый советский фильм показывать, на какие-то известия. Вот и услышал это изумительное. Мол, в связи с уходом в последнее санкционное время с отечественного рынка всех и вся западников, возникла серьезнейшая про-

блема: отозван патент на изготовление смываемых втулок для рулонов туалетной бумаги. Больше мы не можем использовать западную технологию их производства. Как быть? Что делать? Кто виноват? — Ответ ясен только на последний сакраментальный вопрос: америкосы с европейскими сателлитами. И вот удача! Не перевелись еще умы на наших просторах. Двухлетний упорный труд ученых провинциального университета — отвлекся, не уловил какого? стопарик принимал — увенчался успехом: на кафедре целлюлозно-бумажных технологий разработали материал для смываемых втулок!... Я, собственно говоря, так и не понял: для чего эти втулки, собственно говоря, надо смывать? Не проще ли, говоря языком современной телерекламы, не вставая с унитаза, бросить эту втулку, коль скоро бумага вся смотана с нее, в мусорную корзину? Как говорится, молчит наука. Ладно, бог с ними, с учеными и их втулками. Вернемся к случайности в жизни из разряда повезло — не повезло. Расскажу для почина про тех же ученых и роли случайностей в их жизни. Причем самых нелепых, но приводящих к архисерьезным последствиям. Оргвыводам то есть, вспоминая административный сленг советских времен. По рюмахе — и к делу!

◆ Когда кто-либо из университетских коллег или городских знакомых, знавших, что профессор Скородумов первое свое образование получил в родных стенах, хотя бы тогда нынешний «университет классического типа» именовался техническим институтом — первенцем сталинских пятилеток, интересовались: какой факультет он окончил? — Игорь Васильевич называл факультет техники радиосвязи. Этим ответом он повергал интересующихся, особенно среднестарших, тем более молодых поколений, в задумчивое недоумение: «А разве такой имел место быть в нашем вузе?» Посмеиваясь, Скородумов

разъяснял: был, правда недолго, чуть поменее десяти лет. А если подобный вопрос задавался к случаю, подблюдно, как сейчас в «Наливай-ке!», располагая к неторопливой, обстоятельной беседе, то Игорь Васильевич с чувством, с толком, с расстановкой повествовал о нелепой кончине факультета. При этом особо подчеркивал: только он один — и еще два человека в Москве до недавнего времени — знали суть произошедшего. «А вот теперь и вы, уважаемые, будете знать», — добавлял профессор.

Факультет связистов, как для простоты называли в студенческом обиходе факультет техники радиосвязи, располагался с его деканатом, преподавательскими и лабораториями в главном корпусе института. Поэтому «связисты» первыми узнавали все вузовские новости, включая женские сплетни и всевозможные веяния из ректорского круга, В последние дни перед защитой диплома, без пяти минут инженер Игорь Скородумов рано приходил и поздно уходил из главного корпуса: собирал подписи на чертежах и в пояснительной записке дипломного проекта, упрасывая факультетскую и кафедральную машинисток «отстукать» отзывы и рецензии, доказывая своему руководителю Льву Павловичу и завкафедрой Трушину, что он вовсе не дурак, но именно так-то и верно понял тему диплома, реализованную в его конструкции и расчетах. Да мало ли дел найдется, завершая пятилетнюю учебу? И в институтском комитете комсомола, учитывая уже почти каникулярное позднейюньское время, следует сняться с учета; загодя с обходным листом, даром что называемым «бегунком», побегать по всем этажам и службам. Учитывая же, что все пять курсов был он старостой группы, другие дела набегали...

Несмотря на всепоглощающие хлопоты, уловил слушок — дескать, на их факультете плановая проверка из Москвы, от минвуза, с полмесяца тому на-

зад состоялась. Припомнил: да, действительно заметил в лабораториях факультета двух незнакомых, осанистых, явно столичного пошиба мужиков, что-то рассматривающих, лениво-вежливо разговаривающих с деканом, завкафедрами (их две было на факультете по числу специальностей), преподавателями. Но тогда значения не придавал. Не до того, Федя, не до того... Ну-у, приехали, походили-поговорили парутройку дней и уехали восвояси. Дело прошлое и уже забытое. Увы, далеко не забытое!

В поалфавитном списке буква С не последняя, но по частоте употребление в русских фамилиях ближе к концу. Поэтому и день защиты диплома Скородумовым оказался завершающим в этой процедуре. Значит и оптимистичным: преподаватели замечались о грядущем двухмесячном отпуске — с солидными отпускными. А радость защитивших диплом выпускников можно сравнить разве что со счастьем проснувшегося засветло мужика, накануне весело погулявшего, а сейчас испытывающего все муки неопохмеленного человека, и внезапно вспомнившего о давно назначенной от супруги в кладовке четвертинке «Столичной».

Все же Игорь Скородумов обратил внимание на некоторую растерянность членов дипломной комиссии. По заслугам получив «отлично» за диплом, Игорь сам-трое с тож защитившимися взяли курс на выход и далее в ближайшую «стекляшку» для предварительной обмывки инженерного звания. Но на первом этаже обратил внимание на группку молча и скорбно что-то читающих на доске институтских объявлений и приказов. Заинтересовавшись таким вниманием, Игорь попридержал приятелей, подошел к доске и сразу отыскал приказ минвуза (в копии конечно), в котором сообщалось о ликвидации факультета техники радиосвязи «за развал преподавательской и исследовательской работы и подготовку

специалистов на уровне сороковых-пятидесятых годов...». И так далее.

Так Игорь Скородумов с однокашниками оказались последними выпускниками упраздненного факультета.

◆ Как-то все одновременно и забылось. Казалось бы: в провинциальном городе, хотя бы и за полумиллион населения, где по традиции любой чих годами вспоминается и пересуживается, где всего-то высших учебных заведений технический институт, педагогический и военное училище, в самом крупном из них в одночасье прихлопнули аж целый факультет! Такое событие в периферийной тиши! Очевидцы подрастающим детям в живописных картинах все передают. Те же, дождавшись своего подрастающего поколения, им поведали о некогда случившемся. И уже в другом веке и даже тысячелетии, в ином по названию и содержанию царстве-государстве седая бабушка, поправив на носу очки, сухонькими ручками... нет, нет, не носочки-варежки внучатам вяжет и сказки им, сгрудившимся вокруг нее, рассказывает, но водит пальчиками по экрану смартфона, пишет для экономии эсэмэской соседке по школьной парте в далекий Петропавловск Камчатский. Вспоминает в отстукиваемых словах давнюю историю, слышанную ей от своей бабушки, о закрытии факультета...

А все просто. Последние выпускники по системе распределения разлетелись по всей стране. Всем другим двадцати тысячам студентов технического института, входящего в десятку самых крупных, такая новость до фени: платили бы стипендию да преподаватели (тогда еще кликуху «препод» не изобрели) не лютовали. А тысяче с лишком наставников негласно передали распоряжение ректора: рты на замок! Преподаватели же больше греха смертного боятся послушаться ректора: уволят — куда им податься с их

разговорной профессией? И обиженных нет, поскольку две кафедры бывшего факультета объединили в одну и в полном преподавательском составе передали отдаленно родственному факультету — в том же главном корпусе, то есть и здесь без ущерба сложившемуся распорядку трудового дня. Так все и затихло, как будто ничего и не было.

...Еще Аристотель философски наставлял своего великого в истории ученика Александра Македонского, что согласно законов логики всякая теза имеет антитезу. По-русски говоря, что в карман насыпалось, то из него и просыпалось. Например, при заходе в пивную или какое иное заведение «с подачей». Так если по доктору Геббельсу трижды повторенная ложь становится правдой, то никем не знаемая правда становится домыслом.

Так и в своем кругу однокашников, что по распределению, замужеству или по родственным связям остались в городе, Игорь Скородумов если редко-редко и слышал упоминание о закрытии их родного факультета, так сказать *минимальматер*, то обычно в смысле давно забытого, почти что легенды, местного мифа.

Тем более с годами, когда последние выпускники упраздненного факультета выходили в люди: обрести степенями и званиями, должностями и окладами. Поговаривали, что даже шпиона, работающего на бельгийскую разведку, их славный факультет вырастил! Это уже не фунт урюка. Правда, в демократические и открытые девяностые годы выяснилось: лжешпион оказался слегка помешанным со склонностью к извращениям, потому и был помещен в психбольницу с диагнозом мании величия: объявил себя коллегой бельгийского детектива Пуаро из романов Агаты Кристи.

Вот соберутся по какому-либо поводу, обычно очередной круглой годовщине окончания института,

одноклассники, а один уже директор научно-исследовательского института, другой завкафедрой, третий полковник (если только не «загибает») Космических войск СССР. Все доктора наук, кандидаты уже и не в счет. Вспомнив легенду о закрытии их факультета, посмеиваются над причиной; дескать, низкий уровень преподавания, подготовка инженеров чуть ли не на уровне дореволюционной России... ха-ха-ха! Вот из таких-то безграмотных мы и выросли до докторов наук, профессоров, директоров и даже одного члена-корреспондента. Все бы остальные вузы страны таких безграмотных штамповали! По пословице: не место красит человека, а человек место! Так-то, друзья. Ну, ребята, поднимем тост за наших дорогих одноклассниц. Они тоже небесталанные: одна по мужу генеральшей стала, другая в горисполкоме не последний человек, а наша заводила Маша, ныне уважаемая всеми Мария Тихоновна, и вовсе директорствует в московском техникуме радиосвязи — не изменила нашей профессии!

♦ И Игорь Скородумов, хотя бы выпускник факультета, «готовящего специалистов на уровне сороковых-пятидесятых годов», не отставал от удачливых своих одноклассников. В возрасте расцвета ума и мужественности защитил — с коротким промежутком — кандидатскую и докторскую диссертации; опять же по профилю институтской специальности. Не где-нибудь в глухомани периферийной защитил, но в солиднейшем столичном институте, название которого выпускники школ, загадывая — «у меня растут года, скоро будет им шестнадцать» — куда поступать, выговаривают с придыханием, а пессимисты по характеру обреченно машут руками, мол, куда нам в калашный ряд...

Несколько лет подряд наезжая с диссертационными заботами в этот институт, сдружился с сотрудниками кафедры, к которой прикрепили в каче-

стве соискателя кандидатской, затем докторской степени по техническим наукам. Если приезжал в столицу не одним днем, то останавливался в условной микростаниции, что наискосок напротив театра на Таганке, в полуподвале старинного дома. Приют этот, отделанный под полулюкс, содержала для своих командированных в столицу НПО «Меткость», в котором тогда трудился Скородумов. Заметим, что многие провинциальные крупные объединения, организации и заводы имели такие пристанища в Москве. Но — это к слову.

Если Скородумов в такие периоды задерживался по диссертационным делам до окончания трудодня, то обычно в хорошую погоду, в компании официально курировавшего его от кафедры «холодного» профессора Андрея Сергеевича Журавлева, где-то лет под шестьдесят, прогулочным шагом доходили по тротуару Волоколамского шоссе до недалекой, основательной по размерам пивной, имевшей у студентов и преподавателей института устойчивое название «Пиночет» — за искусно выполненные металлические решетки «под каслинское чугунное литье».

В один такой заход в «Пиночет», освежившись после неторопливой прогулки по сохранившемуся от дневной июньской жары теплоту асфальту тротуара холодным «жигулевским», «холодный» тож профессор поинтересовался у собеседника: «Ты ведь вроде как московский институт закончил? Все забываю спросить: какой именно?» Услышав про периферийный, хотя и близ Москвы, технический институт, уже с интересом и со значением осведомился о факультете. «Да был у нас такой по разработке техники связи, радиосвязи то есть, так в год моего окончания — знаете ли, закрыли!» — «Хм-м, как не знать, я же его и закрыл! Вот что, Игорек (на четверть века старше, потому и на «ты»), сейчас конец рабочего дня, гегемон фабрично-заводской набегит,

толкотня на раздаче, так что возьми еще по паре кружек и креветок тарелку поглубже (в столице принято платить приезжим из провинции; они же и платят, если к ним приезжают москвичи), а я тебе историю ликвидации твоего факультета в подробностях расскажу».

Отхлебнув свеженького и похвалив сегодняшние креветки — «почти королевские!» — Андрей Сергеевич в пространным рассказе сорвал для Скородурова покров тайны.

♦ — Вот в год твоего окончания института, в начале такого же жаркого июня вызвал меня завкафедрой и велел через пару часов объявиться в министерстве, что ведаёт вузами и техникумами РСФСР, со словами: «Просили выделить такого спеца по преподаванию радиотехнических дисциплин для включения в проверочную комиссию. А кто у нас почти каждый год в таких комиссиях участвует? — Правильно, ты, дорогой Андрей Сергеевич. Обычная плановая проверка. Да и ехать недалеко, проведешь пару-тройку дней в старинном русском городе, отдохнешь от наших раскаленных каменных джунглей. Опять же командировочные не надо тратить — на периферии народ гостеприимный. Плюс специальная доплата. Чего это я тебе объясняю? — Словом, дуй в министерство в отдел Пал Семеновича, привет ему от меня».

А в министерстве меня поджидает давний мой друг и коллега по проверочным вояжам, вызванный из Рязани, из тамошнего радиотехнического института, «холодный» же профессор Григорий Яковлевич Цветов. Вот и весь состав комиссии. Обнялись и — к Пал Семеновичу. Как люди опытные в таких делах, не пальцем деланные, интересуемся у него: будут ли специальные, так сказать устные, пожелания? Да нет, отвечает тот, обычная, раз в три-четыре года, проверка. Факультет, конечно, молодой еще, но,

во-первых, доно... то есть сигналов с места нет; во-вторых, в городе и области под десяток крупных организация и предприятий, которыми востребованы выпускники факультета. Словом, осмотритесь там и свое мнение изложите. Правда... никак в верхах не успокоятся в части технических вузов. Вот и сейчас опять стачка назревает между сторонниками их политехнизации и отраслевой специализации... Можете в головах это держать, а лучше плюньте на все. Чего я вам, Андрей Сергеевич и Григорий Яковлевич, объясняю? Не в первый раз едете, сами с усами. То есть обычная плановая инспекция. Как говорится, с бывшим богом! Сегодня же вечером электричкой и поезжайте. Там уже предупреждены, гостиница заказана.

Хотя и электричка, но идет три с половиной часа, бока намяли на жестких эмпээсовских сиденьях. Да еще троллейбусом от вокзала почти через весь город. Заселились в двухместный номер гостиницы, что впритык с главным *вашим* корпусом... ну, сам знаешь. Насчет провинциального гостеприимства засомневались: на первом этаже ресторан приличный, оркестр грохочет, а из факультетских нас никто не встречает? Ладно, с собой бутылек и дежурные бутерброды захватили. Посидели сиротски, желудки успокоили и спать улеглись.

Следующим утром, опять же без встречающих, пошли на факультет. Декан его, памятный тебе, Игорь, Антон Борисович Подольский — вот ведь в память как врезался! двадцать лет прошло, а все не идет из головы — провел нас по учебным помещениям, лабораториям, провел с нашим участием факультетское совещание, на котором ответственные за дисциплинарные курсы преподаватели отчитались за работу последних четырех лет — от приезда предыдущей проверочной комиссии. Рассказал Подольский и о текущих трудностях: маловат среди преподавате-

лей процент защитивших кандидатские диссертации — хорошо бы в Москве подумали об открытии аспирантуры на факультете. Докторов же наук и вовсе нет, зато уже третий год действуют договора с научными центрами Подмоскovie: приезжают на пару-тройку дней читать лекции тамошние профессора по ведущим дисциплинам. Словом, впечатление у нас с Григорием Яковлевичем сложилось вполне положительное. Только Подольский огорчил, когда в два часа пополудни пошатались: «А проверкой документации займемся, с вашего позволения, завтра. Рекомендую пообедать в нашей новой институтской столовой — прямо по переходу в пристроенный корпус. До свидания».

Еще теплилась надежда, что «у них так исторически принято», то есть завтра завершат проверку серьезным банкетом в лучшем ресторане города, а потому, чуть взгрустнув, пошатались с Григорием Яковлевичем по центру города, зашли в парк, посидели в тамошней пивной, в гастрономе взяли бутылку местной водки с добавкой витамина «це» — голь на выдумки хитра, — что-то закусить. Снова сиротски коротали долгий июньский вечер в гостиничном номере.

...Но когда на следующий, завершающий день инспекции, проведя несколько часов за проверкой факультетской и обеих кафедральных документаций, кстати, очень корректно и грамотно составленных, услышали от Подольского слова благодарности за проделанную столичными гостями работу, пожелания доброго пути в столицу («да-а, у входа в корпус вас ждет «рафик» с шофером — свозит вас в музей-усадьбу нашего великого писателя-земляка»), то у меня и у Цветова удивительным образом созрело совершенно одинаковое решение.

Возвратившись из музейной поездки (с голоду и черствой коркой не побрезгуешь), в полном молчанье

зашли в уже известный гастроном и, потратив оставшиеся командировочные, затарились двумя бутылками «витаминой», парой бокастых — значит с икрой! — селедок бочечного посола, литровой жестяной зеленого горошка, сыром и двумя батонами хлеба, вернулись в номер и до полуночи сочиняли гневный отчет о проверке факультета. Остальное ты, мой молодой друг, знаешь. Как говорится, встречай гостей по одежке, но главное — провожай по уму! Своему конечно, хозяйскому.

СЛУЧАЙНОСТЬ — МАТЬ ВЕЗЕНИЯ, КАК БЫ ГОРЬКО ПОРОЙ ЭТО НИ ЗВУЧАЛО

◆ Веселая компания, тройственная по давней русской традиции, собравшаяся ранним пятничным вечером в кафешке «Наливай-ка!», выслушав рассказ профессора Скородумова о таинственном закрытии факультета в городском техническом институте, ныне университете, поухмылялись, покачали учеными — это сам Игорь Васильевич и доцент Николай Андреевич — и писательской у Андрея Матвеевича Бурцева, головами. Чего только в жизни не бывает? Особенно в вузовской среде, со времен первых средневековых университетов в итальянских и немецких землях, но особенно на отечественных просторах, насквозь пронизанной мелкими интрижками, взаимной завистью, неважно, к удачливым или неуспешным и так далее. Особенно когда к середине прошлого века в советских вузах женский персонал сравнился по численности с мужским, а затем и вовсе начал преобладать, храмы науки и образования превратились в рассадники внутренних и общегородских сплетен, домыслов и слухов. Ну, это все в норму и в обычай вошло. А раз так, то и пенять не на кого.

В части же рассказанного Скородумовым все пришли к умиротворяющему выводу: как бог на душу положит, так и аминь на том! Она же математическая вероятность-случайность в ученых обоснованиях Игоря Васильевича. «И вообще,— разохотился и задудел по-профессорски Игорь Васильевич,— как гласит известная философская парадигма «бритва Оккама», не следует придумывать новых сущностей сверх существующих. Так и в извечном противопоставлении: повезло — не повезло. Разливай, Андряныч!»

— Теперь, коллеги по пятничным душевным беседам, ваша очередь что-нибудь этакое из жизненных ситуаций поведать, а именно где случайность всю судьбу человека в свои виртуальные руки забирает. А? как на сей счет, Андрей Матвеевич? Ты же профессиональный писатель, горьковский инженер человеческих душ. Не вспомнишь, так тебе же проще простого сочинить. Ну как?

— Пока воздержусь. Очередь же любезно уступаю дорогому Николаю Андреевичу. Тем более по выражению его вдохновенного лица вижу: готов сюжетец-то!

— Нам татарам, хотя бы русак чистокровный, тем более из староверов, что ни с кем не смешивались, все едино: что в очередь, либо мимо ее. Надо так надо. Есть что вспомнить. Но если закрытие твоего, Васильич, факультета из-за непроставленного фуршета ни особой радости, ни тем более огорчений никому не доставило, то в моих историях из реальной жизни случайность выступает как спасительная мать везенья. Хотя бы и здесь особой радости не случилось — на фоне настоящих трагедий... для тех, кому не повезло избежать неминуемой с заржавленной косой.

— Мрачно зачин ведешь, Андряныч.

— Так у вашего брата писателя, Матвейч, это

самое хлебное дело: от дамских детективов до высокой психологической классики. Нет, я несколько к иному склоняюсь. Как себя чувствует, скорее ощущает, человек, которому повезло, в то время как друзья его, коллеги по роду занятий, вообще знаемые и незнаемые люди пострадали, а в самом жестком случае — расстались трагически с жизнью. С одной стороны, инстинктивная радость: бог миловал и воинский начальник не наказал. Но ведь, в отличие от живущих только инстинктами животных, которые, кстати говоря, не ведают страха быть покалеченными, тем более умерщвленными, инстинкт человека преходящ. Верно я мыслю по вашей биологической науке, Васильич?

Уловив одобрителный кивок профессора Скородумова, Николай Андреевич несколько скомкал свое предисловие.

— Инстинкт инстинктом, опять же слава богу уцелел, но здесь в права вступает социальная, говоря по-ученому, первооснова человеческого существа: от пресловутого «на миру и смерть красна» до определенного чувства без вины виноватого. Это проявление христианского коллективизма, оно же и советского. Это не западный, а во многом и наш нынешний — три десятка лет «бизнес-обработки» даром не прошли! — индивидуализм. Вот здесь-то именно инстинкт, причем волчий. Но я хочу из советского времени вспомнить.

◆ — Я ранее уже рассказывал вам,* повторяться не буду, о самом страшном случае из заполярного детства-отрочества, когда в Екатерининской гавани

---

* См. подробно в нашей книге: Алексей Яшин. Военная цивилизация: Повесть (очередная книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— СПб.: «Астерион», 2023.— 269 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. авт.

нашего города Полярного, где базировалась Четвертая эскадра подводных лодок, дизельных разумеется, атомные же вне городов располагаются, взорвался весь боекомплект торпед в носовом отделении лодки *Б-37*, по-флотски *БУКИ-37*. Она готовилась к боевому выходу в море, экипаж в полном сборе, потому весь и погиб, за исключением трех членов экипажа: командира лодки, капитана второго ранга Бегебы и двух старшин, один первой статьи, другой второй, то есть старослужащие срочной службы.

Вот из них младший по званию, старшина второй статьи, то есть равнозначный по чину пехотному младшему сержанту, и был первым чудесно спасшимся из экипажа *БУКИ-37*. С ним я и увиделся в день катастрофы. Да, именно катастрофы как по числу погибших, так и по потерям: стоявшая с тридцать седьмой рядом, вторым номером у пирса, лодка *С-350* от взрыва тоже затонула, но из ее экипажа много уцелело. И в городе взрыв нескольких тонн (в сумме сдетонировавших торпед) специальной мощной взрывчатки делов наделал достаточно. Почему сначала подумали: началась атомная война, на товцы не пожалели бомбы на главную базу подводных лодок Северного флота... В Новом Полярном с его большей частью жителей города во всех домах подчистую выбило оконные стекла — это в ранний утренний час середины зимы за Полярным кругом! Старому Полярному, где я жил, повезло: взрывная волна прошла над одноэтажными домами, отгороженными от пирсов двумя грядами сопков, ущелье между которыми с ручьем Чайковский разделяло Старый и Новый город.

И середина не просто зимы, но полярной ночи, без восхода солнца. Потому часть разорвавшегося баллона со сжатым воздухом, весом ближе к полутоне, перелетевшая через весь город и угодившая в один из трансформаторов центральной подстанции,

погрузила уже весь город во мрак. Только к вечеру засветились в домах огни электрического света, пробиваясь через края фанерок, подушек и иного подсобного материала, которым жильцы закрывали пустые проемы рам с выбитыми стеклами.

Во флотском городе для военных и гражданских дисциплина одна и та же, то есть родители на работе. Дома же двое младших братьев, что сидели при свете керосиновой лампы — в тамошних местах народ запасливый на любой всякий-який случай, подетски бессмысленно радуясь продолжению зимних каникул — лодка взорвалась одиннадцатого января, в первый учебный день и ровно в восемь-пятнадцать, сразу за прозвеневшим на первый урок школьным звонком — они увлеченно играли в лото. Я же лег спать: в полярную ночь можно бодрствовать и спать в любое время условных суток.

Проснулся в полдень, когда небо чуток синеет, а на улице можно ходить без карманного фонарика: китайского круглого или прямоугольного «даймона», что в ходу с лендлизовских времен. Но — это только на час-полтора. Оделся и через Чертов мост пошел в Новый Полярный. На вершине сопки, что рядом со школой, с которой открывался широкий вид на Екатерининскую гавань и подлодки Четвертой эскадры, густо толпился штатский народ: школьные ребята, перемеживаемые молчащими мужиками и смахивающими с ресниц подмерзающие слезинки женщинами. А под ногами разрушенный на сотню-другую метров бревенчатый пирс; чуть поодаль две вертикально стоящие половинки лодок: БУКИ-37 кормой вверх, а С-350 — носовой частью. Со стороны пирсов на сопку медленно поднимались цепью гарнизонные солдатики-краснопогонники, с автоматами за спинами. «Расходитесь, товарищи, расходитесь. Нечего тут глядеть. У нас приказ... извиняйте», — сиплым, срывающимся голосом повторял одно

и то же молодой пехотный старлей, старший по комендантскому взводу.

Народ молча расходился. Встретил нескольких ребят из своего седьмого «Б». Почему-то все были уверены во взрыве баллона со сжатым воздухом, переломившимся при погрузке на лодку. Явная нелепость. Еще говорили о нескольких домах вблизи пирсов, пробитых с крыши до подвала обломками баллонов, торпед и прочного корпуса подлодки. На том и разошлись. Вернулся домой и до подачи электричества читал под керосиновой лампой роман «Угрюм-река».

◆ — Когда в комнатах ярко вспыхнули лампочки, не выключенные в восемь-пятнадцать утра, врубил ребятам телевизор, а сам отправился по освещенной главной и единственной улице Советской Старого Полярного в самое его оживленное место, где на резком повороте улицы вправо, на внутреннем и внешнем углах Советской располагались городская почта, районная (хотя сам район давно перенесли в Североморск — новую главную базу Северного флота) библиотека, гражданская больница с ее отдельно стоящим инфекционным отделением, столовая, отделение милиции, исполком, продуктовый магазинчик и «*Райсарай*» — так в городе прозвали клуб военной части стройбатовцев-«партизан» с кинозалом по дешевым ценам на билеты. Еще за почтой располагался долгий склон сопки — место катания на санках всей пацантвы Старого Полярного. Курс я твердо держал сначала на почту, поинтересоваться новыми поступлениями почтовых марок (тогда все ребята их коллекционировали), а затем в библиотеку — обменять дочитанную под керосиновой лампой «Угрюм-реку» на «Емельяна Пугачева» того же Вячеслава Шишкова.

Но на самом входе в здание почты отвлекся на затормозивший на остановке единственный автобус

единственного же маршрута: из губы Кислой, к причалу которой пришвартовывались рейсовые катера из Мурманска и всех промежуточных мест, а также из «точек» и становищ* к северу от Полярного, и далее по Старому и Новому Полярному. На этой остановке выходили местные жители и военные моряки-подводники — отсюда кратчайший путь к КПП подплава. Сразу бросился в глаза матрос с двумя узкими лычками на флотских погончиках, то есть старшина второй статьи, донельзя растерянный, с запотевшим в мороз лицом.

Известно, что срочники во всем доверяют, как ни странно, не взрослым, а ребятам. Должно быть потому, что сами недавно учились в школе. Я оказался ближе всех к нему, потому тот и обратился ко мне срывающимся голосом: «Скажи, парень, я в автобусе слышал: правда что буки тридцать седьмая взорвалась и весь экипаж погиб?» Подтвердил, а тот уже совсем потерянным голосом стал мне рассказывать, видно мало понимая где и кому говорит, что он с этой самой лодки. Прохожий народ начал останавливаться и прислушиваться. Пожилая женщина заметила, что свечку в церкви (которой здесь нет, а в Коле близ Мурманска еще английский фрегат в Крымскую войну из пушек расстрелял и сжег) надо поставить: считай, во второй раз родился.

«Как же, все годки** погибли, все командиры и мичмана наши, а я... живой? А ведь из отпуска запоздал, вчера уже должен быть на лодке...». Проходивший к своему дому отец одноклассника Витьки

---

* Так в тех местах называются — с новгородских времен — береговые поселки, преимущественно бывшие рыболовецкие, а сейчас обслуживающие различные вспомогательные службы Северного флота.— Прим. авт.

** То есть матросы (и старшины) одного года призыва либо соседних сроков призыва, служащие на одном корабле.— Прим. авт.

Савченко, капитан, комроты стройбатовцев, замедлил шаг, кивком головы поздоровавшись со мной, прислушался, ни к кому не обращаясь сочувственно произнес: «Да-а, старшина, теперь с тебя особисты долго не слезут. Сейчас всюду стрелочников искать будут!»

И растерявшийся старшина все продолжал объяснять сочувственно слушающим, что вроде все по времени рассчитал, возвращаясь из отпуска, из своего села в Кировской области, да колхозная попутка-грузовик в такую пургу попала... словом, на поезд опоздал, следующий — через сутки. «Конечно, службу знаем, и отпускные документы все где надо отметил с печатями, но... все погибли, а я живой. Как же так?» И тоже шедший мимо в сторону подплавского *КПП* черномундирный подполковник, то есть политотделец с красной окантовкой погон, сразу уловивший, что старшина с взорвавшейся лодки, остановился, коснулся его плеча: «Пошли, служивый, пошли... своих опознавать, что на пирсе уже сложены». После их ухода народ медленно разошелся, покачивая головами.

Зайдя на почту и в библиотеку, все же решил заглянуть к жившему рядом Витьке Савченко. Раз его отец дома, то может что знает о причинах взрыва? — ведь военный. Но тот и сам ничего не ведал. Наскоро поужинав, вновь собрался уходить: «Аврал; моих чернопогонников сейчас нарасхват, много чего спешно поправлять нужно». Еще он сказал, что уцелел, хотя и ранен, командир *БУКИ-37*: в момент взрыва стоял на мостках с палубы лодки на пирсе. Взрывом его отбросило в воду. Сейчас в госпитале — ребра поломаны. С тем капитан и ушел. А мы с Витькой проверили оперативность натовцев. С трудом отстроившись от мурманской глушилки, поймали «Голос Америки» и услышали сообщение о «крупнейшей со времен взрыва линкора «Новорос-

сийск» в Севастопольской бухте военно-морской катастрофе на Северном флоте...». Все же оперативно.

◆ — Дочь командира *БУКИ-37* училась в нашем классе, поэтому Анатолия Степановича все мы хорошо знали. В Полярном принято шефство экипажей подлодок над школьными классами, начиная с пятого и далее с повышением номера класса. Понятно, что командиры кораблей выбирали те из них, где учились их дети. И на экскурсию нас водили на подлодку, которую сегодня утром видел с пришкольной сопки вертикально стоящей кормовой половиной в успокоившейся свинцово-синей воде Екатерининской гавани... А вот что чувствовал себя чудесным образом оставшийся в живых командир погибшего с лодкой экипажа? — Даже представить себе не пытался. Особенно с «подбодрением» высшего начальства. Когда через десять дней в школе начались занятия, то шепотом, из уст в уши — от отцов, офицеров-подводников и штабистов — передавали слова срочно прибывшего в Полярный главкома военно-морского флота страны многозвездного адмирала Горшкова, навестившего в госпитале Бегебу с переломанными ребрами и сказавшего ему в том смысле, что твое место, кавторанг, не здесь, а вместе с экипажем на кладбище в Кислой губе... А потом трибунал, хотя и оправдавший его, но затем негласный запрет на выход в море, ссылка на преподавательскую работу в бакинское военно-морское училище имени Кирова, звание каперенга только по выходу на пенсию...*

Расхожие суждения: все зло от баб,— нередко срабатывает ровно наоборот. Так и случилось с третьим спасшимся членом экипажа подлодки. И опять-таки знаемом мною — хотя бы в лицо. И по

---

* Подробно см. в указанной выше книге «Военная цивилизация». — Прим. авт.

имени Юрий. Весеннего призыва, он дослуживал в звании старшины первой статьи срочную. Служили тогда во флоте долго, поэтому неудивительно, что матерые старшины к последнему году срочной заводили себе молодых бабенок из числа одиноких, приехавших в качестве вольнонаемных во «владения» Северного флота подзаработать «длинных» заполярных рублей, а если повезет, то и личную жизнь устроить. Работали они в гражданских и во вспомогательных флотских службах: от технических работников среднеобразовательного звена до официанток, буфетчиц и всякого обслуживающего персонала. Проживать же их устраивали в комнатах пары или тройки² запамятовал — довоенной еще постройки больших одноэтажных барачных общежитий в Старом Полярном. В них же, занимая по нескольку комнат, жили и коренные семейные.

Поскольку окончившие *ЛВВМУПП** лейтенанты прибывали в Полярный уже с ленинградскими женами, преимущественно с нынешними нашими школьными учительницами, выпускницами герценовского пединститута, а разводы во флотской среде не практиковались, опять культурно-образовательный мезальянс² то холостые обитательницы общежитий ориентировались на курсантов-практикантов из того же училища, а в основном на обстоятельных старшин последнего года службы по призыву. Либо, оставшись на сверхсрочную, в мичманы выйдет, или же к себе на родину увезет.

К одной такой ловительницы пока что мимолеетного счастья, что занимала комнатку рядом с условной «квартирой» большого семейства Шевляковых, с ребятами которого я менялся марками и монетами —

---

* Ленинградское высшее военно-морское училище подводного плавания, кузница офицеров советского подводного флота.— Прим. авт.

старыми и иностранными,— потому бывал у них, и похаживал Юрка-старшина, умудряясь иногда получить суточные увольнительные — якобы для поездки в Мурманск, навестить родственников, которых у него там вовсе не было. И девица, машинистка из ОМИС'а — расшифровку не помню, что-то навряде флотской квартирно-эксплуатационной части, брала отгул, а для высшего удовольствия суточного свидания покупала у старополярянских бутлегеров (в городе полный сухой закон, введенный на флотах еще Никитой!) пару бутылок сорокаградусной.

Вот с такого-то двойного удовольствия Юрка и опоздал одиннадцатого января на полчаса: прибыл на разрушенный пирс в половине девятого, а не в восемь-ноль-ноль... Вот и судите сами, мужики, о роли баб в иных жизненных ситуациях. Его тоже отправили опознавать погибших; про опоздание в суматохе забыли. И даже дотошные и сверхподозрительные особисты, услышав про увольнительную в бараке Старого Полярного, обматерили старшину, на том и завершив дознание. В Полярном, если речь идет о бабах или водке, лишних вопросов не задают. Все понятно.

◆ — Да-а, невесело,— прервал наступившее молчание Бурцев,— а к чему, Андреяныч, ты про линкор «Новороссийск» вспомнил походя? Сейчас по телеящику, на каналах для пенсионеров и всех тех, кто не хочет отдельно платить за просмотр, подключаясь к интернету, часто всякие домыслы про его подрыв и гибель почти со всем экипажем, именно на севастопольском рейде не столь уж и великой бухты, что называется на виду всего города! — рассказывают телеактеры, «переодетые» ведущими историками, аналитиками и прочими участниками клуба знатоков...

— Х-ха! Это еще что; вот на исходе либерально-демократических — это я не про партию Влади-

мира Вольфовича говорю — времен и вовсе слышал в одной такой передаче, что линкор приказал взорвать тогдашний министр обороны, который крепко сцепился с военно-морским главнокомандующим! Правда, добавили, что это предположительно и, на всякий случай, фамилии этих полководцев-флотоводцев не назвали. Ладно, Андреяныч может действительно что имел в виду, вспомнив «Новороссийск»?

— Вот именно имел в виду и все по той же причине: занесла старуха в саване косу зазубренную, а кто-то божьим заступничеством и увернулся. Так и в случае в гибелью «Новороссийска». Вот в тему и рассказ.

В год окончания мною школы, последнего года существования хрущевской одиннадцатилетки, привезенной Никитой из его достославной поездки в Америку, семья распрощалась с Заполярьем — всякому овощу свое время! — и переехала на жительство в наш город. Я поступил в политех, что сейчас прозывается университетом, в котором мы с Игорем Васильевичем и трудимся, а по тогдашнему порядку первый месяц сентябрь первого курса мы проходили «курс молодого бойца» в колхозе на уборке свеклы. Мне, как назначенному старосте группы, приходилось общаться с местным начальством: наряды закрывать, выписывать накладные на шамовку... словом, посредник между народом и сельхозвластью в лице председателя колхоза: лет тридцати с небольшим, плотного, широкоплечего, постоянно трезвого, что редкость на селе в те времена, и веселого. Как раз заканчивал он строительство своего нового дома — вместо родительской избенки. Он и предложил — через меня — парням нашей группы пошабить денек у него на авральной работе типа приноси — отнеси — разгрузи — молотком помаша. Условия хорошие: вечером домашний ужин «с казенной» и четвертной билет госбанка на всех.

За ужином с жареной гусятиной и прочим, что подавала его супруга, местная учительница, разговорились. Поскольку *пред* всегда ходил в тельняшке, что виднелась из разреза ворота рубахи, естественно беседа перешла на истории из его срочной службы в середине пятидесятых в Севастополе на морском тральщике. И как он избежал преждевременной той самой неминуемой.

«...Мы тогда на рейде в двух кабельтовых от «Новороссийска» стояли. С утра командир наш разошелся, мол, до вечера выдраить все закоулки корабля: завтра Силинг* со своей командой инспектировать будет — мало не покажется! А вечером особо проявивших себя премировал поездкой на шлюпке на линкор — смотреть новый фильм «Дело Румянцева» с Баталовым в главной роли; итальянцы строили свой «Джулио Цезаре» по-европейски комфортно, с просторным кинозалом... Кино посмотрели, в шлюпку по бортовой лестнице — и в обрат погребли. Через полчаса, только взобрались на родную палубу — ка-ак жажнет со стороны линкора! Хорошо форштевнем к нему стояли, так и перевалились по семибальной волне. А шлюпку о борт — в щепы! Выходит дважды в единые полчаса смерти избежали».

— Ладно, Андреяныч,— промолвил Скородумов,— достаточно мрачного на сегодня. А то ты в нехилой своей памяти покопаешься и еще что-нибудь по части мировых катастроф отыщешь. Нам бы сейчас, тем более под отвальную и завершающую ямщицки-разгонную, что-нибудь повеселее, где в силу случайности все остались живы-здоровы, еще и жиз-

---

* Реальное лицо. Начальник санитарной службы Севастопольской базы Черноморского флота, полковник медицинской службы Борис Соломонович Силинг.— Прим. авт.

ненно оптимизма приобрели. Твой черед, Андрей Матвеевич! Тебе и карты в руки. Как вашего брата раньше именовали? — правильно, сочинитель. Понятно, не в смысле фантазировать, домыслы всякие строить, а именно жизненную правду художественно подавать. Ведь так?

— Что ж, попробую вас душевно порадовать своими воспоминаниями.

СЕДЬМАЯ ПАНДЕМИЯ

◆ — Все мы, в смысле почти весь земной шарик, еще в подсознании своем не отошли от ковидной пандемии,— начал повествование писатель Бурцев.— Не подумайте, Христа ради, что я продолжу мрачную ноту ваших рассказов на тему «повезло — не повезло»! Мол, один пожалел пару-тройку бутылков и фуршетной закуски к ним, ан и факультет в институте прикрыли. Другой почти чудом спасся, но рядом экипаж линкора на дно опустился... Нет, ребята, в смысле многомудрые в жизненных перипетиях мужи, я-то как раз хочу повеселить вас, други, в завершении нашей пятничной встречи... хотя бы нам, как душам православным, а Николаю Андреяновичу и вовсе древнего благочестия, из староверов, скорее положено по воскресеньям дружбанить, оставив пятницу и субботу другим инославным вероисповеданиям.

— Тп-п-ру-у, Андрей Матвеевич,— застопорил витиеватую речь литератора польщенный особым выделением его потомственной принадлежности к старой вере Николай Андреянович,— раз повеселить нас собрался, так давай без предисловий, а то бутылка нашей фильтрованной на серебре водки производства Ленобласти скоро донце станет казать.

— Не торопи, не взнузда! Как раз предварительное пояснение не повредит. Времена давние, а

память не у всех абсолютная, как у нашего Игоря Васильевича... на то он и двойной доктор наук.

— А о каких временах и событиях речь пойдет? — уже польщенный профессор Скородумов подал голос.

— Когда мы с вами, Игорь Васильевич и Николай Андреевич, были в расцвете юности, жизнь в недавно наступившем золотом — безо всяких кавычек! — славном советском веке всех баловала и радовала неизбывным оптимизмом. Леня-генсек со сменяющимися штатовскими президентами едва не челомкались при встречах и без устали подписывали договоры о мире и ядерном паритете. Народ же нашпил в меру удовольствия, а в курилках на заводах, фабриках и научных учреждениях каждое трудовое утро начинал со свежих анекдотов о Чапаеве Василии Ивановиче, добрых наших аборигенах с Чукотки и, конечно, о руководителях партии и правительства и лично о дорогом и любимом Втором Ильиче. Настолько замечательная обстановка, что даже эпидемии оборачивались прекрасным времяпрепровождением!

— Это как недавняя нынешняя? с самоизоляции, ментовскими кордонами и пресловутыми «кюар-кодами» на все, вся и везде?

— Именно наоборот, Андреевич: без цифровых кодов, которые в те времена только пациентам Кащенко в их горячечных снах могли привидеться, а с кордонами и изоляцией, которые не препятствовали, а невольно поощряли вину литься ручьем, девушек любить от зари до зари и вообще понимать душой и телом, что жизнь прекрасна и удивительна!

— Ну-ну, не тяни, сочинитель ты наш, ближе к делу...

— Не нукай, Васильич, не запряг еще писательскую тонкую и чувствительную душу. Что вы знаете о холерных поветриях, хотя бы в России?

— Да случались такие в позапрошлом веке,— задумался Скородумов,— твой старший брат Пушкин в такую попал и всю осень просидел за карантинном в своей нижегородской — так кажется? — деревне и чуть ли не половину своего собрания сочинений в вынужденном заточении в глубинке написал! Впрочем, что-то в студенчестве — или ранее? — слышал о холере, ее вспышке у нас на юге...

— Вот ее я и имею в виду. В Советском Союзе с эпидемиями строго было: не пущать! А главное, граница на замке, число выезжающих-приезжающих бесконечно мало, но вот через порт Одессы эпидемия конца шестидесятых — первой половины семидесятых добралась-таки до нас. Шла она из Индии, в Одессу попала на судах торгового флота через Египет и Турцию. Официальное в мире название — «Седьмая пандемия». А от чего отсчет такой? — ума не приложу. Тем более, как в газетах тогда писали, в отличие от проказы, чумы и оспы, болезнь относительно молодая. Опять же что-то навроде дизентерии, уже во второй половине позапрошлого века достаточно излечимая, не говоря о времени той пандемии под седьмым номером. Но — заразная стервозина. Понятно дело, в народе тотчас о происках мирового империализма, о бактериологическом оружии заговорили. Советская система эпидемиологии сработала грубовато, но четко: остановили заразу на «выезде» с причерноморского юга. Я там был, медпиво пил, о чем и будет мое повествование.

◆ Сдружившиеся еще с самого поступления на истфак местного пединститута, одгруппники Андрияха Бурцев, Витек Кононенко и Аркаша Гильдин отмечали сдачу последнего экзамена за второй курс в парковом павильоне розовым портвейном ординарным; что завезли с утра в заведение общепита, тем и потчевала немногочисленных посетителей — середина буднего дня — буфетчица Маша.

Как истинные студенты, то есть не маменькины сынки, отличники, чудаки ранние женатики и делающие комсомольскую карьеру, друзья тотчас и на полных два месяца выбросили вон из своих голов такие понятия как институт, сессия, лекции. Оставили из учебного обихода лишь самое приятное: стипендию за два месяца вперед, что должны получить завтра пополудни. Более того, именно эта удвоенная стипендия обещала быть хорошей добавкой к финансовому обеспечению задуманного еще в весенний семестр предприятия: добротный отдых на югах в дружной компании. «И никаких баб с собой!» — поднял тост Витек, — как в Тулу со своим самоваром не ездят, так и в Сочи девок с собой не везут. Там цветник из курортниц...» — «Ага, — усмехнулся Аркаша, — еще говорится: в Сочи едут с деньгами, а возвращаются с трипаком, ха-ха-ха!» — «Береженого бог бережет», — уклончиво вставил Андрюха. Портвешок не отпускал взвинченные сессионными экзаменами нервы. Аркаша метнулся к стойке, пошептался с Машей и вернулся с тремя стаканами, наполовиненными водкой.

Перспективы давно задуманного явно не укладывались в размер стипендии за каникулярные месяцы. Так получилось, что у всех троих — истинная редкость для студента! — случились вольные деньги. Витке в июне стукнуло двадцать лет, по каковому поводу щедрый во хмелю милицейский дядька-майор опрометчиво (жена потом изводила его до умоисступления не один день) вручил любимому племяншу сиреневую сторублевку. И еще у запасливого потомка гребенских кубанских казаков чуть поменее в загишнике имелось. Андрюха же экономно тратил заработок прошлого лета — стройотрядовский. А Аркашу отец-адвокат поощрил за правильное решение сына: с третьего курса добавить к базовой исторической учебе еще специализацию по юриспруденции, с

чем недавно начало экспериментировать минобразование. Тем самым отец в потенции обеспечил семейную профессиональную преемственность. Растим трудовые династии!

Опять же за все время учебы только эти, после второго курса каникулярные летние месяцы, оказались свободными от ознакомительных, педагогических и иных практик. А не провести хотя бы одно лето в дружеском вольном отъединении от всего привычного и поднадоевшего в юношеском максимализме — все одно что и не иметь студенческих годов!

И вовсе немаловажным было архиудачное решение злободневного для южных курортников квартирного вопроса. Еще в бурные довоенные годы «великого переселения народа» большесемейные гребенские станичники расселились по обеим сторонам черноморско-азовского отрога Кавказского хребта, сохранив и по сей день традиционное родственное общество... словом, сколько-то-юродная тетка Витька со своим семейством уже во втором поколении проживала по южную сторону гребня, а именно в пределах Большого Сочи, во фруктово-ягодном совхозе. А от ее солидного частного домовладения с участком до ближнего галечного пляжа четверть часа ходьбы, причем под горку. И рейсовым автобусом до сочинского железнодорожного вокзала и лучших кабаков и прочих культурных мест столицы Черноморского побережья Кавказа — смешное время езды!

У тетки Витек еще школьником гостевал, с родителями конечно. И сейчас охотно согласилась она принять племянника с друзьями. Словом, гаудеамус игитур. Или по гёте-фаустовски: «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо», — так поучал мудрейший Мефистофель.

◆ Три недели как у Христа за пазухой отдыхали душой и телом: на южном небе ни тучки за все время пребывания; Черное море, у здешнего галечного

пляжа сине-голубое, как парное молоко, харчеванье за поместительным достарханом, в окружении дружного семейства от мала до девяностолетнего бодрого деда, от пуза, а выделенная комната даже отдельный вход имеет. От платы тетка сразу отказалась: «Вы в гостях. Тем более сдачей углов дикарям-курортникам мы не занимаемся — кормимся совхозной работой и своим персиковым садом, да стадом баранов, что во-он тот склон горки объедают. Да, вот еще что, девок только с пляжа не водите: младшая дочь и старшие внуки Сашка и Петька в возрасте любознательности (тетка недоучилась в краснодарском пединституте). Нечего им раньше времени задумываться что на сладкое подадут».

Но легкое огорчение Нина Тихоновна с лихвой скрасила уточнением: «Вы, ребята, деньги-то не транжирьте на магазинное вино и что покрепче. У нас Абхазия под боком, а наш совхозный кладовщик-учетчик Кардава оттуда, от своих родичей сорокалитровыми бутылками привозит крепленое вино и чачу двойной очистки. Рубль и два за литр соответственно. А будете изредка в его складах аврально разгружать-грузить машины, так он и вовсе будет тем и другим расплачиваться, но это все на ваше усмотрение и желание. И еще поэкзаменируйте моих школьников по истории — чтобы к учебному году не все забыли».

И пошла жизнь курортная! Пляж, натуральный продукт от Кардавы, кубанские изыски от Нины Тихоновны... Аркаша с Андрюхой даже место нашли слегка пошалить с пляжными москвичками. Ели вкуснейшие шашлыки в экскурсии на озеро Рица, еще хранившем следы сталинского отдыха. В трех, кое число бог любит, сочинских ресторанах, в том числе в знаменитой «ротонде», отплясывали вошедший в моду твист, закусывали осетриной марочный грузинский «Грэми», что считается гурманами луч-

ше изделий французской коньячной провинции Шаранты.

И случилось невероятное для отдыхающих на юге: монашеский запрет Нины Тихоновны (Аркаши с Андреем интрижки не в счет), дармовое едово, умеренное ресторанное шикование чудесным образом выявили к окончанию оговоренного трехнедельного пребывания хороший остаток денежного общака. А Аркаша, из семьи бывших потомственных одесситов, предложил «продолжить банкет»: морем, с умеренным комфортом рейсовых пассажирских судов, доплыть до Одессы, пару-тройку деньков пожить у его родственников, а далее «по чугунке» вернуться домой. ...Не читая газет и не прислушиваясь к кривотолкам о случаях холеры на черноморских берегах, что свойственно беспечной молодости, они и добрались до Одессы: море зеркально-тихое, пассажиры компанейские... опять же девушки с зовущими зорами.

В Одессе уже нельзя было отгородиться от панических слухов, поэтому Андрюха и Витек (Аркаше не вновь было, раньше здесь гостевал) наскоро знакомились с овеществленными описаниями города одесскими же классиками Ильфом и Петровым, чей роман о приключениях Ости Бендера не так уж давно начал массово издаваться. Привоз, Фонтан и Дерibasовская, Французский бульвар, сам памятник одесскому Дюку, знаменитая лестница и театр, пиво под особой жарки кефаль — все как-то не особо весело. Если везде в стране слухи распространяются со скоростью сверхзвука, то в Одессе таковая близка к световой, максимальной в природе. Даже билеты на поезд пришлось доставать с помощью тех же родственников Аркаши: «Изя, а кто у нас на железной дороге?» Правда, билеты для курортного времени и все крепчающей паники оказались солидными: в плацкартный вагон и никакого не дополнительного, а

поезда по расписанию, с вагон-рестораном. Как Аркаша не отбивался, но одесские родичи нагрузили его сумками со съестным «для российских родственников».

Когда состав отходил от перрона, Андрияха поймал взглядом придорожный кумачный транспарант со словами: «Мы будем жить при коммунизме!». А пониже их мелом или известкой добавлено «от руки»: «А мы!»...

♦ Вагон убежал от холеры со всеми опущенными оконными стеклами: иначе не продохнуть от запаха хлорки, раствором которой ворчливые пожилые проводницы с завидной регулярностью швабрили полы. Поначалу ребята удивились: билеты брались по большому железнодорожному благу, а при проходе по вагону всюду встречались пустые боковые и «купейные» места. На вопрос Аркаши проводница, разносившая через полчаса после отхода поезда постельное белье, разъяснила: именно в последние два дня слухи о холере закрепились всевозможными административными указами, поэтому местные, то есть одесситы и окрестные, собиравшиеся ехать «в Россию», в последний момент билеты сдали; дескать, дома сподручнее и моровую язву переносить...

Более того, со ссылкой на бригадира поезда распространялась весть, что поезда одесского направления, туда и оттуда идущие, уже останавливают посреди степи на двухнедельный карантин. Число слабодушных, сошедших с поезда на первых двух остановках в Петровке и Березовке, еще больше пустых мест в вагоне оставило. После Березовки на узловоей станции, где ветка уходила вправо на Николаев и Херсон, наиболее умные — по их мнению — тоже сошли, уловив слух, что «главное добраться до этих городов, а там холеры нет, поезда на Москву не задерживаются».

Словом, когда истина, как бы горька она не бы-

ла, проявилась, то есть состав отогнали на запасный путь на правом берегу Южного Буга — а через речку районный городишко Вознесенск — и объявили о карантине, то в вагоне уже было если не просторно, но без толчеи у дверей «причинных мест». За три с половиной часа пути от Одессы отсеялись все робкие и торопливые, местные тож, остались безысходные «российские» курортники, которым деваться было некуда. «Вынес достаточно русский народ. Вынесет эту дорогу железную, вынесет все и куда-то пойдет!» — вольнолюбиво перефразировал Некрасова Аркаша, когда сообщение о карантине прозвучало по поездной радиотрансляции.

Одесский говор бригадира в трансляции сменил уверенный баритон, представившийся каким-то чинном санинспекции, прибывшим из экстренного штаба по эпидемии в Вознесенске. Чувствовалась военная косточка. Без идеологических предисловий и ссылок на происки международного империализма, все разъяснил: карантин две недели; признаки заражения такие-то, то есть смотрите на себя и свое окружение, а при их появлении немедленно обращаться в мобильный медпункт в прицепном вагоне — при подтверждении заболевания скорой помощью увезут в ближайшую инфекционную больницу; кормежка по графику в вагоне-ресторане; письма-телеграммы передавать для отправки проводникам своих вагонов. Как и кормежка — за счет заботливого нашего государства. Отдельно пояснил про жизнь вне состава: гуляй — не хочу во все четыре стороны, но вход и выход отмечать в журнале у проводников. Соседнее село в трех километрах тоже в зоне карантина, поэтому в тамошний сельмаг ходить, но не в одиночку, разрешено. Однако от кино и танцев в тамошнем клубе следует воздержаться по понятным причинам. Главное — Вознесенск и вообще левый берег Буга вне зоны карантина... пока; так

что к мосту даже близко не подходите, там армейский караул.

Сидевший на боковом месте их вагонного отсека парень, по виду, жаргону и обширному багажу фарцовщик, везущий партию товара в столицу, пояснил на вопросительную мину лица Витька при упоминании осторожности общения с местным населением: «В здешних селах народ с прошлого века смешанный проживает: хохлы, русские, молдаване, греки и болгары, от турок бежавшие, опять же цыгане. Так что у тамошних парней и своих разборок из-за чувих хватает, а тут еще чужаки на их подставки глазеть будут и намекать насчет станка*! Так что будем, кентгы, своими обходиться: смотри сколько гёрлов в одном только нашем вагоне?: Явно неприкайнных из тех, что «едут беленькие сучки к южным кобелям», ха-ха-ха!»

Не Средняя Россия, южное солнце садится за горизонт скоро, опять же голод не тетка Нина Тихоновна. Аркаша начал выкладывать на столик одесские гостинцы, включая адресованную его отцу бутылку молдавского *КВВК*** (одну из двух, не считая винных). Подсел и фарцовщик Костя, вызвав общее восклицание флаконом виски, явно из своего товара. За обильным ужином про девушек как-то не вспомнили.

◆ Когда через две недели карантина, плюс сутки пути, подъезжали к Москве, Костя, студент последнего курса физмата Одесского университета со специализацией по теории вероятности и математической статистики, оторвался от записей в тетрадке, чем занимался последние два-три часа, и зачитал сдру-

---

* Из молодежного сленга 60—70-х годов: подставки — ноги девушек и молодых женщин; станок — постель для двоих.— Прим. авт.

** Коньяк выдержанный высшего качества (производства Тираспольского коньячного завода) — высоко ценился в советском обиходе.— Прим. авт.

жившейся компании, включая трех (Витек хранил верность своей «почти невесте», как сам говорил) удивительно длинноногих девушек — двух москвичек и одну транзитом в Свердловск — свой анализ последствий пребывания в чудеснейшем из карантинных, выполненный по личным наблюдениям методом статистического прогноза. Девушки захихикали, делая вид непонимания о чем речь идет, а ребята расхохотались.

По ученым выкладкам Кости («Кстати,— перескочил во времени рассказчик Андрея Матвеевич,— как-то в интернете случайно попалась его фамилия, по фото узнал, мало изменился; оказывается еще с середины девяностых постоянно живет в Европе, сейчас профессор и завкафедрой прикладной математики Боннского университета, глава научной школы, лауреат и прочее») выходило следующее. Из примерно трехсот пятидесяти... максимум четырехсот карантинных пассажиров, слава богу, всего лишь при трех занедуживших — от чрезмерного виноупотребления, на московский перрон через два с половиной часа сойдут в новом, благоприобретенном качестве следующие статистические группы: считающие летний отпуск испорченным — полтора десятка пенсионеров; наоборот, удавшимся — почти все остальные; давших сторяча обещание жениться (здесь москвичка Лена посмотрела прозрачными глазами на Аркашу) — человек пятнадцать молодых парней и с пяток средневозрастных; с обострением желудочных болезней из-за чрезмерно частых заходов в винный отдел сельмага — не менее десятка; с явным подозрением на незапланированную беременность (свердловская Катя вздрогнула и непроизвольно мимолетно взглянула... здесь рассказчик Бурцев как-то замялся и пропустил имя ответчика) — аж целый взвод*

---

* То есть три десятка персонажей.— Прим. авт.

девушек и молодых женщин, включая карантинивших с мужьями; обворованных — не менее десяти; подравшихся публично и *tê-tê-a-tê-tê* — до двадцати мужских пар и несколько поменьше женских; предположительное число подхвативших вензаболевания входит в общекурортную статистику: до пяти процентов у лиц молодого возраста.

Здесь Костя захлопнул тетрадку, добавив, что несколько человек наверняка завели полезные, деловые знакомства, обещающие им возможный переезд на ПМЖ* в столицу. Он сделал вид, что не заметил поощряющий взгляд второй москвички — ранней разведенки Сюзанны. «Как у нас с Костей в Одессе говорят,— всхотнул Аркаша,— кто виноват? А виноват кооператив — завез негодный презерватив. Да-а, ребята, с изделием номер два** отечественный трест «Резинпром» явно не справляется». — «А вот у нас в малочерноземной полосе,— в тон добавил Андрияха,— говорят: война, колхоз — в смысле посылки горожан на сельхозработы — и курорт все спишут!».

Девушки притворно засмутились, а Аркаша, со словами «вот уж истинно кто все спишет, так это карантин!» достал из отощавшей сумки (остальные две «с гостинцами», опустевшие и свернутые в тубусы, давно уже лежали в оставшейся) бережно хранимую для отца вторую бутылку КВВК. Гулять хорошо, а догуливать еще лучше!

— Ну-у, Матвейч, замечательная концовка нашего сегодняшнего, гм-м, заседания,— поощрительно вздернул подбородок Скородумов,— и за тебя рады, и за твою тогдашнюю карантинную подружку Катю посочувств... стой! Твоя же почтенная Екатерина Анатольевна — ты что по имени выбрал ее?

---

* Постоянное место жительства.— Прим. авт.

** Так в СССР стыдливо-скромно официально именовали презервативы.— Прим. авт.

— Нет, она и была раньше Катей из карантина.

— Ну-у, молодец ты какой! А остальные пары?

— Точно так же: Аркаша женился на Лене, взяв в приданое московскую прописку, а Костя с Сюзанной в Неметчине внуков, будущих математиков, воспитывают.

— А Витек? — поинтересовался Николай Андреевич.

— И его невеста дождалась своего верного жениха, став вскоре женой... только другого.

Завершающий триолет

ОХОТНИКИ НА ПРИВАЛЕ: ЖИВ КУРИЛКА!

◆ — Мыслишка мне в голову-тыковку пришла,— слегка юродиво начал очередную пятничную встречу трех друзей в кафешке «Наливай-ка!» писатель Бурцев, обращаясь к профессору Скородумову,— почему-то все вновь вводимые в русский язык слова имеют этакий подспудно или явно неодобрительный смысл. Нет, нет, я не нынешний американо-нижегородский, говоря словами Игоря Васильевича, имею в виду. Здесь все понятно. Я говорю именно о новых *русских* словах!

— Да не мучь ты, Матвеич, предисловиями,— нетерпеливо перебил словоохотливого по своей сочинительской профессии Бурцева доцент Николай Андреянович,— давай к делу! А то водка уже в горло просится.

— Хорошо, к делу, так к делу. Вот Федор Михайлович, к примеру, больше всего гордился не своими всемирно признанными гениальными романами, а словом «стушевался», скоро и прочно вошедшим в великий и могучий. Оно, конечно, не такое уж и неодобрительное, но все одно характеризует человека огорченного чем-то или кем-то. Еще раньше известный литератор и издатель журналов Панев, который Иван Иванович — уточняю, потому что несколько его родственников с той же фамилией также к литературе отношение имели, так вот, он-то прямо ругательные слова «хлыщ» и «приживалка» сочинил. А до него Булгарин — да-да, тот самый Фаддей Бенедиктович, про которого с Гречом Крылов написал «за что кукушка хвалит петуха? за то что тот кукушку хвалит» — тоже малоодобрительную «салоппницу» придумал...

— Ну, пошла писать контора,— вновь проявил нетерпение Николай Андреевич,— так и до «времен очаковских и покоренья Крыма» дойдем!

— Допустим, с Крымом всегда у России осложнения случались, а вот Наполеоново нашествие отразилось в словаре русского народного языка всего тремя новыми словами, зато какими? — шаромыжник, шваль и шантрапа!

— К чему это ты, друг наш письменный, к неодобрительным нововведениям в русский язык обратился, да еще к первой стопке не прикоснувшись? — с несколько неосознанным еще подозрением спросил Скородумов.

— К твоим, дорогой Игорь Васильевич, цензурно-ругательным околонаучным терминам, коими щедро наполняешь свои трактаты: цифрофрения, умозамещение, педермотство, интернет-уманет, а?

— Лишнего не навешивай: *уманет* другого автора имеет, давно уже в обиходе, как и либерастия, компьютерный солипсизм* и еще с десяток. Достаточно все же людей мыслящих осталось... впрочем, по пальцам и их можно перечесть, причем не сотнями, даже тысячами на один перст, как когда-то, а едва ли и десятками? Сам-то хорош, Матвеич, в части сочинительства новоделов. Я же внимательный читатель твоей «Срединной России». И что вижу в твоих очерках? — То *бизнесментер* проскользнет, а чуть пониже и *олигархер* полуматерный. Другие схожие словечки явно не ласкательного содержания.

— Хм-м, согласен. К сожалению, самое мое роскошное слово с корнем «бизнес» не может быть употреблено в печатном виде; извиняюсь за тавтологию, потому что непечатно. Так что оба мы с тобой,

---

* Понятно переводится: если чего нет в интернете, то значит вообще в природе не существует.— Прим. авт.

Васильич, можем — каждый в своей терминологии — ответить на вопрос почти фольклорный: чужую беду на бобах разведу, а к своей ума не приложу.

— Замечательно сказано. На то он и мудрец-народ. Вроде как все понятно, творящееся в нынешнем гибридном мире, по полочкам разложимо и пронумеровано, но вот самого себя спросишь и — нет ответа! Потому как жить умом просто... даже если его в голове на понюшку табака, а вот душой, хотя бы это и ирреальное понятие, намного сложнее. Бунтует она, материально неосознаваемая, и против оцифровывания всего уклада жизни современной, и не согласна со скотоложством торжествующей толерантности... да куда не кинь, всюду клин античеловечности. Что-то мы сегодняшние посиделки, друзья-приятели, с мрачных тонов начали? Вроде как и наступающая осень бабьим летом вдругорядь балует... А-а, прав Андреяныч своей староверческой потомственной основательностью: какое настроение, какой разговор без отвальной? Тем более, уже, как он заметил, нóлито. И первый тост созрел, хотя бы и он в мрачноватой тональности: как не сбылись «сто дней» Наполеона и «пятьсот дней» ныне уже напрочь позабытого Явлинского, так и не наступит, особенно в хранимом богом нашем отечестве, апофеоз глобализации с ее цифровым концлагерем, когда каждому бывшему человеку вживят на лбу третий, электронный глаз самонаблюдения!

— Замысловато, Васильич, но в самую цель,— одобрил доцент-ракетчик Николай Андреянович, утерев после принятой стопки усы и ухватив с тарелки для закуски бутерброд.

— Пока у человечества есть память о прошлом, а у государства какие-никакие законы, можно и даже нужно сопротивляться этому глобальному натиску бездуховности,— заметил Бурцев.

— X-x-a! Пальцем в небо попал наш Андрей Матвеевич,— иронично усмехнулся профессор Скородумов,— в цифровом обществе человек будет отлучен от личной памяти. Она уже сейчас заменяется смартфоном. Поэтому при необходимости директивно лишит все глобализованное человечество исторической памяти достаточно «одним кликом», как талдычат в телерекламе, эту информацию стереть: либо вирус соответствующий запустив, а еще надежнее сменить вид ее электронных носителей. Вот на моей памяти уже пятый такой вид заступает место предыдущего; было три вида магнитных дискет, затем лазерные диски, а сейчас флешки на емкостных $p-n$ полупроводниковых переходах. Такая смена одновременно и прогресс, и тренировка! Что же касается охранительной силы законов, то и здесь все уже продумано и сверхуспешно внедрено. Для всех социумов-государств, независимо от их устройства: демократических, тоталитарных, религиозных и прочих. Как твой, Андрей Матвеевич, литературный коллега сказал: «Я повсеградно обэкраен и повсесердно утвержден».* То есть уже свершен переход от формулы римского права «закон для человека» к иной: человек для закона... это как в каноническом иудаизме: не суббота для человека, а человек для субботы. Значит, от презумпции невиновности для глобализуемого человека действует презумпция потенциальной виновности. Уже давно законы специально издаются без указания субъекта применимости, то есть при необходимости — кому это надо — карающая, либо, наоборот, поощряющая стезя закона может быть применена к любому человеку. Вот вам и охранительная сила памяти и закона!

Как-то само собой, после ученых слов профессо-

---

* Из стихотворения Игоря Северянина «Я гений Игорь Северянин...». — Прим. авт.

ра, нить общей беседы, еще не натянувшись и махрово не расплетясь, потерялась. Поэтому и разгонную пили без тостового предисловия. И все как один отметили про себя: водка при допитии стопки слегка сивушным запашком отдает, что раньше не отмечалось, и бутербродная буженина несколько заветрена... Истинно: садился — бодрился, а сел — свалился.

— Что-то у нас сегодня не клеится, — покачал головой Бурцев, — ладно у вас, университетских тружеников, раскачка идет после долгих отпусков, но ведь и у меня в голове тоскливая хмурость. Все же у нас, потомственных русских людей, слишком впечатлительные характеры. Потому уже которое столетие у западников бытует словесный штамп: загадочная русская душа. Вот возьмем, к примеру, французов: как-то им хмурость не к лицу и поведению. Когда на меня нападает осенняя апатия, как на всех нас сегодня, обычно принимаю дома рюмаху-другую, беру с полки томик Ромена Роллана с его «Колой Брюньоном», ложусь на диван и в который уж раз перечитываю, вернее, раскрываю на любой странице — сюжет давно в голове накрепко отложился — и читаю поверх собственной памяти. Это, друзья, всем вам известный эффект, когда читаешь текст, давно тебе известный почти что наощупь. То есть через зрительный центр читаемое в сознание поступает, а навстречу ему, из кладовки подсознания, то же самое навстречу выскакивает. Правильно я механику эту понимаю, — обратился он к Скородумову, как специалисту.

— Совершенно правильно и во всем понятной терминологии. Только это не механика, извиняюсь, но физиология мышления. И что этот роман — или повесть? — Роллана?

— А сразу хмурость из головы выпаривается. Как болезненный липкий пот в бане. А как попадет-

ся в очередной раз жизнеутверждающий девиз героя книги «Жив курилка!», так и хочется...

— Сбежать на кухню и «добавку» порционную налить?

— Ошибаешься, Николай Андреевич, хотя и это не помешает; нет, хочется выбросить из головы все мрачное. Что в ней накопилось. Итак, француз более весел в своем характере, нежели хмур. Про макаронников и вовсе говорить нечего: песни постоянно распевают и девок лапают. Впрочем, как и лягушатники. Правильно Стендаль сказал...

— Что все итальянцы певцы и предатели? — усмехнулся Скородумов.

— Нет, Васильич, это он по другому поводу изрек, а я имею именно его слова об итальянском стержне жизненного оптимизма. А если взглянем на немецкий характер, то сразу выделим его дисциплинарность, как внешнее выражение безрассудной подчиненности некой общей идее. Словом, «за нас фюрер думает» — это крайнее подтверждение. Японцы, китайцы, индусы, мусульмане? — и для них нехарактерно шараханье из стороны в сторону. Словом — нет во всем мире, кроме нас, столь впечатлительной доминанты характера. Потому только у нас и появилась вечно мятущаяся интеллигенция — у всех остальных только прослойка интеллектуалов, то есть людей, обладающих мышлением выше некоторого усредненного в массах. И только у нас по сей час еще сохранилась традиция «охотников на привале», как на картине Перова и... у нас сейчас в заведении с подачей «Наливай-ка!». *Dixi*, как завершали свои выступления в сенате Древнего Рима, — я все сказал! А вы, уважаемые, что имеете сообщить о нашей эпохе безвременья? Вижу, наш профессор рвется в словесный бой. Милости просим!

◆ — Кольма, Кольма, чудная планета. Девять месяцев зима, остальное лето, — дурашливо пропел

на обертонах Игорь Васильевич,— да, дорогие мои охотники на привале, только у нас бытуют такие ирони-ностальгические песенки. А у тех же западников, особенно у заокеанских, иные мотивы: «Ах, Америка — это страна, где гуляют и пьют не закусывая». Впрочем, тоже нашего сочинения. И у нас любимейшие застольные песни — старинные каторжные кандалные, в которых то бродяга к Байкалу подходит, либо брат его давно уж в Сибири цепями гремит. И так от Москвы до Акатуя — по направлению превращения Московской Руси в царскую, затем в советскую империю.

Это я так, к слову, от осенней путаницы мыслей. В нашем охотничьем клубе я вроде как ответственный за «научный взгляд» на все происходящее, ведь так? Потому я с прямою древнего римлянина скажу: не нужен нам берег турецкий и оцифрованная карга-глобализация не по русскому нутру. Тем паче, что безудержный рост цен на все и вся в последние три года, сравнимый лишь с пресловутой гайдарниковой, уже почти отучил наш народ и даже «экономических мобильных граждан», то есть картельных спекулянтов-перекупщиков, вроде как ритейлерами на американо-нижегородском именуемых, укреплять султанскую экономику поездками в Анталию. Нет худа без добра, но и все европейские «фазенды-лайфы» у наших знатных воров тамошние власти поотбирала!

Могут возразить: нет приема против лома, дескать, весь мир в цифрофреническую либерастию, а мы к амвонам первоапостольской нравственности и верности рукописному письму! Но с другой стороны, тем же священным писанием порицаются гардаринские свиньи, что бросились за очумевшим хряком-вожаком и все с обрыва рухнули в бушующее море и потонули.

С началом военных действий три года тому назад

наши эсмэишники, вмиг оставившие либеральные замашки от «траджоксон оф Амэрика» и нехотя ставшие патриотами-плюс, зашумели о пятых, шестых и иных колоннах и слегка поругивают тех самых «певцов и танцоров» из старинных песенок Галича, что устремились за рубежи вмиг ставшего им немилым отечества. А я вот увидел в этом позитивный знак; бегут, раскудлатые и расхристанные, значит понимают: царство Великого глобализатора, родственника Великого инквизитора Достоевского, еще не скоро Россию в свой улус получит. И второй хороший знак: эти же эсмэишники в лице «переодетых» ведущими экономистами и политологами актеров с телеэкрана напрочь оставили и ранее осторожные речи о том, что и наша страна хотя бы сбоку, но в русле глобализации течет-движется. О чем, впрочем, еще в наши студенческие годы кухонные диссиденты несколько не в рифму, с долей плагиата распевали:

*У меня растут года,
Скоро будет им шестнадцать.
Что же делать мне тогда,
Чем всерьез заняться? —
Стать ли резидентом США
Или взять да и закончить ВПШ?*

...Когда на тебя ополчается весь мир, то есть империалистические запевалы-хороводы и их европейские, в основном которые из бывших братанов соцлагеря, подголоски, осторожные азиаты и иных континентов и частей света «чего изволите за доллары», то мучительно хочется набрать номер 24-37*, представиться и попросить поделиться опытом: а как, мол, товарищ Сталин, вы ощущали себя в такой же ситуации, в полнейшем империалистическом окруже-

---

* По бытующей легенде — это прямой телефонный номер Сталина, даже минуя Поскребышева.— Прим. авт.

нии за железным занавесом? Поделиться, так сказать, историческим опытом.

— Ну и набрал бы этот сакральный номер.

— Набрал, Андряныч, однажды в сильном хмелю. Увы, в ответ женский роботоголос: «Набранный вами номер не существует». А ведь верный ответ, если вдуматься: не только номер не существует, но и от человечества того остались только архивные пыльные папки и ностальгические, давно не читаемые романы... История — это река жизни, в которую дважды войти не получится.

— Да-а, цвет времени с годами, особенно с их десятилетиями, меняется. А на вкус и на цвет товарищей нет. Извиняюсь за частое повторение...

— Во! В точку, Матвейч, попал! Думал — чем бы вас повеселить, чтобы от мрачных дум о несветлом будущем, да уже и настоящем, отойти... опять же в веселое прошлое — и как раз о цвете и твоём старом знакомом Белугине. Помнишь рассказывал, как подрядился в компанию по выборам первого, так сказать демократического, нашего губернатора? — Сразу после ликвидации советской власти. А мне совсем недавно старейший доцент с физкультурного факультета, деканат которого в нашем учебном корпусе прописку имеет, рассказал. Когда Белугина за его сына, «предпринимателя — России спасателя», много чего укравшего под папашиним покровительством, с кресла спихнули и на время следствия под цугундер отправили, то у него сердце зашало — пил-то он всю свою руководящую жизнь крепко, по-стахановски!

Учитывая прежний высокий пост — а номенклатурный чиновник он и в тюрьме не рядовой, опять же от тюрьмы и от сумы... все там можем оказаться — Белугина не в эковскую лечебницу пихнули, а в кардиологию областной больницы. Но по принятым правилам милицейский сменный караул перед

входом в палату выставили. Палата двухместная, опять же не для рядовых инженеров и рабочих. Поэтому в соседи к Белугину подселили декана этого самого физкультурного факультета. Понятно дело, тоже не дурака выпить. Тем более — на дворе «лихие девяностые», когда на непьющих смотрели с подозрением. Чего они, вообще-то говоря, и заслуживают, если только не хронически хворые. Потому декан-сердечник, одной комплекции с Белугиным, то есть шестипудовый, каковую часто обретают профессиональные спортсмены, выйдя на тренерский или преподавательский покой, на второй день пребывания в областной больнице позвонил в осиротевший деканат физфака и приказал своему заму по воспитательной работе явиться «одна нога здесь, другая там» проведать его, захватив литра три сухого красного (для сердца красное полезно) вина. «Нас в палате двое, сам Белугин сосед, а его менты снаружи стерегут. Поэтому вино замаскируйте, наполнив им полторашки из-под газировки. Действуйте!».

В напарники — для солидности заботы о руководителе — он и взял того доцента, что мне эту историю поведал. Сходили они через дорогу от корпуса в магазин, взяли пять 0,7-бутылок грузинского красного сухого, пару гроздей бананов и кило мандаринов, у себя в деканате наполнили под завязку две пластиковые полторашки, что попались под руки, остаток пятой бутылки распили на дорожку и покатали на рейсовом автобусе через весь город.

Сержант у двери в палату их не пустил: «Не положено, а вашего сейчас вызову, — и, приотворив дверь, крикнул: «Профессор! К тебе здесь два придурка пришли, выйди к ним!» — «Почему это мы придурки» — обиделись физкультурные педагоги. А здесь и декан вышел. Сержант же заухмылялся, кивнув головой на принесенные полторашки. И только тут сообразили: бутылки из-под прозрачной ми-

неральной воды местного бальнеологического курорта, хорошо всем в народе известной по этикетке, заполнены вишнево-красной жидкостью. «Дозволить передачу вина в палату с подследственным не имею права, — пояснил караульный, но вот если будут бутылки с этикетной цветной газировки, сделаю вид, что все в порядке».

...Хорошо рядом с больницей располагался небольшой базар. Купили две полторашки с какой-то сладкой водичкой красного цвета и того же цвета этикеткой, содержимое вылили в асфальтовую выбоину на дороге бродячей собаке, с жадностью начавшей лакать сладкую жидкость, а в тару перелили вино. Как потом рассказывал декан, именно на вкус и на цвет они с экс-губернатором оказались товарищами — вопреки народной мудрости.

◆ — Что это сегодня Андреяныч отмалчивается, лишь вопросами подковыривает? Понимаю, понимаю рассудительность потомка старообрядцев, извиняюсь, ревнителей древнего благочестия: то есть сначала все обдумать, взвесить на весах истины и правдоподобия, а только затем свое веское слово, что по серебряному рублю за грамматическую единицу, вымолвить. Так ведь?

— Не совсем, герр профессор. Ты только что рассуждал о типичном русском характере с его спонтанной переменчивостью. Ну а в моей русскости, полагаю, сомневаться не приходится. Предки по своему старовечеству только со своими сватались-кумились. Мать и вовсе из архангельских, куда даже татары с своими начальниками-монголами не захаживали. Просто по ранней осени, когда дни, как сегодня, тишайшие, с дымкой утренней и вечерним этаким арбузным дуновением, неразговорчивость нападает. Скорее всего от детских впечатлений: начало учебного года, а меня с братьями с родного маячного острова в Кольском заливе привозят на гидроотдель-

ском катере в Полярный, на девять месяцев жизни в интернате при школе. В первом-втором классах вообще первую сентябрьскую неделю молчал, глотая слезы тоски. Учительница наша Анфиса Алексеевна, даром что молодая, все прекрасно понимала, не спрашивала меня по урочным заданиям.

— Грустно все это, Андреяныч,— посочувствовал Бурцев,— я имею в виду детские воспоминания, когда они касаются чего-то малорадостного. Особенно когда с малолетнего возраста и сколько лет?

— С первого по шестой класс включительно.

— Вот-вот, столько-то лет, почитай все сознательное детство, на девять месяцев в году отлучен от семьи! Лев Толстой свое детство в родительском доме провел; понятен его ностальгический восторг, когда пишет, что нет ничего восхитительнее детских воспоминаний, самых чистых и прекрасных в жизни человека, которые постоянно греют душу и служат для него источником душевных наслаждений. Как-то в этом роде сказал... в смысле написал в своей детско-отроческо-юношеской трилогии. Эврика! Ты, Андреяныч, сам того не ведая, разрешил загадку, что меня с литинститутских еще времен занимает. Понимаете, был такой известный литературовед и литературный публицист Юрий Селезнев, которому прочили славу Белинского и Добролюбова. Он у нас в Литинституте лекции читал по этим предметам. Вот с его слов и запало в мою голову: в чем причина различия между русской литературой первой и второй половины девятнадцатого века? Если первая, опять же извиняюсь за тавтологию, в общем и целом оптимистична, отчасти даже благодушна, человеколюбива и прочие позитивные оттенки в ней содержатся. А вот начиная с пятидесятых-шестидесятых годов общий тон великой нашей русской словесности заметно меняется: от спокойствия к этакой нервности, а еще правильнее сказать и ближе к теме — от

семейного благодушия к отъединенности и угрюмой замкнутости...

— Постой, Матвейч, а как же лермонтовский Печорин в твою эпоху литературного благодушия? Или наоборот, теплое спокойствие того же Лескова, не говоря уже о Тургеневе, в десятилетия холода душевного и замкнутости?

— Выдающиеся писатели, Васильич, на то и выдающиеся, что они выходят за рамки настроений своего времени. Надо смотреть по более широкому литературному спектру. К сожалению, даже в нашей славной советской школе имелись огрехи. Вот и в предмете литературе как-то приучили нас видеть в русской словесности девятнадцатого века, то есть ее высшего расцвета, всего с десяток определяющих имен и еще максимум с десяток-полтора так называемых «писателей второго ряда»... какой-то административно-бюрократический оттенок! Ладно, господь с ними, перейду к решенной с подачи Николая Андреевича шарады. Ларчик-то просто открывается: все дело в тех самых детско-отроческих годах, воспоминания о которых въедаются в подсознание и во взрослой жизни много чем верховодят. Литература первой половины века полностью дворянская, поэтому будущие писатели получали домашнее воспитание-образование; словом, «слегка за шалости бранил и в Летний сад гулять водил». Отсюда и «семейственный» мотив в творчестве дворянского поколения литераторов, благодушие и снисходительное отношение к «шалостям» своих литературных персонажей. Это поколение даже можно в ранге повысить: дворянско-графско-княжеская литература. Но вот на смену им пришло мощное племя писателей-разночинцев: из мелкопоместного дворянства, духовенства, столь же малочинного уездного чиновничества. Образование им давалось уже не домашнее, но гимназическое и семинарское, а эти заведения

располагались в губернских городах — то есть то же самое отъединение с малых лет от домашности, семейной теплоты. Отсюда и ожесточение характеров будущих писателей. Еще раз спасибо, Андреяныч! К тебе, конечно, такое ожесточение не относится.

♦ — А какие слова, господа хорошие, из числа нынешних, из Америки благоприобретенных, вы более всего ненавидите? — вроде как невпопад спросил Николай Андреевич, все же решивший нарушить обет раннеосенней неразговорчивости, — вот ты к примеру, Васильич?

— Однозначно: бизнес! И производный от него бизнесментер.

— А почему? Понимаю, что всякое чужеземное слово полностью уничтожает равнозначное русское исконное. Но ведь, исключая советское время, купцы и торговля всегда на Руси имели место быть...

— А потому, Андреяныч, что это, во-первых, совершенно различные понятия; во-вторых, понятие «бизнес» до новейших времен было совершенно неиспользуемым: от Руси Киевской до скончания Руси советской, социалистической тож. Русский купец, торговый или промышленный, был носителем потомственной профессии: от отца получил и сыну передал. И в этой цепи очень редко менялся конкретный род занятий. Отсюда и пословицы навроде свиного рыла в калашном ряду. И те же «владельцы заводов, газет и пароходов» — только на русской почве. Главное, к власти они вовсе не стремились — третье сословие! А в девятнадцатом веке, когда основу первогильдийского купечества, «миллионщиков», составили московские, северных от Москвы и поволжских губерний, сибирские старообрядцы, то о каком-либо прикосновении к власти и речь не могла идти. Ведь только революция девятьсот пятого года и последующий «царь испугался, издал манифест» уравнили

в правах «никониан» и духовных последователей протопopa Аввакума...

Итак, русские купцы вовсе не формально, а по существу следовали девизу: купец работает на благо империи, воплощенное в триединстве бога, царя и отечества, оно же православие, самодержавие и народность, получая прибыль, которую, в отличие от оклада содержания чиновника, дохода помещика, жалованья мастеровых и крестьянским потом заработанного, он преимущественно вкладывает в расширение своего предприятия... или предпринимательства. А если иногда и ездит в город Париж, то не сорить деньгами как иные «выездные», но посетить Всемирную выставку и набраться европейского опыта. И гордится купец не столько своими многомиллионными оборотами, сколько медалью от царя. Своего рода государственная торгово-промышленная служба.

Купцы же староверы, игравшие первую скрипку в промышленном развитии империи, и вовсе придерживались идеологии так называемого «государственного стяжательства», то есть не то что копейку, но и грош с полушкой* мимо пальцев не упустит, зато всю свою немалую прибыль тратит на дела общепольные; отсюда Третьяковская галерея, частные оперные и драматические театры, больницы и богадельни, конечно, храмы... даже на революцию, их же дезавуировавшую, давали.

А пресловутый *business* изначально в Америке означал личный доход любыми способами. То есть американский *business man* и переводится на русский как делец — слово у нас непрезентабельное. Так вот, попробуй царский купец публично заявить, что его занятие есть зашибание денег только для себя и

---

* Монета в 1/4 копейки; имела хождение до 1885 года; до 1917 года чеканилась в очень ограниченном количестве, практически не попадая в обращение.— Прим. авт.

любым способом, так его же коллеги мигом вышибут из гильдии! Потому-то «бизнес», как и преступность, не имеет национальных границ.

◆ — Хорошо сказал профессор, емко и конкретно, — одобрил Бурцев, — но пора и итоги подвести нашему сегодняшнему профсоюзному собранию, несколько туманному, в отличие от девяти предыдущих — которые с «домашними заданиями». Как сказал мой любимый поэт Серебряного века:

Я друг свобод. Создатель педагогик.

Я инженер, теолог, физик, логик.

Я призрак истин сплавил в стройный бред.*

Очень даже к нашей троице относится. Все мы дети свободы... конечно, понимаемой по Гегелю, как осознанной необходимости. Создатель педагогик и инженер — разумеется Николай Андреевич, щедро передающий юному поколению свой немалый опыт конструирования ракет. И в едином лице профессора Скородумова несомненно имеет физика и логика. Теолога, правда, среди нас не сыщется. Заменим, с немого позволения поэта, его писателем, то есть мною. Допустим, что поручили вы мне — при моем согласии и непротивлении — оформить наши пятничные триолеты в прозе, в виде книги для чтения в охотку. И что? разве я сплавлю призрак несомненных истин «в стройный бред»? Да никогда, боже упаси. Давайте разольем по последней, то есть отвальной. Будем здоровы!

После окончания процедуры вдохновившийся Андрей Матвеевич продолжил спич.

— Конечно, если такую виртуальную книгу, да еще объемом где-то под четыреста страниц, раскроет, что само по себе имеет близкую к нулю вероят-

---

* Максимилиан Волошин «Два демона» (Из книги «*Selva oscura*»). — Прим. авт.

ность, представитель молодых поколений, тот же студент Николая Андреевича или аспирант Игоря Васильевича, то даже стройность изложения не в силах будет оценить. С таким же успехом ему можно презентовать том фольклора на венгерском языке, а еще лучше на языке маори — коренных обитателей Новой Зеландии. Бог с ними. Я не случайно назвал такую книгу виртуальной, ибо все мы уже не первый год живем в виртуальном мире. И нашему брату-писменнику (это на белорусском, не малороссийском языке!), которому поздно уже либо просто запахло переучиваться на упомянутого бизнесменера, офисного менеджера, логиста (зав. складом) и мерчендайзера (водители-экспедитора), волею окружающей его жизни приходится относиться к своей книге именно как к виртуальной.

— То есть твой труд — это фикция, говоря по-русски?

— Нет, Андреевич, не фикция. Просто писатель должен усвоить реалии современной, во многом уже глобализованной и расчеловеченной жизни. Если в традиционные времена «писатель пописывал, читатель почитывал», говоря несколько заниженным языком, то сейчас процесс иной. Писатель пишет, адресуя свое творение всему человечеству, наводя, говоря словами Льва Толстого, микроскоп на свою душу и перенося из такого рассмотрения пером на бумагу общие для всех людей чувства. Извиняюсь, Лев Николаевич, что облек твою прекрасную мысль в свою словесную аранжировку! Но читателя, как такового в натуре-естестве, в мире практически не осталось. Раньше бы сказали: такой-то пишет, чудака, в ящик письменного стола. Сейчас по-другому: мы живем в виртуальном мире, все люди-человека разъединены. И современный литератор адресует свои откровения незримо им человеку. Аналогия полная с экспериментами исследо-

вателей Вселенной в поисках разума в иных мирах: зашифровав послание в формулах фундаментальных констант, они шлют его радиосигналами в бездну космоса, впрочем, не надеясь получить ответ. То есть литература завершает свою гуманитарную миссию так же, как ее и начинала, когда странные, по общему мнению, люди, уединившись, создавали свои нетленные во времени творения, хорошо зная, что толпа вокруг него не знает грамоте. И посвящали всю свою жизнь рукописи в одном экземпляре. Так и мы все, друзья мои, трудимся, не ожидая понимания. Но разве это снижает наш оптимизм? Так поднимем наш тост за того курилку Ромена Роллана, что жив и будет жить! Будем и мы здоровы!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора: все бы ты знал, да не все бы врал</i>	3
<i>Триолет воспоминаний о встречах</i>	
«А роза упала на лапу Азора».....	13
Чего только в жизни не случается?.....	25
Может еще о ком вспомним?.....	38
<i>Триолет воспоминаний о неблагодарностях</i>	
Долг платежом красен.....	51
Заветный юбилейный рубль.....	61
А есть места, где живут без долгов.....	72
<i>Триолет о крахе деловой активности</i>	
Богатство — вода, шла и не дошла.....	84
Верить студенту что креститься на пожарную каланчу.....	95
Как министр за яснополянского мудреца заступился.....	106
<i>Триолет о тщетности наград и отличий</i>	
Славны бубны за горами.....	118
На левофлангового не равняются.....	129
Динамитная премия.....	141
<i>Триолет сказок из нашей жизни</i>	
Сказка о цифрофрении: не вставая с дивана.....	153
Баллада об умозамещении.....	164
Поэма о толерантности: кешбэкистое сказание о бизнесе и социальной гармонии.....	175
<i>Триолет об административном восторге</i>	
Административное па-де-де.....	187
Ночной директор.....	198
Как три мужика генерала сотворили.....	210
<i>Триолет о военном и мирном атоме</i>	
Любопытный Варавин и восходящее солнце.....	222
Николка и царь-бомба.....	233
Писатель Бурцев и мирный атом, или о вреде курения.....	245
<i>Триолет о хождении во власть</i>	
Зимние ботинки, или незнание политеса.....	257
Подъегорили! Подкузьмили!.....	270
Лучший гражданин мира, или поэзия русского вранья.....	282
<i>Триолет о везеньи и невезеньи</i>	
Универсальная валюта доверия.....	295
Случайность — мать везения, как бы горько порой это ни звучало.....	307
Седьмая пандемия.....	320
<i>Завершающий триолет</i>	
Охотники на привале: жив курилка!.....	333

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

«А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»
ТРИОЛЕТЫ В ПРОЗЕ

18+

Редактирование и корректура В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета
С. В. Никитин

Издательство «Центр современной литературы и книги
на Васильевском» Санкт-Петербург;
Сайт: www.artlitmix.cjm
E-mail: artlitmix@mail.ru

Подписано в печать 01.02.2025
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 16,0
Печать офсетная. Бумага офсетная
Гарнитура «Akademy»
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Тульского
государственного университета
300012, г. Тула, пр. Ленина, 95
Тел. (4872)35-36-20

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года и член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Автор 38 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегии ряда московских, белорусских и региональных периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого (дважды), А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса»; белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного, премии им. святителя Макария, митрополита Алтайского, дипломант Бунинской, Всероссийской Арктической и Филофеевской премий. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «Г. Р. Державин», «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления. Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с широкой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.), им. Н. И. Пирогова (2008 г.) и Макариевской премии (2022 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования». Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель науки Европы (Ганновер). Биография А. А. Яшина опубликована в нескольких десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008) и статью в «Википедии».

